

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы» (РУДН)**

На правах рукописи

Пархоменко Андрей Дмитриевич

**СТАТУТНАЯ СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ
И ЗАРУБЕЖНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент

Бегичев Александр Валерьевич

Москва 2025 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Правовая природа субсидиарной ответственности	16
1.1. Понятие, сущность субсидиарной ответственности и генезис ее правового регулирования на современном этапе	16
1.2. Виды субсидиарной ответственности.....	37
Глава 2. Общая характеристика статутной субсидиарной ответственности в зарубежных странах.....	51
2.1. Статутная субсидиарная ответственность и смежные институты в англосаксонском праве	51
2.2. Статутная субсидиарная ответственность и смежные институты в континентальном праве	66
Глава 3. Статутная субсидиарная ответственность в российском гражданском праве.....	80
3.1. Общая характеристика статутной субсидиарной ответственности в гражданском праве Российской Федерации.....	80
3.2. Статутная субсидиарная ответственность в процедуре банкротства.....	95
3.3. Взаимосвязь статутной субсидиарной ответственности и иных схожих правовых институтов	121
Заключение	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	143

Введение

Актуальность темы исследования

Проблемы гражданско-правовой ответственности являются одними из самых актуальных в современной российской цивилистической науке. Наряду с проблематикой определения границ имущественной обособленности юридических лиц в последнее время тема субсидиарной ответственности приобретает особую значимость. Субсидиарная ответственность представляет собой один из наиболее проблемных институтов гражданского права ввиду отсутствия единого мнения относительно ее правовой природы. Статутная субсидиарная ответственность не была широко представлена в российском законодательстве до введения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ¹ (далее — Закон о банкротстве) соответствующих положений об ответственности контролирующих должника лиц. Актуальность темы обусловлена тем, что круг субъектов, которые могут быть привлечены к такой ответственности, достаточно широк и может определяться не только на основании законодательных презумпций и прямых указаний, а на основании, релевантном для конкретного дела. Сложность применения статутной субсидиарной ответственности заключается в наличии двух противоположных друг другу правовых положений: имущественной обособленности юридического лица и недопустимости извлечения преимуществ из недобросовестного поведения. Привлекая контролирующее лицо к субсидиарной ответственности, кредиторы должника получают возможность восстановить нарушенное право за счет имущества третьего лица, не являющегося стороной основного обязательства. Недобросовестное поведение участников гражданского оборота, нежелающих уплачивать долг, в зарубежных правовых порядках преодолевается с помощью отождествления участников и менеджмента компании с юридическим лицом. Это дает возможность взыскания долга с других лиц и при

¹ Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Российская газета, № 172, 04.08.2017.

этом не допускает возникновения коммерческих рисков у кредитора. Таким образом, происходит гармонизация гражданского оборота.

Актуальность темы связана с введением новых законодательных положений и с вынесением соответствующих актов судебными органами Российской Федерации. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рамках банкротства является проявлением доктрины «снятия корпоративной вуали», широко известной зарубежным правовым порядкам. Нельзя не отметить, что правила привлечения указанных лиц к ответственности являются новыми для отечественного правового порядка, тем более что судебную практику нельзя считать устоявшейся на текущий момент. Развитие указанного института ответственности признано Правительством РФ важнейшим мероприятием в рамках усовершенствования процедур банкротства, призванным сделать их более эффективными. Актуальность данной работы также вызвана тем, что по статистике, количество поданных заявлений о привлечении лиц к субсидиарной ответственности в рамках банкротства растёт с каждым годом. Кроме того, дополнительную актуальность проблематика применения соответствующих законодательных положений приобрела в силу увеличения количества дел, связанных трейсингом ² (отслеживанием) активов должника, а также с трансграничным банкротством³.

Отсутствие правовой определенности в регулировании привлечения лица к субсидиарной ответственности в рамках банкротства, а также терминологические неточности законодательства препятствуют надлежащему осуществлению цели защиты кредиторов при условии сохранения общего правила об имущественной обособленности юридического лица. Баланс между защитой имущественного

² Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023. 348 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

интереса кредиторов и целостностью конструкции юридического лица имеет принципиальное значение при рассмотрении данной проблематики.

Одним из наиболее сложных вопросов, рассматриваемых в диссертации, является применение положений главы III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которыми урегулирована ответственность контролирующих должника лиц. Анализ соответствующих положений законодательства проводится в сопоставлении с положениями статьи 399 Гражданского кодекса РФ, касающимися субсидиарной ответственности, а также смежными правовыми институтами, известными зарубежному праву.

Наиболее распространенной организационной формой юридической личности является хозяйственное общество (общество с ограниченной ответственностью и акционерные общества), соответственно, в данной работе исследование будет проводиться, в основном, в контексте привлечения контролирующих лиц именно таких корпораций. Остальные организационно-правовые формы будут затронуты в меньшей степени ввиду незначительного количества таких организаций в общей массе юридических лиц.

В контексте сравнительно-правового анализа российского правового регулирования заявленной проблематики исследование сужено до выявления способов распознавания контролирующих лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по долгам организаций, в силу статуса. Это сделано ввиду того, что концепции, правовая природа, процедура привлечения к ответственности контролирующих лиц по правилам зарубежных юрисдикций являются обширной темой и выходят за рамки настоящей диссертации, требуя самостоятельного изучения.

Степень научной разработанности темы исследования

В отечественной правовой науке (в том числе, современной) осмыслению гражданско-правовой ответственности в целом уделялось немалое внимание. Однако статутная субсидиарная ответственность, до настоящего времени, не была объектом комплексного исследования. В последние несколько лет в российской науке были представлены диссертационные исследования по смежным темам:

«проникающей ответственности»⁴, законодательного регулирования и применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском и зарубежном праве⁵, злоупотребления правом на управление корпорацией⁶. Также особое внимание исследователями уделялось правовому положению контролирующих лиц в рамках банкротства и привлечению их к ответственности⁷.

Кроме того, существует ряд работ⁸, в которых исследуется статутная субсидиарная ответственность в части привлечения участников юридических лиц и собственников их имущества и исследуются субсидиарные обязательства⁹ в российском гражданском праве. При этом статутная субсидиарная ответственность является не центральным предметом исследования, а лишь второстепенным в рамках исследования той или иной более широкой темы.

Признавая значимость и научную ценность указанных выше исследований, нельзя не отметить, что в них исследуется либо отдельно феномен зарубежного права (как, например, снятие корпоративной вуали), либо сделан акцент на проблематике субсидиарной ответственности в российском праве в целом. Можно констатировать, что на сегодняшний день неисследованными остаются вопросы,

⁴ Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Денис Дмитриевич Быканов. — М., 2018. — 269 с.

⁵ Батыршина К.А. Законодательное регулирование и применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ксения Анатольевна Батыршина. — М., 2020. — 215 с.

⁶ Артемова А.Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Артемова Анастасия Николаевна. — Томск : [б. и.], 2022. — 206 с.

⁷ Покровский С.С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства : дис...канд. юрид. наук: 12.00.03 : защищена 11.10.2017 / Покровский Сергей Сергеевич. — СПбГУ. — 2017. — 226 с.

⁸ Храпунова Е.А.. Субсидиарная ответственность в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Ростов-на-Дону, 2001. — 185 с.; Богданова Е.Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2001. — 180 с.; Кротова Е.В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук /. Кротова Е. В. — Красноярск : СФУ, 2020. — 231 с.

⁹ Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 216 с.; Крюкова Ю.Я. Субсидиарные обязательства в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Крюкова Юлия Ярославовна. [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. — Екатеринбург, 2013. — 170 с.

связанные с местом именно статутной субсидиарной ответственности в российском праве, попытка чего была предпринята в настоящем исследовании с учётом аналогичных (но не идентичных) институтов зарубежного права. Кроме того, в отсутствие должной разработки темы статутной субсидиарной ответственности в российском праве прослеживаются определенные трудности, связанные возникновением правовой неопределенности при применении банкротного законодательства в части привлечения к ответственности контролирующих должника лиц.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие по поводу привлечения к ответственности лиц в силу обладания ими определенного правового статуса, что наиболее ярко реализовано в части ответственности лиц, контролирующих хозяйственные общества в российском и зарубежном праве.

Предметом настоящего диссертационного исследования являются нормы российского и зарубежного права, касающиеся статутной субсидиарной ответственности контролирующих лиц, а также практика применения таких норм и комплекс теоретических положений, связанных с обозначенной темой.

Целью данной работы является формирование научного обоснования правового института статутной субсидиарной ответственности и поиск общего и различного со схожими институтами в зарубежных правовых порядках в контексте англосаксонской и германской правовой парадигмы, а также сопоставление его с соответствующими нормами российского правового порядка.

Цель работы может быть достигнута путем решения следующих **задач**:

- 1) Определить сущность субсидиарной ответственности в силу статуса;
- 2) Проанализировать основание возникновения статутного субсидиарного обязательства и определить его содержание;
- 3) Выявить ключевые нормативные акты, судебные прецеденты, доктринальные источники права по заявленной проблематике;
- 4) Сопоставить подходы и модели статутной ответственности в зарубежном и отечественном законодательстве и судебной практике;

5) Выявить общее и частное в регулировании распознавания контролирующих должника лиц в российском и зарубежном законодательстве, а также проанализировать логику отечественного законодателя в вопросах, касающихся контроля над организациями в частном и публичном праве;

6) Определить место статутной субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника в гражданском законодательстве.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Научная ценность выводов, сделанных на основании настоящего исследования, заключается в том, что они развивают теоретические положения, касающиеся гражданско-правовой ответственности в целом и статутной субсидиарной ответственности в частности. Также указанные выводы могут быть использованы при дальнейших исследованиях заявленной темы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования гражданского законодательства о субсидиарной ответственности, для осуществления правоприменительной практики, а также для преподавания курсов «Гражданское право», «Гражданское и торговое право зарубежных стран», «Предпринимательское право», «Банкротство юридических лиц» и других курсов, в рамках которых изучается проблематика юридических лиц и гражданско-правовой ответственности.

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность методов и приемов познания правовых явлений. При написании данной работы (исследования) были использованы методы анализа, синтеза, историко-правового, формально-юридического анализов, что дало возможность обеспечить многогранность изучаемого правового феномена и внутреннее единство исследования. Также особое место среди использованных методов занимает сравнительно-правовой метод, учитывая характер работы и необходимость сравнения схожих институтов в различных правовых порядках.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили работы дореволюционных цивилистов (И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич, Д.Д. Гримм и др.), советских правоведов (М.М. Агарков, С.Н. Братусь, В.П. Грибанов,

О.С. Иоффе и др.) и современных российских авторов (В.А. Белов, В.В. Долинская, Д.Д. Дождев, А.В. Егоров, Е.Е. Богданова, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.А. Храпунова и др.). Также тема исследовалась иностранными профессорами, в частности, J.E. Antunes, A. Baumbach, Ph. I. Blumberg, P. Davies, A. Dignam, W. Kuckertz, J. Lowry, K. Vandekerckhove и другими.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили результаты анализа судебных актов Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ), Верховного Суда ФРГ, высших судов США и Англии, а также нижестоящих судов по заявленной проблематике. Кроме того, использованы статистические данные.

Научная новизна

В исследовании проведен анализ норм, регулирующих общественные отношения в сфере субсидиарной ответственности, а также практики его применения. Диссертация представляет собой комплексное исследование именно статутной субсидиарной ответственности в современном российском гражданском праве. Опираясь на теоретические разработки иных исследователей, автором проанализированы позиции относительно сугубо зарубежных правовых феноменов, а также выкристаллизована позиция относительно субсидиарной ответственности в целом. Это позволило установить подход к статутной субсидиарной ответственности, разработав положения о статутном субсидиарном обязательстве и основаниях его возникновения, предложен механизм применения статутной субсидиарной ответственности в рамках банкротства.

Научная новизна заключается в позиции автора по вопросу правовой природы субсидиарной ответственности, в частности, обосновывается позиция, что статутная субсидиарная ответственность является самостоятельной разновидностью субсидиарной ответственности. От других видов субсидиарной ответственности её отличают основания возникновения, объем и специфика субсидиарного обязательства, уходящего в обязанность по надлежащему контролю за организацией и недопущению наступления негативных имущественных последствий у кредитора, вступающего в правоотношения с организацией. Кроме

того, в работе дано универсальное определение субсидиарного обязательства, под которым предлагается понимать обязанность по несению дополнительным должником имущественных последствий в случае неисполнения (отказа от исполнения) обязательства основным должником. Случаи неисполнения обязательства основным должником не должны ограничиваться случаями, упомянутыми в статье 399 ГК РФ, поскольку действующее регулирование не менялось на протяжении более чем двадцати пяти лет, а значит, не может надлежащим образом отражать все явления правовой действительности, имеющие место в настоящий момент. Обязательным признаком статутной субсидиарной ответственности является очередность обращения кредитора к основному должнику и только затем – к дополнительному. В ином случае имеет место смешение статутной субсидиарной ответственности с иными правовыми институтами. Предложена классификация различных видов субсидиарной ответственности, определено место статутной субсидиарной ответственности среди них. Обосновано, что ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства не может быть квалифицирована в качестве субсидиарной и в качестве прямой деликтной ответственности в полном смысле этого слова. Дана оценка соотношению частноправового и публично-правового регулирования выявления статуса контролирующего лица, с которым связываются определенные правовые последствия. Анализ зарубежного опыта позволил определить общее и различное в подходах к статутной ответственности в зарубежных правовых порядках.

В работе представлен первый на сегодняшний день комплексный взгляд на феномен статутной субсидиарной ответственности с учетом опыта, накопленного отечественным и зарубежным правом.

Положения, выносимые на защиту:

1) Статутным субсидиарным обязательством является внедоговорное правоотношение кредитора и дополнительного должника, имеющего возможность в силу правового статуса давать обязательные указания основному должнику, в рамках которого субсидиарный (дополнительный) должник обязан нести бремя

неблагоприятных имущественных последствий в случае неисполнения обязательства основным должником. Под статутной субсидиарной ответственностью понимается принудительное исполнение дополнительным должником, осуществляющим контроль над основным должником, неисполненной части основного обязательства, когда такое неисполнение вызвано действиями или бездействием дополнительного должника. Статутная субсидиарная ответственность является самостоятельной разновидностью субсидиарной ответственности наряду с деликтной и договорной;

2) Для привлечения дополнительных должников к статутной субсидиарной ответственности, необходимо установить определённый факт их состояния (правовой статус), выражающийся в фактической и (или) юридической связи между основным должником и дополнительным. Юридическая связь может, например, состоять в том, что дополнительный должник является единоличным исполнительным органом должника. Фактическая связь может, в частности, выражаться в том, что дополнительный должник является выгодоприобретателем незаконно переведённых активов основного должника. Содержание статутного субсидиарного обязательства дополнительного должника (контролирующего лица) заключается в том, что дополнительный должник несёт бремя неблагоприятных имущественных последствий на основании контроля над организацией, а размер субсидиарной ответственности, ставится в зависимость от неисполнения обязательства основным должником, вызванного определенными действиями дополнительного должника;

3) Современное состояние правового регулирования отношений, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности в рамках процедуры банкротства, не позволяет квалифицировать такую ответственность в качестве субсидиарной. Как следствие, в правоприменительной практике данная ответственность квалифицируется в качестве самостоятельной (не субсидиарной) деликтной ответственности контролирующего лица, к которой применимы правила главы 59 ГК РФ. В работе обосновано, что используемый в

Законе о банкротстве термин «субсидиарная ответственность» некорректен и требует исключения.

В чистом виде ответственность контролирующих должника лиц в нынешнем виде нельзя квалифицировать как деликтную ввиду следующего. В случае привлечения контролирующих должника лиц к ответственности невозможно определить моменты совершения деликта и возникновения вреда. Отсутствуют условия, необходимые для привлечения к деликтной ответственности, отличия выражаются и в объеме возмещаемого вреда. Не совпадают основания привлечения к ответственности, поскольку для деликтной пассивной множественности лиц основание ответственности должников должно быть аналогичным (деликт основного и деликт дополнительного должника). Согласно действующему законодательству контролирующее должника лицо отвечает за свои собственные действия независимо от действий основного должника, что исключает субсидиарную природу такой ответственности. Таким образом, в нынешнем виде ответственность контролирующих лиц представляет самостоятельный вид внедоговорной ответственности, наступающей в силу закона;

4) Современное состояние правового регулирования ответственности контролирующих должника лиц создаёт правовую неопределенность в части неоправданного расширения круга таких лиц. В работе обосновано, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рамках банкротства должна соответствовать классической модели субсидиарной ответственности. Такая ответственность должна вытекать не из факта причинения вреда кредиторам, а из наличия у контролирующего должника лиц субсидиарного обязательства по несению бремени неблагоприятных имущественных последствий, к которой дополнительный должник привлекается в случае неисполнения обязательства основным должником. В этом случае она представляет собой ответственность, вытекающую из обязательства со множественностью лиц на стороне должника, где кредитору противостоит основной должник (банкрот) и дополнительный (контролирующее лицо).

Основанием возникновения субсидиарного обязательства в данном случае является факт состояния (правовой статус), выраженный в наличии юридической или фактической связи (контроля) между должниками, при которой функционирование одного из них ставится в зависимость от действий второго. Неисполнение обязательства должником выражено в его неплатежеспособности и соответственно инициировании в отношении него процедуры банкротства, вызванной недобросовестными действиями контролирующего лица. Концептуальной основой привлечения к статутной субсидиарной ответственности в рамках банкротства является отказ в применении принципа ограниченной ответственности, вызванный злоупотреблением правом со стороны дополнительного должника;

5) Правовой статус контролирующего лица может быть использован не только для привлечения к ответственности, но и для других социально-значимых правовых целей, например, при разделе совместного нажитого супругами имущества или приобретении права собственности на имущество. Определение статуса контролирующего лица основано на доктрине, известной зарубежным правовым порядкам как институт (доктрина) «снятия корпоративной вуали». В работе обосновано, что для целей обращения взыскания на имущество контролирующих лиц под институтом «снятия корпоративной вуали» предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по обращению взыскания на имущество третьих лиц вследствие нивелирования границ имущественной обособленности между компаниями и контролирующими лицами;

6) В работе обосновано, что в целях совершенствования российского законодательства, регулирующего отношения по привлечению к ответственности контролирующих должника лиц, необходимо четкое разделение моделей ответственности по аналогии с англо-американской (подходы *identification* и *independency*) и германской (подходы несоблюдения принципа добросовестности *Treu und glauben* и направленного применения норм) доктринами и судебной практикой.

В современном российском законодательстве о банкротстве на данный момент представлен только подход к ответственности контролирующих лиц, основанный на независимом начале (деликте), что представляется некорректным. В связи с чем в работе обоснована необходимость разделения ответственности контролирующих должника лиц в рамках банкротства на прямую деликтную (то есть, на независимых началах) и на статутную субсидиарную, в основе концепции которой лежит отказ в применении принципа ограниченной ответственности. Так, например, контролирующее лицо должно нести прямую ответственность за непередачу документации конкурсному управляющему, повлекшую убытки у кредиторов должника-банкрота. К статутной субсидиарной ответственности контролирующее лицо может быть привлечено, например, за вывод активов основного должника, повлекшее его неплатежеспособность. То есть, за совершение формально законного, но недобросовестного действия, для такого дополнительного должника будет нивелирован принцип ограниченной ответственности юридического лица.

Степень достоверности и апробация результатов. Степень достоверности результатов работы подтверждается изучением и анализом значительного количества российских и зарубежных нормативных актов, российской и зарубежной судебной практики, а также российских и иностранных научных источников.

Результаты настоящего диссертационного исследования были апробированы посредством публикации в научных периодических изданиях, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ:

- 1) Пархоменко А.Д. Возложение субсидиарной ответственности на наследников контролирующего должника лица // Наследственное право. 2021. № 1. С. 42-45;
- 2) Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве // Российский судья. 2021. № 7. С. 13-17;

3) Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 35-44;

4) Пархоменко А.Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица // Российский судья. 2022. № 5. С. 21-24;

5) А.В. Бегичев. Пархоменко А.Д. Проблемы привлечения наследников к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве // Наследственное право. 2024. № 4. С. 30-32.

Теоретические выводы, а также отдельные положения, выносимые на защиту, излагались в рамках научно-практических конференций:

1) XIX Международная конференция молодых учёных «Традиции и новации в системе современного российского права» (7–8 апреля 2020 года);

2) XVIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (24 ноября – 4 декабря 2020 года);

3) VIII Международная научно-практическая конференция «Тенденции развития частного права» (29–30 ноября 2021 года);

4) XVIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (23–26 ноября 2021 года).

5) Международный научный юридический форум «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», посвященный памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра. юрид. наук, профессора В.К. Пучинского (18 октября 2024 года).

Структура данной работы обусловлена обозначенными выше задачами, решение которых позволило обеспечить достижение цели. Настоящее исследование состоит из трех глав, семи параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Правовая природа субсидиарной ответственности

1.1 Понятие, сущность субсидиарной ответственности и генезис ее правового регулирования на современном этапе

Гражданско-правовая ответственность является одной из центральных тем частного права. В условиях динамично развивающихся тенденций в экономике и праве меняется и восприятие гражданско-правовой ответственности. Современными учёными отмечается, что гражданско-правовая ответственность полифункциональна. Помимо традиционно выделяемой в науке компенсаторно-восстановительной функции, важнейшей является и ретрибутивная функция, то есть, функция возложения справедливого наказания в целях предупреждения новых правонарушений¹⁰. Также нельзя не отметить и дистрибутивную функцию ответственности – функцию справедливого распределения вреда¹¹. С изменением гражданского законодательства и появлением новых правовых явлений меняется и восприятие субсидиарной ответственности. Проблематика ответственности всегда стояла достаточно остро, так как ответственность в общем смысле этого слова представляет собой воздаяние за совершенное негативное деяние. В этой связи непременно возникают вопросы, касающиеся процедуры привлечения к ответственности, оснований ответственности, а также морально-этических категорий, таких как справедливость, вина, соразмерность и т.д.

Гражданский кодекс РФ не даёт однозначного определения субсидиарной ответственности. Изложение статьи 399 ГК РФ не предоставляет исчерпывающего толкования термина «субсидиарная ответственность», хотя и указывает на основания привлечения к ответственности дополнительного должника. Тем не менее, в формулировке соответствующей статьи прослеживается вывод о том, что,

¹⁰ Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. — 2018. N 6. С. 32–35.

¹¹ Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. N 4. С. 678–704.

когда стороны прибегают к институту субсидиарной ответственности, в правоотношениях появляется третье лицо – дополнительный должник, который, не будучи стороной относительного правоотношения (обязательства с полной определенностью лиц), несёт ответственность по обязательствам первоначального должника. Также в статье 399 ГК РФ не указывается на наличие какого-либо отношения между субсидиарным должником и кредитором. Неоднозначность института субсидиарной ответственности вызвана именно конструкцией ответственности дополнительного должника по обязательствам основного. Несение ответственности и компенсация убытков должны быть бременем лица, совершившего действия, вызвавшие негативные последствия кредитора (потерпевшего). Привлечение к субсидиарной ответственности предоставляет кредитору дополнительные возможности удовлетворения имущественного интереса, притом что субсидиарный должник своими действиями не причинял вреда потерпевшему.

Вопрос о сущности и правовой природе субсидиарной ответственности является одним из самых дискуссионных в отечественной правовой науке. В данном параграфе акцент сделан на субсидиарной ответственности в современной (постсоветской) правовой системе Российской Федерации. Однако субсидиарная ответственность, будучи древним институтом частного права, была предметом обсуждения не только современных учёных, но и дореволюционных и советских специалистов. За это время отечественными правоведами были представлены весьма интересные взгляды на указанную проблематику. В этой связи представляется корректным сделать краткий экскурс в историю изучения института субсидиарной ответственности.

Предпосылки к появлению института субсидиарной ответственности можно обнаружить в римском праве. Так, например, римскому праву был известен институт «ноксальной ответственности» — ответственность хозяина раба за причинённый им ущерб (*obligatio rei*¹²). Особенностью такой ответственности

¹² Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. — М. 1996. — С. 69.

является то, что «субсидиарность» и появление в правоотношениях фигуры домовладыки (хозяина) представляет собой гарантию кредитора, в случае несоблюдения которой, «дополнительный» должник лишается раба или животного, причинившего ущерб потерпевшему. Помимо этого, римскому праву был известен такой правовой феномен как пекулий – имущество, которое *pater familias* мог передать во временное владение рабу или подвластному лицу (например, сыну). Вследствие этого было сформулировано правило, согласно которому в случае, совершения сделки с подвластным и нарушением последним своего обязательства, кредитор может предъявить требование к подвластному (в полном объеме) и к домовладыке (в объеме пекулия)¹³. В дореволюционной правовой науке не было единого мнения насчёт того, являются ли вышеупомянутые положения относящимися к субсидиарной ответственности. Так, например, профессор Д.Д. Grimm указывал на солидарный характер такой ответственности ввиду того, что домовладыка отвечает перед кредитором наряду с подвластным, а не дополнительно после предъявления первоначального требования к подвластному. Так, Д.Д. Grimm приводил следующий пример: «Если властелин в качестве хозяина корабля (*exercitor navis*) назначил подвластное лицо капитаном (*magister navis*), то он отвечает пред третьими лицами за надлежащее исполнение всех обязательств, заключенных подвластным лицом в качестве капитана, и притом тоже *in solidum*»¹⁴. Профессор И.Б. Новицкий, в свою очередь, оппонировал Д.Д. Гримму, считая, что ответственность *pater familias* была дополнительной (субсидиарной)¹⁵.

До революции 1917 года субсидиарная ответственность имела нормативное закрепление в двух актах: Своде законов Российской Империи 1832 года и проекте Гражданского уложения.

¹³ Дождев Д.В. Римское частное право: практический курс / Д.В. Дождев ; Институт государства и права РАН. — М.: Норма, 2018. — С. 45.

¹⁴ Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права: учебник / Д.Д. Grimm ; под ред. В.А. Томсинова. — М.: Издательство "Зерцало", 2015. — С. 176.

¹⁵ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. — М.: Юрид. лит. — 1972. — С. 85.

В Своде законов Российской империи упоминались, в том числе, следующие случаи, при которых возникала субсидиарная ответственность:

- отказчиков за долги наследодателя (т. X, ч. 1, ст. 1086);
- полных товарищей (т. X, ч. 1, ст. 2134);
- товарищей на вере (т. X, ч. 1, ст. 2130 и 2135);
- поручителя (т. X, ч. 1, ст. 1560).

Среди упомянутых случаев необходимо отдельно выделить поручительство. Поручительство как основание возникновения субсидиарной ответственности нашло своё нормативное закрепление в четвертой новелле византийского императора Юстиниана I в 535 году¹⁶. Российское гражданское право XIX века также восприняло такую конструкцию. Согласно соответствующим положениям Свода законов Российской империи оно воспринималось как мера ответственности ввиду того, что было указание на обязанность поручителя возместить убытки, причиненные основным должником кредитору в случае неисправности последнего¹⁷. Кроме того, в науке прослеживалось отчётливое отграничение субсидиарной ответственности от солидарной. Так, например, Г.Ф. Шершеневич писал, что субсидиарная ответственность «...отличается от того, когда ответственность одного лица стоит рядом с ответственностью другого, а не позади»¹⁸.

Что касается субсидиарной ответственности по «корпоративным» основаниям, в дореволюционной юридической литературе встречаются указания на ответственность товарищей «как поручителей»¹⁹. Исходя из вышеуказанного нормативного регулирования поручительства того времени, можно сделать логичный вывод, что ответственность товарищей была субсидиарной.

¹⁶ Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. — М.: Юрист, 2004. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

¹⁷ Звекова И.А. Развитие института поручительства в Российском праве. Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 2 / Под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. — 2000. — С. 151.

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Спарк, 1995. — С. 339.

¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. — С. 339.

Феномен статутной субсидиарной ответственности подробнее раскрыт в главе 2 настоящей работы, однако можно сделать уместную оговорку о том, что статутная субсидиарная ответственность в отечественном праве корнями уходит в Свод законов Российской империи 1832 года. Здесь впервые было указано на несение ответственности товарищей в случае нехватки имущества юридического лица. Полные товарищи несли безграничную дополнительную ответственность, товарищи на вере – в пределах своего вклада в капитал товарищества. Данную ответственность безусловно можно считать статутной, так как к ней привлекались лица, не связанные обязательственными отношениями с товариществом и не совершавшие деликта. Ответственность наступала в силу юридической связанности товарищей и товарищества в отсутствие каких-либо обязательственных отношений между друг другом.

Гражданским уложением Российской империи была установлена обязанность поручителя по уведомлению должника о намерении исполнить обязательство кредитору, а если кредитор вчинял иск поручителю, последний обязан был привлечь должника к участию в деле, а у поручителя, исполнившего обязательство за должника, также появилось право обратного требования. Объем требования не был ограничен суммой основного долга, но также включал проценты на такую сумму, судебные расходы и убытки поручителя в связи с исполнением обязательства²⁰.

В связи с революционными событиями 1917 года политические, социальные и экономические отношения претерпели существенные изменения. Для построения плановой социалистической экономики требовалась принципиально новая законодательная база, отвечающая требованиям коммунистической идеологии, новой экономической и правовой реальности.

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года сохранились некоторые положения, известные отечественному праву с дореволюционных времён. Так, например, в новом социалистическом законодательстве нашли своё отражение

²⁰ Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 2. С. 1185.

нормы о субсидиарной ответственности полных товарищей в случае недостаточности имущества последнего (статья 295). Кроме того, в статье 305 ГК РСФСР 1922 года было указано, что полных товарищей можно привлечь к субсидиарной ответственности только в случае доказанности несостоятельности товарищества фактически или в судебном порядке. Такие товарищи несут субсидиарную ответственность солидарно своим личным имуществом по обязательствам товарищества и сделкам, если из поведения сторон прослеживается, что сделка заключалась для товарищества.

Что касается поручительства, по общему правилу, ответственность поручителя была солидарной, однако соглашением сторон допускалось несение субсидиарной ответственности поручителя по обязательствам основного должника.

Отдельно стоит отметить правила привлечения к субсидиарной ответственности советских трестов. Согласно статье 4 Положения о промышленных трестах от 29.06.1927 года²¹, публично-правовое образование не несло ответственности по долгам хозрасчётного предприятия, к коим относились трест и трестовые предприятия. Вопрос ответственности предприятий, входящих в один трест, был урегулирован следующим образом. Первоначально трестированное предприятие не имело статуса самостоятельного юридического лица (то есть, субъекта гражданского права). Для учёта в соответствующем финансовом органе регистрировался трест, то есть объединение предприятий одной отрасли, каждое из которых, по общему правилу, не признавалось юридическим лицом с присущими ему признаками, в том числе, наличием обособленного имущества. При этом, не будучи официально зарегистрированным юридическим лицом, трестированное предприятие самостоятельно несло ответственность перед своими контрагентами. Впоследствии законодательство изменилось и трестированные предприятия признавались советским правом в качестве самостоятельных лиц. Руководителем такого предприятия был директор,

²¹ Собрание законодательства. 1927. №39. Ст. 392.

который действовал по доверенности, выданной трестом, а предприятие имело оборотные средства, на которые могло быть обращено взыскание. Законодательством было предусмотрено, что в случае недостаточности имущества трестового предприятия, трест несёт дополнительную ответственность в исключительных случаях. Некоторыми авторами высказывается точка зрения, что в случае с ответственностью треста по долгам трестового предприятия, нельзя говорить о субсидиарном характере ответственности в виду следующего²². Во-первых, имущество трестированного предприятия числилось на балансе и трестового предприятия и самого треста, следовательно, невозможно утверждать, что трестовое предприятие в полной мере обладало обособленным имуществом. Во-вторых, трест в силу своих полномочий перераспределял имущество между трестовыми предприятиями, соответственно, ответственность треста по долгам предприятия была не субсидиарная, а прямая, как по своим собственным обязательствам.

Помимо положений о гражданско-правовой ответственности в целом и субсидиарной ответственности в частности, переосмыслению подвергся и институт юридического лица. В связи с этим советскими учёными-правоведами были сформулированы новые теории юридических лиц.

Ключевой позицией в первые годы существования советской плановой экономики являлась идея профессора А.В. Венедиктова, именуемая в литературе теорией юридической личности государственных органов²³. Данная теория базировалась на признании руководящей роли участия государства в действиях юридических лиц. А.В. Венедиктов признавал юридическое лицо «юридической личностью государственных органов»²⁴, которые де-факто являются проводником воли государственной власти, вследствие чего их организационная и имущественная самостоятельность сведена к минимуму. Примечательно, что

²² Храпунова Е.А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Ростов-на-Дону, 2001. — С. 29.

²³ Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. — М., 1928. — С. 58.

²⁴ Венедиктов А.В. Государственные юридические лица в СССР. — Советское государство и право, 1940, № 10, с. 62–87.

А.В. Венедиктов выделял характер отношений между государственными органами и юридическими лицами как одну из сущностных черт, определяющих функционирование юридического лица. Правоотношения — категория, являющаяся ключевой в данной теории. Отрицая природу «вертикальных» правоотношений, А.В. Венедиктов указывал, что такие отношения не имеют гражданско-правового содержания, так как являют собой одностороннее волеизъявление госоргана, которому ничего не противопоставляется со стороны юридического лица. Также, учитывая парадигму «базис-надстройка», первоначально считалось, что юридическое лицо суть товарной формы государственной собственности. Наиболее ярким апологетом теории юридической личности госорганов стал С.И. Асканзий, который предложил «теорию государства». С.И. Асканзий указывал, что в основе правовых отношений с участием юридических лиц лежит государственная собственность, а государство представляет собой всеобщий организованный коллектив²⁵. Персонификация органа государственной власти заключается не в трудовом коллективе, а «в специфике того участка, на котором осуществляется его деятельность»²⁶.

Следует отметить, что в развитие мысли о юридической личности государственных органов А.В. Венедиктовым была сформулирована теория коллектива, которая получила своё продолжение в трудах других советских исследователей. Суть этой теории заключалась в освещении товарно-денежных отношений социалистической хозяйственной сферы, что позволяло отвергнуть положение о том, что юридическое лицо есть всего-навсего товарная форма собственности государственных органов. Ключевым моментом теории коллектива являлось то, что в основе гражданской правосубъектности государства лежит не только существование государственной собственности как таковой, но и управление частями такого имущества, которое осуществляется коллективом организации, которой вверено это имущество. Данное положение проистекает из

²⁵ Асканзий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями. — Учен. зап. Ленингр. юрид. ин-та. — Вып. IV. Л., 1947. — С. 5–47.

²⁶ Там же. С. 33.

идеи народной собственности. То есть, за каждым государственным органом так или иначе стоит народ, состоящий из рабочих, крестьян и их руководителей. Именно в их действиях и реализуется воля государства, а значит, и советского народа в целом²⁷.

Такое понимание юридических лиц сказалось на переосмыслении авторами советского периода проблемы субсидиарной ответственности государства (казны) по долгам советских предприятий.

А.В. Венедиктовым было указано на то, что возможность возложения ответственности по долгам организации на других лиц ставится в зависимость от степени имущественной обособленности такого лица. Он считал, что ответственность советских юридических лиц является исключительной (ограниченной). Это значит, что лицо отвечает только своим имуществом, а значит, что ни члены организации, ни вышестоящие организации, ни государство не отвечают по долгам организации. Подавляющее большинство юридических лиц в СССР отвечали по обязательствам только своими активами.

Правовое регулирование ответственности государства по обязательствам организаций предусматривало, что государство несёт дополнительную ответственность по долгам бюджетных предприятий в случае недостаточности их имущества. Вопрос, является ли такая ответственность субсидиарной в классическом понимании, был предметом дискуссии А.В. Венедиктова и С.Н. Братуся. А.В. Венедиктов, руководствуясь упомянутыми выше представлениями о юридических лицах, полагал, что государство субсидиарно отвечает по долгам организации в случае нехватки имущества у последнего. С.Н. Братусь же утверждал, что выделение государством дополнительных средств к финансированию подведомственных учреждений не делает ответственность государства субсидиарной ввиду того, что учреждение само погашало долг средствами, предоставленными для этих целей вышестоящим органом²⁸. Кроме того, финансово-правовые отношения между госорганом и учреждением не имеют

²⁷ Венедиктов. А.В. Государственная социалистическая собственность. — М.-Л., 1948. — С. 267.

²⁸ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. — М., 1950. — С. 252.

ничего общего с гражданско-правовой субсидиарной ответственностью государства в качестве дополнительного должника перед кредитором подведомственного учреждения.

Впоследствии самим А.В. Венедиктовым был отвергнут тезис о субсидиарности ответственности ввиду того, что методологическое разделение на объекты и субъекты частного права не может быть отвергнуто даже в условиях плановой экономики. Тем не менее, теория юридической личности госорганов являлась доминирующей в первый период существования довоенной плановой экономики.

С проведением демократических реформ, основы функционирования государства претерпели серьезные изменения, которые естественным образом сказались и на гражданском законодательстве. В условиях рыночной экономики возросло значение гармонизации гражданского оборота, поиска баланса интересов кредиторов и должников, а также имплементации в национальное законодательство ранее неизвестных отечественному праву положений. Исключением не стали и новые положения о гражданско-правовой ответственности.

Правовая природа субсидиарной ответственности и гражданско-правовой ответственности в целом была предметом изучения многих исследований. Юридическая ответственность выступает в качестве реакции на правонарушение²⁹. О.С. Иоффе отмечал: «гражданско-правовая ответственность — есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав»³⁰. Под гражданско-правовой ответственностью, по одной из версий, понимают форму государственного принуждения, связанную с применением таких санкций, которые связаны с

²⁹Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М.: Юрид. Лит, 1985 — С. 130.

³⁰ Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч.2 — Л., 1978. — С. 143.

дополнительными обременениями для правонарушителя, то есть являются для него определенным наказанием за совершенное правонарушение³¹.

Изучение феномена гражданско-правовой ответственности прошло долгий путь, и оставило немало различных точек зрения на её правовую природу, каждая из которых имеет право на жизнь. Однако, что касается именно субсидиарной ответственности, она в полной мере иллюстрирует собой подход, высказанный в своё время профессором С.Н. Братусем. Согласно его позиции, юридическая ответственность есть исполнение обязанности на основе государственного принуждения или общественного принуждения³². С данной точкой зрения трудно не согласиться. Действительно, в случае неисполнения гражданско-правовой обязанности, к должнику могут быть применены принудительные меры имущественного характера. Что касается дополнительных санкций, применяемых к нарушителю, фактически их применение (например, взыскание убытков, процентов, штрафной неустойки) также представляет собой принудительное исполнение обязанности, возложенной на должника законом или договором.

Таким образом, для целей данной работы субсидиарная ответственность будет характеризоваться как принудительное исполнение субсидиарным должником обязательства, основанием которого соответственно могут являться договор, деликт или статус. В этой связи полагаю допустимым обратиться к дефиниции субсидиарной ответственности, предложенной Е.А. Храпуновой: «Субсидиарная ответственность — это особый вид гражданско-правовой ответственности, при котором в случае неисполнения или неполного исполнения обязательства основным должником вследствие его отказа, отсутствия или недостаточности у него для этого имущества, обязанность по исполнению такого обязательства (полностью или в неисполненной части), возлагается на дополнительного должника»³³. Комментируя данное определение, следует сделать

³¹ Храпунова Е.А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. — Ростов-на-Дону, 2001. — С. 37.

³² Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С.Н. Братусь. — М.: Городец-издат, 2001. — С. 81.

³³ Храпунова Е.А. Указ. соч. — С. 9.

акцент на том, что согласно ему субсидиарная ответственность представляет собой обязанность по исполнению дополнительным должником обязательства основного должника в неисполненной части.

Гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер и в силу своей компенсаторной функции направлена на восстановление имущественного положения кредитора. Соответственно, важнейшим аспектом гражданско-правовой ответственности в целом и субсидиарной ответственности в частности является соразмерность ответственности причиненным убыткам.

В основе гражданско-правовой ответственности лежит неисполненное обязательство. Д.Д. Гримм отмечал, что обязательство представляет собой юридическое отношение, которое дает кредитору право требовать от должника доставления какого-нибудь блага, имеющего имущественную³⁴ ценность. В случае неисполнения обязанности должник несёт бремя ответственности перед кредитором, то есть, принудительно претерпевает неблагоприятные имущественные последствия. Говоря о субсидиарной ответственности, следует напомнить, что при привлечении к субсидиарной ответственности участвуют три субъекта — кредитор, основной должник и субсидиарный (дополнительный) должник. При этом субсидиарный должник может быть (и чаще всего) не связан каким-либо обязательством с кредитором, то есть, полная определенность лиц в данных правоотношениях ставится в зависимость от степени исполнения первоначального обязательства основным должником. Привлечение лица к ответственности де-юре и де-факто означает, что ответственное лицо совершило нарушение норм права по своей вине и должно понести соответствующее наказание. При этом, дополнительный должник не имеет возможности влиять на исполнение основным должником своего обязательства и не может считаться правонарушителем. Также стоит отметить, что дополнительный должник несет ответственность, не имея при этом корреспондирующих требований и прав.

³⁴ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию — Пг., 1916). — М., 2003.

Исходя из этого, справедливо замечание, что при привлечении к субсидиарной ответственности складывается ситуация, при которой ответственным будет лицо, не являющееся стороной основного обязательства и не совершающее правонарушение, но при этом претерпевающее неблагоприятные последствия в виде имущественных санкций.

В цивилистической доктрине представлены различные классификации гражданско-правовых обязательств по разным критериям. Из родового понятия обязательства можно вычленить обязательства с множественностью лиц на стороне должника (пассивная множественность лиц). Из таких обязательств можно выделить долевые, солидарные и субсидиарные обязательства.

Согласно положениям статьи 321 ГК РФ общим правилом для обязательств с пассивной множественностью лиц является долевое обязательство, если не установлено иное. В таких обязательствах, в отличие от солидарных обязательств, кредитор фактически лишён права выбора должника, к которому может обратиться за исполнением обязательства, так как пропорция размера ответственности долевых должников заранее определена и не оставляет кредитору дискреционных полномочий по её корректировке односторонним волеизъявлением.

Ещё одним видом обязательств со множественностью лиц являются солидарные обязательства. Согласно статье 325 ГК РФ солидарное обязательство прекращается исполнением солидарной обязанности полностью одним из должников, освобождает остальных должников от исполнения кредитор. Солидарный должник имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого. Одним из примеров солидарной обязанности является пункт 2 статьи 322 ГК РФ, которым установлено, что обязанности нескольких должников по обязательству, связанному с предпринимательской деятельностью, равно как и требования нескольких кредиторов в таком обязательстве, являются солидарными, если не предусмотрено иное (предпринимательский солидаритет). Также классическим примером солидарной ответственности является ответственность поручителя (в случае если в

договоре поручительства не установлена субсидиарная ответственность поручителя).

Правовая природа субсидиарных обязательств является наиболее спорной среди всех обязательств с пассивной множественностью лиц. Множественность лиц в этом случае — на стороне должника, так как кредитору «противостоят» основной должник и субсидиарный. От других видов таких обязательств — солидарных и долевых — субсидиарные обязательства отличаются тем, что кредитор не может предъявить требования к должнику на выбор. В субсидиарных обязательствах, в отличие от солидарных, предусмотрена строгая очередность предъявления требований. Также профессор Н.Д. Егоров отмечал, что у субсидиарных обязательств, в отличие от других обязательств с пассивной множественностью, особый характер распределения размера ответственности — размер ответственности дополнительного должника равен объему неисполненного обязательства основным должником³⁵.

Также существуют другие точки зрения на правовое содержание субсидиарной ответственности. Так, например, группа отечественных исследователей (О.А. Красавчиков, Г.Н. Шевченко и А.С. Шевченко), полагает, что субсидиарные обязательства не следует относить к обязательствам со множественностью лиц на стороне должника. Их позиция состоит в том, что между основным должником и дополнительным существует отдельное обязательство, основанием которого являются организационные отношения (например, отношения учредителя хозяйственного общества и самого общества). Также отмечается, что термин «субсидиарная ответственность» носит условный характер ввиду того, что существо данного феномена представляет собой исполнение дополнительным должником обязательства, возложенного на него законом или договором³⁶. Вследствие вышеуказанного авторы утверждают, что «субсидиарные

³⁵ См. Гражданское право. Ч. 1. Учебник. // Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. — М., ИЗД. ТЕИС. 1996. — С. 465.

³⁶ Нам К. Ответственность за нарушение обязательств: теория и законодательство // Хозяйство и право, 1997. № 4. — С. 129.

обязательства не укладываются в правовую модель обязательств со множественностью лиц»³⁷.

С данной точкой зрения трудно согласиться ввиду следующего. Наличие взаимосвязи основного должника и дополнительного далеко не всегда определяют наличие обязанности дополнительного должника перед основным. Ключевым признаком субсидиарной ответственности является ответственность обоих должников перед кредитором, а не перед друг другом. Управомоченным лицом в таких отношениях всегда будет кредитор. Дополнительный должник отвечает не перед основным должником, а перед кредитором, соответственно, «организационность» таких отношений не влияет на конечный результат субсидиарного обязательства — погашения долга перед кредитором при неисполнении обязательства основным должником. Кроме того, не являясь непосредственной стороной основного обязательства, дополнительный должник всё же является стороной субсидиарного обязательства, вступающей в отношения с кредитором при наступлении определенного условия. Что касается ответственности участников обществ по обязательствам самих обществ, данной проблематике посвящена вторая глава данной работы, где приведена соответствующая аргументация того, что такая ответственность также является субсидиарной, а именно — статутной субсидиарной, соответственно, укладывается в модель ответственности за неисполнение обязательства с пассивной множественностью лиц.

В литературе также встречается и иная позиция, в рамках которой де-факто отрицается самостоятельный характер субсидиарной ответственности. Н.В. Толалева указывает: «...субсидиарные обязательства также не представляют собой самостоятельной формы множественности и включаются в объем «солидарные обязательства»³⁸. Данная точка зрения имеет право на жизнь, однако

³⁷ Иванова Г.Н., Шевченко А.С. Субсидиарная ответственность // Правоведение. 1998, № 2. — С. 150.

³⁸ Толалева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография. — М.: Статут, 2020. — 144 с. СПС КонсультантПлюс.

представляется небыстречной. Представляется, что критериями классификации пассивных обязательств, позволяющими разделить виды друг от друга являются: объем ответственности и очередность предъявления требований. В случае с долевой ответственностью кредитор имеет права требования к содолжникам в долях, установленных законом или договором. Очередность предъявления требования здесь не играет большой роли, так как в любом случае объем ответственности должников не будет больше или меньше имеющейся у них доли в обязательстве. При пассивном солидаритете очередность предъявления требований здесь является исключительно прерогативой кредитора, а должники не имеют возможность на неё влиять. Отличием же субсидиарной от других видов ответственности (долевой и солидарной) является примат очередности исполнения обязательств основным и дополнительным должником над альтернативностью требований к должникам. Что касается объема ответственности, то для субсидиарного должника он составляет часть основного обязательства, неисполненного основным должником. А.А. Павлов справедливо замечает: «Особенность пассивного солидаритета состоит в том, что, несмотря на множественность требований, которые кредитор имеет к содолжникам, его интерес состоит в получении однократного полного удовлетворения»ⁱ. При пассивном солидаритете у кредитора действительно есть возможность одномоментного полного удовлетворения требований, в то время как при субсидиарной модели ответственности он такого права лишён, и его обращение к дополнительному должнику ставится в зависимость от неисполнения обязательства должником основным.

В связи с вышесказанным следует согласиться с классификацией, предложенной профессором Н.Д. Егоровым. Стоит напомнить, что, по его мнению, субсидиарная, долевая и солидарная ответственность являются разновидностью обязательства с пассивной множественностью лиц, а критерием разграничения является объем распределенной ответственности.

Положения пунктов 1–4 статьи 399 ГК РФ, посвященные субсидиарной ответственности, остаются неизменными со времен первой редакции современного ГК РФ. Говоря о ней, следует упомянуть ключевые условия её наступления: 1) неисполнение обязательства основным должником; 2) наличие субсидиарного обязательства дополнительного должника.

Неисполнение обязательства должником проявляется не только в нехватке имущества для погашения долга перед кредитором. Профессором В.В. Долинской предложено собственное определение субсидиарной ответственности: «дополнительная ответственность в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства одного лица к ответственности другого лица, являющегося основным должником, требования в рамках которой предъявляются после предъявления требований к основному должнику в случае отказа основного должника или его уклонения от удовлетворения требований кредитора и при невозможности их удовлетворения путем зачета встречного требования к основному должнику либо бесспорного взыскания средств с основного должника, предусматривающая также обязанность лица, несущего субсидиарную ответственность, до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск, — привлечь основного должника к участию в деле»³⁹. Такое определение наиболее полно освещает возможные случаи неисполнения обязательства основным должником.

Е.В. Кротовой субсидиарное обязательство представляется не обязательством со множественностью лиц, а обусловленным обязательством ввиду того, что критичным условием привлечения дополнительного должника к ответственности является неисполнение (отказ от исполнения) обязательства основным должником⁴⁰. Более того, понятия «обязательства со множественностью

³⁹ Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. N 7. — С. 9–15.

⁴⁰ Кротова Е.В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Кротова. — Красноярск : СФУ, 2020. — С. 8.

лиц» и «обусловленные обязательства» в данном случае воспринимаются как взаимоисключающие.

С данной точкой зрения трудно согласиться. Очередность исполнения обязательства основным и субсидиарным должниками не влияет на конечный результат — защиту имущественного интереса кредитора. Субсидиарный должник действительно может вообще не приступить к исполнению обязательства в случае, если основной должник исполнит его сам. В равной степени при солидарной ответственности ни один из должников не лишён возможности погасить долг перед кредитором самостоятельно, не доводя до предъявления кредитором требования ко всем солидарным должникам. При этом вряд ли можно утверждать, что солидарная ответственность наступает под условием неисполнения обязанности одним из должников. Таким образом, релевантной остаётся вышеупомянутая позиция Н.Д. Егорова, согласно которой субсидиарная ответственность является следствием неисполнения обязанности со множественностью лиц на стороне должника.

Вместе с тем, субсидиарное обязательство предлагается считать разновидностью обусловленных обязательств. Его обусловленность может быть установлена договором, так и законом (деликтное и статутное субсидиарное обязательство). Что касается соотношений понятий «обязательства со множественностью лиц» и «обусловленного обязательства» в данном контексте, то такая позиция представляется некорректной, так как основной характеристикой субсидиарной ответственности является очередность предъявления требований. Таким образом, наиболее корректной представляется определение субсидиарного обязательства как обязательства со множественностью лиц, обусловленного неисполнением первоначального обязательства основного должника. В случае неисполнения должником основного обязательства, дополнительный должник несёт субсидиарную ответственность, то есть, принудительно исполняет своё субсидиарное обязательство, основанием возникновения которого стал договор, закон или статус.

Что касается иных черт субсидиарной ответственности, они были исследованы во многих научных трудах, однако представляется необходимым

кратко зафиксировать основные положения, характеризующие её. Профессор В.В. Витрянский считает: «для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности необходимо соблюдение трех условий: нарушение субъективных прав, вина правонарушителя, причинно-следственная связь между деянием и убытками»⁴¹.

Во-первых, к субсидиарной ответственности могут быть привлечены лица как на началах вины, так и на безвиновных началах. Случаи привлечения к ответственности дополнительного должника на началах вины встречаются довольно редко. Субсидиарная ответственность учредителей хозяйственных обществ за доведения общества до банкротства по их вине рассмотрено в следующей главе данной работы. Классическим примером виновной субсидиарной ответственности может считаться положение пункта 2 статьи 1074 ГК РФ, которое устанавливает, что в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. То есть, субсидиарная ответственность возлагается на родителя несовершеннолетнего ребёнка на началах его вины, более того, виновность родителя презюмируется и должна быть опровергнута родителем. Примером субсидиарной ответственности, наступающей без вины, может служить ответственность поручителя согласно правилу пункта 1 статьи 363 ГК РФ о субсидиарной ответственности поручителя. С появлением положения пункта 3 статьи 401 ГК РФ о квалифицированном случае как единственном основании избегания ответственности предпринимателя, практическая надобность дискуссии о виновной и невиновной субсидиарной ответственности отпала. Несмотря на это, как было указано выше, привлечение к субсидиарной ответственности не ставится в зависимость от наличия вины должника.

⁴¹ Витрянский В.В. Договорное право. — М.: Статут, 2001. — С. 98.

Во-вторых, противоправность является обязательным условием гражданско-правовой ответственности. Говоря о виновно совершенных деяниях, повлекших за собой привлечение к ответственности, не возникает сомнения в их противоправности. Вопрос стоит в том, имеется ли признак противоправности в случае привлечения к ответственности субсидиарного должника. В науке высказывалось мнение о том, что субсидиарный должник не совершает как такового правонарушения⁴². Этой же точки зрения придерживается и Е.А. Суханов, утверждая, что субсидиарный должник не всегда является сопричастным к причинению вреда кредитора, а во многих случаях вообще не совершает правонарушений⁴³. С.С. Покровский отмечал: «...субсидиарная ответственность заключается в основанной на законе (условиях договора) обязанности субсидиарного должника компенсировать нарушение субъективного права кредитора, допущенное по вине основного должника в гражданско-правовом обязательстве и не заглаженное им ввиду имущественной несостоятельности, предотвратить которое субсидиарный должник правомочен посредством экономического, организационно-распорядительного либо властного воздействия на основного должника»⁴⁴. Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что субсидиарный должник не совершает правонарушения, соответственно, не совершает противоправных действий в отношении кредитора. Данный подход критикуется некоторыми исследователями. Е.Е. Богданова считает, что отрицание противоправности как условия ответственности субсидиарного должника фактически подменяет собой классическую ответственность на основании правонарушения на «безосновательную ответственность»⁴⁵. Вместе с тем стоит отметить, что субсидиарная ответственность имеет ряд особенностей, не

⁴² Иванова Г.Н. и Шевченко А.С.. Указ соч. — С. 150.

⁴³ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.

⁴⁴ Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. N 7. — С. 98–129.

⁴⁵ Богданова Е.Е. Указ. соч. — С. 61

укладывающихся в традиционное понимание гражданско-правовой ответственности.

Представляется, что специфика привлечения дополнительного должника к субсидиарной ответственности состоит именно в том, что дополнительный должник несёт ответственность на основании существования субсидиарного обязательства, размер которого ставится в зависимость от степени исполнения своего обязательства основным должником. Субсидиарный же должник не может повлиять на исполнение основным должником своего обязательства. В отечественном праве можно встретить случаи привлечения субсидиарного должника к ответственности без вины и в отсутствии противоправности в действиях субсидиарного должника и без причинения лично им ущерба кредитору (например, субсидиарная ответственность поручителя). Также следует отметить, что к субсидиарной ответственности может быть привлечено лицо, виновное в совершении правонарушения, соответственно, совершившее противоправное деяние (ответственность родителей за причинение вреда несовершеннолетним).

Таким образом, институт субсидиарной ответственности представляет собой разновидность ответственности из обязательства с пассивной множественностью лиц. Ответственность заключается в том, что дополнительный должник субсидиарно и принудительно несёт обязанность основного должника в неисполненной им части. Субсидиарное обязательство здесь обусловлено неисполнением обязанности основным должником, а его основанием является договор, деликт или статус дополнительного должника. Критерием разделения ответственности по таким обязательствам является её объем и очередность предъявления требований кредитора. Кроме того, субсидиарная ответственность может наступать и при наличии «усечённого» состава правонарушения, так как в ряде случаев некоторые элементы состава (например, вина или противоправность могут отсутствовать). Кроме того, на стороне субсидиарного должника в принципе может отсутствовать правонарушение само по себе. Содержание же субсидиарного обязательства заключается в несении дополнительным должником бремени

неблагоприятных имущественных последствий, обусловленном неисполнением обязанности основным должником.

Модель субсидиарной ответственности может быть эффективно использована в контексте распределения риска кредитора, тем самым выполняя дистрибутивную функцию ответственности — функцию распределения неблагоприятных последствий между должниками, что в полной мере соответствует современным тенденциям развития цивилистической мысли.

1.2. Виды субсидиарной ответственности

Институт субсидиарной ответственности неоднородный, поэтому её можно подразделить на виды. Классическая цивилистическая доктрина выделяла два вида субсидиарной ответственности — договорную и деликтную. Впоследствии в научном сообществе были высказаны идеи о существовании третьего самостоятельного вида субсидиарной ответственности — статутной. Критерием выделения каждого вида субсидиарной ответственности является её основание. Статутная субсидиарная ответственность является **отдельной разновидностью субсидиарной ответственности** и подробно освещена во второй и третьей главах настоящей диссертации. В данном параграфе сделан акцент на других видах субсидиарной ответственности.

Субсидиарная ответственность возникает вследствие неисполнения обязательства с пассивной множественностью лиц. Из теории гражданского права известно деление обязательств на договорные, основанные на соглашении субъектов, и внедоговорные, основанные на иных юридических фактах (например, деликтные, кондикционные обязательства). Субсидиарные обязательства также можно классифицировать по тем же признакам, характерным для обязательств в целом.

Обращаясь к юридической литературе, можно выделить несколько черт, характерных для любых обязательств: 1) они являются имущественными отношениями; 2) опосредуют перемещение материальных благ; 3) обязанное лицо

должно совершить строго определенные действия; 4) в обязательстве имеется полная определенность лиц; 5) интерес кредитора удовлетворяется посредством действия обязанного лица; 6) характеризуются повелительностью содержания; 7) обязательство существует определенный или неопределенный срок⁴⁶.

Все упомянутые признаки характерны и для субсидиарных обязательств. Дополнительный должник обязан совершить определенные действия в пользу кредитора, определенные условиями основного обязательства, которое принимает на себя основной должник. Повелительность содержания так же характерно для субсидиарного обязательства. Специфика субсидиарной ответственности, выражающаяся в очередности предъявления требований к должникам и размере их ответственности ни в коей мере не отменяет того обстоятельства, что праву требования кредитора корреспондирует обязанность должников (основная + дополнительная) в силу того, что субсидиарная ответственность возникает из неисполнения обязательств с пассивной множественностью лиц. Срок существования субсидиарного обязательства так же может быть ограничен. Например, согласно положению пункта 6 статьи 367 ГК РФ поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано.

Субсидиарные обязательства имеет смысл рассмотреть в плоскости разделения их на регулятивные и охранительные. Например, в случае субсидиарной ответственности поручителя основанием возникновения субсидиарного обязательства является договор поручительства. На основании пункта 1 статьи 361 ГК РФ поручитель обязан отвечать перед кредитором другого лица за исполнение таким лицом его обязательства полностью или в части. То есть, условия субсидиарного обязательства закреплены посредством согласованных волеизъявлений на заключение договора поручительства с конкретным кредитором, личность которого заранее известна, и которому помимо поручителя «противостоит» должник по основному обязательству. Наличие соглашения само

⁴⁶ Степанов. С.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. – М: Проспект, 2015. С. 381.

по себе свидетельствует о том, что стороны урегулировали правоотношения посредством надления друг друга определенным набором прав и обязанностей. Ключевым моментом для субсидиарного должника является возможность урегулировать объем субсидиарной договорной ответственности. Пунктом 2 статьи 363 установлено, что поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства. Таким образом, законодатель позволяет поручителю ограничить объем ответственности как характером долга (например, включив в договор поручения пункт о том, что поручитель несёт субсидиарную ответственность в части уплаты процентов и возмещения судебных издержек), так и фиксацией максимального порога субсидиарной ответственности поручителя.

Среди охранительных субсидиарных обязательств особый интерес для целей данной работы представляет деликтное субсидиарное обязательство. Основанием возникновения охранительного обязательства является нарушение субъективного гражданского права⁴⁷. В последнее время в науке предлагаются неординарные подходы к сущности охранительных обязательств. Например, Д.Н. Кархалев полагает, что охранительное обязательство возникает в связи с нарушением регулятивного права, однако его дальнейшее существование автономно от развития регулятивного правоотношения⁴⁸. Согласно данной позиции, охранительное обязательство имеет двойственную модель существования. В первом случае охранительное обязательство возникает при нарушении регулятивного обязательства и действует наравне с регулятивным обязательством, существуя параллельно от него несмотря на то, что возникает на основании его

⁴⁷ Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореф. дис. ... доктор юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 6.

⁴⁸ Там же

нарушения. Во втором случае наблюдается прекращение регулятивного правоотношения как такового.

Тема правовой природы охранительного обязательства носит самостоятельный характер и не является предметом настоящего диссертационного исследования. Однако стоит отметить, что деликтное обязательство безусловно является охранительным, носит относительный, односторонний, внедоговорный характер. В контексте темы исследования особый интерес вызывает именно деликтная субсидиарная ответственность, связанная с охранительным обязательством. Деликтное обязательство неразрывно связано с нарушением субъективных гражданских прав, так как его содержание состоит в том, что причинитель вреда наносит ущерб кредитору. В российском праве такие обязательства представлены не слишком широко, однако у них есть определенные сущностные характеристики, позволяющие отграничить их от других видов субсидиарных обязательств. Классическое деликтное обязательство возникает вследствие неисполнения обязанности по совершению негативных действий (бездействия) в отношении потерпевшего. Предпосылкой возникновения субсидиарной деликтной обязанности помимо отношений должников и кредитора является особое отношение должников (родителей и детей) друг к другу. При возникновении деликтного субсидиарного обязательства содержанием субсидиарной обязанности дополнительного должника является возмещение ущерба, причиненного основным должником при условии неисполнения им своего обязательства, вызванным недостатком имущества. Данная характеристика деликтного субсидиарного обязательства встраивается в предложенную выше концепцию субсидиарного обязательства как обязательства со множественностью лиц, обусловленной неисполнением обязательства основным должником (делинквентом).

Договорная субсидиарная ответственность имеет достаточно широкую сферу применения в современном правовом регулировании. Естественным, что договор является основным способом перемещения материальных благ. С развитием предпринимательских отношений в Российской Федерации, увеличилось число

заключаемых договоров, количество их разновидностей и конструкций, а вместе с этим – и неясностей правового регулирования, мешающих нормальному развитию гражданского оборота. В условиях рыночной экономики особое значение придаётся защите кредитора от возможных неблагоприятных имущественных последствий, вызванных незаконными и недобросовестными действиями должника. Институт субсидиарной ответственности позволяет снизить риск кредитора, связанный с неисполнением контрагентом своих обязательств. В этой связи некоторыми учёными высказывается мнение о том, что субсидиарная ответственность (и субсидиарное обязательство) носит обеспечительный характер, так как заключается в обязанности дополнительного должника понести ответственность (то есть, удовлетворить имущественные требования кредитора) за основного должника, в случае неисполнения последним первоначального обязательства⁴⁹.

Договорная субсидиарная ответственность представлена в законодательстве довольно репрезентативно. Примерами такой ответственности можно считать ответственность пользователя коммерческой концессии за вред, нанесенный правообладателю вторичными пользователями (статья 1029 ГК РФ), ответственность лица, передавшего в собственность другого лица недвижимость, обремененная рентой (статья 586 ГК РФ), ответственность правообладателя по требованиям предъявляемым к пользователю (статья 1034 ГК РФ) и т.д. Кроме того, в силу известного принципа свободы договора и положения статьи 399 ГК РФ, условие о субсидиарной ответственности дополнительного должника может быть включено в любой договор. Наличие иного, отличного от основного должника, субъекта, имеющего собственную имущественную сферу, позволяет более полно удовлетворить интересы кредиторов в случае неисполнения основным должником своего обязательства.

В силу того, что субсидиарная ответственность наступает в результате неисполнения обязательства со множественностью лиц на стороне должника,

⁴⁹ См: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.

необходимо отметить, что основанием ответственности является правовая связь (соглашение) между кредитором и дополнительным должником. Таким образом, предпосылкой привлечения субсидиарного должника к ответственности является его принципиальное согласие на привлечение его к ответственности в случае наступления определенного условия (неисполнение обязательства основным должником). Классическим примером субсидиарной договорной ответственности является ответственность поручителя.

Статьей 361 ГК РФ установлено, что поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. То есть, и в этом случае дополнительный должник (поручитель) не связан отношениями с основным, но связан с кредитором, что подтверждает верность вывода о том, что принятие на себя дополнительным должником субсидиарного обязательства, образует собой обязательство с пассивной множественностью лиц, обусловленное неисполнением обязательства основным должником.

По общему правилу поручитель привлекается к солидарной ответственности, однако в законодательстве присутствует и нормативное закрепление субсидиаритета поручителя. Так, частью 1 статьи 363 ГК РФ установлено, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Различие субсидиарной модели и солидарной состоит в том, что при солидарной модели кредитор может по своему усмотрению обратиться с требованием к основному должнику, либо к поручителю, либо к ним совместно. При субсидиарной модели поручительства необходимым условием является неисполнение обязательства основным должником, закрепленного в статье 399 ГК РФ. Так, например, Е.А. Храпунова обращает внимание на то, что кредитор вправе обратиться к поручителю, если он не получил

необходимого исполнения от должника, а также если должник отказал ему в возмещении либо срок ответа истек⁵⁰.

Ранее упоминалось о том, что в договоре поручительства допускается закрепление объема субсидиарной ответственности и срока действия поручительства. Ответственность поручителя наступает безотносительно наличия вины и в отсутствии противоправности с его стороны. Следовательно, в договорной субсидиарной ответственности «усеченность» состава правонарушения лица, привлекаемого к ответственности, можно наблюдать наиболее явно. Трудно не согласиться с мнением В.В. Витрянского, который утверждает, что положения статьи 363 ГК РФ об ответственности поручителя фактически не содержат собственно норм об ответственности⁵¹. Договором поручительства устанавливается содержание договорной субсидиарной обязанности, необходимость исполнения которой обусловлено исключительно неисполнением обязанности основным должником основного обязательства, к которому обязательство поручителя является присоединенным (акцессорным). Таким образом, подтверждается вывод параграфа 1.1 данной работы, что сутью субсидиарной ответственности является принудительное исполнение субсидиарной обязанности в виде несения неблагоприятных имущественных последствий вследствие неисполнения обязанности основным должником.

Некоторыми авторами⁵² высказывается позиция относительно того, что договорная субсидиарная ответственность поручителя представляет собой исполнение собственного обязательства, а не обязательства основного должника. Возражая данному тезису, стоит акцентировать внимание на следующем.

⁵⁰ Храпунова Е.А. Указ. соч. С. 129

⁵¹ Брагинский М.И. Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1998. С. 509

⁵² Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая // СПС КонсультантПлюс. 2021. СПС КонсультантПлюс; Поручительство : комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» [Электронное издание] / С. В. Сарбаш. – Москва : М-Логос, 2021. – С. 16.; Трезубов Е.С. Старые проблемы разрешения споров о поручительстве в свете нового Постановления Пленума ВС РФ N 45 от 24 декабря 2020 г. // Российский судья. 2022. N 3. С. 7 - 12. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Договорная субсидиарная ответственность поручителя полностью укладывается в признаки субсидиарной ответственности в целом. Во-первых, обратиться с требованием к поручителю кредитор может только в случае неисполнения основным должником первоначального обязательства. Во-вторых, объем субсидиарной ответственности поручителя напрямую зависит от степени исполнения обязательства основным должником. Обратная трактовка ответственности поручителя может поставить под сомнение существование субсидиарной ответственности в целом как правового феномена. Развивая тезис вышеупомянутых авторов, можно прийти к выводу о том, что субсидиарная ответственность представляет исполнение собственного обязательства, то есть, является абсолютно самостоятельной и автономной ответственностью субсидиарного должника, что представляется некорректным в связи с вышеупомянутыми характеристиками правовой природы субсидиарной ответственности.

Субъектами договорного субсидиарного обязательства могут быть лица, обладающие дееспособностью. Круг договоров, в который может быть включено положение о субсидиарной ответственности, невозможно очертить ввиду постоянно усложняющихся экономических отношений, появления новых правовых феноменов (например, контрактов в цифровом праве), а также возможностью сторон заключать смешанные и непоименованные договоры, согласно принципу свободы договора.

Совсем иным образом обстоят дела в сфере применения деликтной субсидиарной ответственности. На сегодняшний день учёными выделяется лишь один случай деликтной субсидиарной ответственности – ответственность законных представителей несовершеннолетних возраста от 14 до 18 лет (статья 1074 ГК РФ).

В юридической литературе можно встретить утверждение о том, что деликтные правоотношения можно классифицировать по множеству разных оснований: по видам, субъектам, характеру ответственности, и т. д. Традиционно выделяют две группы деликтов: общий деликт и специальный деликт. Общий деликт закрепляет общие положения гражданско-правовой ответственности,

применимые ко всем обязательствам из причинения вреда. Общим правилом здесь является обязанность лица, причинившего вред, в полном объеме возместить убытки лицу, которому был причинен вред.

Специальные же деликты представляют собой сложные (особые) составы правонарушения, которые применяются лишь в установленных законом случаях. К таким деликтам относят:

1. Ответственность за вред, причиненный актами публичной власти;
2. Ответственность за вред, причиненный частично дееспособными, ограниченно дееспособными лицами, недееспособными;
3. Ответственность за вред, причиненный создающей повышенную опасность деятельностью;
4. Ответственность за вред, причиненный в результате недостатков товаров (работ, услуг);

Ответственность несовершеннолетних и субсидиарная ответственность их законных представителей относится к специальному деликту в силу особенностей субъектного состава.

Отличительной особенностью привлечения причинителей вреда к деликтной ответственности является обязательное наличие у них деликтоспособности, то есть, способности самостоятельно нести ответственность за нарушение обязательств. Малолетние граждане (до 14 лет) в силу статьи 1073 ГК РФ не несут самостоятельной ответственности за причиненный вред. Конструкция ответственности в данном случае выглядит таким образом, что причинителем вреда является родитель (опекун, организация для детей-сирот) малолетнего гражданина, если не докажет, что вред возник не по вине родителя.

Иным образом обстоит дело с ответственностью несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Несмотря на отсутствие у них полной дееспособности, экономико-правовые условия жизни в современной Российской Федерации позволяют данным лицам обладать собственной имущественной базой. Данные лица наделены правом вступать в трудовые отношения и самостоятельно распоряжаться заработной платой, стипендией,

иными доходами, быть членами кооперативов, осуществлять авторские и иные права, связанные с результатами интеллектуальной деятельности.

Исходя из этого, законодатель особым образом урегулировал деликтную ответственность лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Согласно пункту первому статьи 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях.

Имеет смысл подробнее остановиться на характеристиках деликтного субсидиарного обязательства. Во-первых, оно так же, как и договорное субсидиарное обязательство, представляет собой обязательство со множественностью лиц. Потерпевшему (кредитору) противопоставлены несовершеннолетний причинитель вреда и его родители (по общему правилу), которые, представляется, солидарно, в силу статьи 45 Семейного кодекса РФ, несут субсидиарную ответственность, в случае нехватки имущества несовершеннолетнего для погашения долга.

Во-вторых, родители привлекаются к субсидиарной ответственности на основании вины, в отношении которой законодателем допущена презумпция. Судебной практикой был выработан подход, согласно которому под виной в данном контексте понимается неосуществление должного надзора за несовершеннолетними, так и безответственное отношение к их воспитанию или неправомерное использование своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред (попустительство или поощрение озорства, хулиганских действий, безнадзорность детей, отсутствие к ним внимания и т.д.⁵³). Данное определение представляется некорректным ввиду того, что под виной традиционно понимается психическое отношение лица к содеянному. Из данного определения не содержится указания на отношение лица к содеянному и на классификации форм вины. Скорее, можно

⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» // "Российская газета", № 131, 14.07.1994

утверждать, что формулировка пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №3 от 28.04.1994 года указывает на противоправные деяния в форме действия (поощрение озорства) либо бездействия (отсутствие внимания к детям). Впоследствии судебной практикой было скорректировано данное определение вины в субсидиарном деликтном обязательстве и термин «вина» исчез из разъяснений, касающихся данного вопроса ⁵⁴. Основанием возникновения ответственности у родителя является неисполнения обязанности по надзору (воспитанию) ребёнка, которая заложена семейным законодательством Российской Федерации. Не вдаваясь в дискуссию о соотношении гражданско-правового и семейно-правового регулирования, отметим, что обязанности родителя по надлежащему воспитанию ребенка установлены Семейным кодексом РФ. Из совокупности норм ГК РФ о деликтной ответственности и СК РФ об обязанностях родителей можно выделить некоторые особенности применения субсидиарной ответственности несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

Некоторыми учёными высказывается позиция ⁵⁵ относительно того, что основным должником по деликту несовершеннолетнего могут быть родители, а не он сам. Обосновывается это тем, что на практике могут быть встречены случаи невиновного причинения вреда несовершеннолетним при виновном неисполнении законными представителями своих обязанностей по надзору и воспитанию детей. С данной точки зрения сложно согласиться. Идея полной деликтоспособности несовершеннолетних базируется на том, что в таком возрасте лицо уже может отдавать отчёт своим поступкам и осознавать потенциальные последствия несоблюдения прав в отношении жизни, здоровья, имущества потерпевшего. Реверсивное перекладывание ответственности и превращение субсидиарного

⁵⁴ См. пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», «Российская Газета», №24, 05.02.2010

⁵⁵ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. – М. Госюриздат., 1951 С. 109.

должника (родителя) в основного нарушает всю конструкцию обязательственного правоотношения. Одна из функций ответственности заключается в компенсации вреда кредитора. Нести ответственность должно лицо, непосредственно нарушившее его право, в случае если лицо обладает деликтоспособностью. При этом необходимо учитывать степень вины причинителя вреда.

Особенность причинно-следственной связи как условия привлечения к гражданско-правовой ответственности является то, что она представляет собой явление независимое от сознания и воли человека. В литературе также встречается мнение о том, что причинно-следственная связь есть объективное условие гражданско-правовой ответственности⁵⁶ (в отличие от вины, которая, как известно, субъективна). От этого зависит персонификация ответственности, ее объемы и пределы. Причинно-следственная связь существует только в случае если противоправное деяние предшествует вреду по времени, а также если деяние порождает вред. В контексте невиновного причинения вреда несовершеннолетним сложно усмотреть причинно-следственную связь между собственно вредом и неисполнением родительской обязанности по воспитанию несовершеннолетних. Отсутствие должного контроля и воспитания не может являться причиной причинения вреда несовершеннолетним, если он не мог предвидеть последствия своего деяния и не желал их наступления. Такое причинение вреда не ставится в зависимость ни от вины, ни от неисполнения обязанности по воспитанию.

Основным условием привлечения дополнительного должника к ответственности является неисполнение основным должником обязательства перед кредитором. Причиной неисполнения основного обязательства должником может являться уклонение от исполнения обязательства, недостаток имущества, невозможность удовлетворения требования зачетом. Для привлечения к деликтной субсидиарной ответственности необходимо установить факт неисполнения основным должником обязательства, вызванным недостаточностью имущества несовершеннолетнего для возмещения причиненного вреда. Такой же позиции

⁵⁶ Идрисов Х.В. Вина как условие ответственности в гражданском праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2010. С. 41.

придерживаются Л.Г. Кузнецова и Я.Н. Шевченко, которые придерживаются позиции о том, что вопрос об ответственности родителей ставится только после того, когда становится очевидна неспособность несовершеннолетнего исполнить деликтное обязательство самостоятельно⁵⁷.

Привлечение родителей в качестве субсидиарных должников ставится в зависимость от выяснения возможности несовершеннолетнего по возмещению ущерба потерпевшему. То есть, очередность предъявления требований не может быть нарушена, даже если у несовершеннолетнего отсутствуют доходы или имущество. Количество судебных дел о причинении вреда несовершеннолетними достаточно велико, соответственно данный институт имеет большое значение для правоприменительной практики. Вместе с тем, несмотря на распространённость данного института, на практике иногда встречаются судебные ошибки, вызванные именно неверным пониманием природы деликтной субсидиарной ответственности.

В одном из дел⁵⁸, рассмотренных Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, суд указал на ошибки нижестоящих инстанций в этой связи. Согласно материалам дела несовершеннолетнее лицо, управляя велосипедом, причинило имущественный вред владельцу автомобиля. Потерпевший вчинил иск о солидарном возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, с родителей несовершеннолетнего. Три инстанции поддержали исковые требования, усмотря вину родителей несовершеннолетнего в причинении ущерба истцу. Вина родителей состоялась в том, что они не подготовили несовершеннолетнего сына к езде на велосипеде по проезжей части, а также не обучили его соответствующим положениям Правил дорожного движения. На основании этого суды пришли к выводу о взыскании с несовершеннолетнего и его родителей в солидарном порядке стоимости ремонта автомобиля. Судебная коллегия Верховного Суда РФ не

⁵⁷ Кузнецова Л.Г. Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. – М. 1968. С. 125.

⁵⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2020 N 2-КГ20-3-КЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

согласилась с выводами нижестоящих инстанций ввиду следующего. Нижестоящим судам необходимо было установить наличие или отсутствие у несовершеннолетнего лица доходов или имущества, достаточного для возмещения причиненного материального ущерба. Суд также указал на то, что истец ошибочно обратился к родителям и к несовершеннолетнему как к солидарным должникам, хотя согласно приведённым нормам права должен был сделать это в субсидиарном порядке. Нижестоящие суды, в свою очередь, не привлекли несовершеннолетнего в качестве соответчика, как этого требует статья 399 ГК РФ.

Еще одним интересным моментом в контексте деликтной субсидиарной ответственности является прекращение субсидиарного обязательства наступлением совершеннолетия основного должника. С учётом анализа иных видов субсидиарной ответственности, можно утверждать, что это единственный случае прекращения субсидиарного обязательства вследствие наступления события – юридического факта, не зависящего от воли лица.

Подводя итог первой главы, можно сделать вывод о правовой природе субсидиарной ответственности. Она возникает на основании субсидиарного обязательства, которое имеет двойственный характер. С одной стороны, оно представляет собой обязательство с пассивной множественностью. От иных видов обязательств со множественностью лиц оно отличается размером требования субсидиарного должника и нормативно установленной очередностью предъявления требований кредитором. С другой стороны, оно может быть отнесено к обусловленным обязательствам. Условием в данном случае выступает неисполнение обязательства основным должником.

Также необходимо отметить, что отличительной чертой субсидиарной ответственности является то, что при привлечении к ней дополнительного должника у него могут отсутствовать необходимые элементы, такие как вина и противоправность. Более того, зачастую должник не совершает правонарушения как такового.

Глава 2. Общая характеристика статутной субсидиарной ответственности в зарубежных странах

2.1. Статутная субсидиарная ответственность и смежные институты в англосаксонском праве

Англосаксонский опыт привлечения к ответственности контролирующих лиц должника напрямую связан с доктриной снятия корпоративной вуали, истоки которой следует искать в британском праве. За более чем два века развития корпоративного законодательства английский правопорядок накопил значительный опыт регулирования и правоприменительной практике в данной области.

Профессор Блумберг утверждал, что абсолютное ограничение ответственности юридического лица, находящегося в группе компаний, произошло вследствие «исторической ошибки», так как взаимоотношения между инвесторами и компаниями имели существенные различия с взаимоотношениями материнских и дочерних компаний в части финансово-экономической деятельности, порядка управления и пр.⁵⁹. С экономической позиции аргументация в пользу строгого ограничения ответственности сводится к существованию отдельно взятой корпорации с индивидуальными инвесторами⁶⁰. При этом данные аргументы не выдерживают критики, когда речь идет о существовании группы компаний, в которых материнская компания активно участвует в ведении хозяйственной деятельности дочерних компаний. Идея состоит в том, что ограниченная ответственность достигает своих целей, когда в компании существуют пассивные инвесторы, не участвующие в управлении корпорацией и соответственно несущие минимальный риск. Кроме того, в крупных компаниях существует больше возможностей для диверсификации финансов, распределения рисков, а

⁵⁹ Ph. I. Blumberg, 'Accountability of multinational corporations: the barriers presented by concepts of the corporate juridical entity' (2001) 24 Hastings Int'l & Comp. L. Rev. 30 15, note 2 and 56 et seq.

⁶⁰ Ph. I. Blumberg, P. 93.

следовательно, ключевые управляющие элементы таких компаний нуждаются в меньшей степени защиты ограничением ответственности. Необходимость более детальной проработки института ограниченной ответственности повысилась с расширением европейского коммерческого оборота. Вызвано это было тем, что не участвующие в управлении компанией инвесторы также нуждались в правовой защите. Необходимость была вызвана тем, что инвесторам требовалось купировать риски, на наличие которых они не могут повлиять ввиду своего неучастия в управлении компанией. Поэтому назрела необходимость сформулировать правило, согласно которому ответственность инвесторов ограничивалась размером их вклада в уставный капитал. Назревшая необходимость нашла своё отражение в нормативных актах: в Англии был принят Закон об ограниченной ответственности 1855 года, а во Франции появились положения об ограниченной ответственности в Торговом кодексе 1807 года⁶¹.

Так, на начальном этапе существования корпоративного бизнеса не было найдено оптимальное решение, которое позволило бы защитить инвесторов и одновременно пресечь злоупотребление «корпоративным щитом», коим представляется ограниченная ответственность. Вокруг проблематики соблюдения баланса интересов участников-инвесторов и третьих лиц (кредиторов) дискуссия ведётся до сих пор. Четкие критерии допустимого ограничения ответственности и прокалывания корпоративной вуали чётко не установлены до сих пор.

Термин «снятие корпоративного покрывала» также эволюционировал. В частном праве существует ряд общих оснований, по которым третьи лица несут ответственность по долгам компании перед её кредиторами. В этой связи кредиторы могут использовать общие способы защиты гражданских прав: взыскание убытков, взыскание долга по договору, возмещение ущерба, возникшего вследствие деликта и проч. С развитием гражданского оборота и правового регулирования в иностранных государствах сформировались разные подходы к привлечению к ответственности третьих лиц.

⁶¹ A. Dignam and J. Lowry, *Company Law*, (Oxford, Oxford University Press, 2006), 15 et seq.

Содержание первого подхода заключается в том, что третьи лица, не участвующие в обязательствах непосредственно, несут ответственность на «независимых началах» (independency). Это означает, что такие лица могут быть привлечены к ответственности в случае, законом напрямую предусмотрен юридический состав, позволяющий это сделать⁶². Представляется, что такой механизм не может в полной степени называться «снятием корпоративных покровов» ввиду того, что, собственно, нет надобности прибегать к игнорированию имущественной обособленности юридического лица коль скоро закон позволяет напрямую взыскивать долг с третьих лиц.

Второй подход именуется идентификационным (identification). Он сводится к тому, что принцип имущественной обособленности нивелируется ввиду того, что компания и её участник представляют собой единую экономическую единицу, что дает в юридическом смысле возможность «объединить» их имущественную массу для целей исполнения обязательств перед кредиторами. Специфика данного подхода заключается также в том, что сфера его применения не ограничивается возможностью представить только участника и компанию как единый экономический субъект. В данном случае корпоративный покров может быть снят и по горизонтали, даже если между компаниями нет отношений формальной зависимости (на практике такие компании иногда именуется «сестринскими»)⁶³. Немаловажным является то, что именно вследствие развития подхода identification суды англосаксонской правовой семьи стали чаще обращаться к прецедентному регулированию либо же стали формулировать собственные критерии допустимого снятия корпоративной вуали. Одним из таких дел стало *Laya v. Erin Homes, Inc.*⁶⁴. Данное дело примечательно тем, что в нём суд выделил 19 аспектов, определяющих возможность снятия корпоративных покровов, в том числе

⁶² W. Reder, Die Eigenhaftung vertragsfremder Drifter im internationalen Privatrecht, Konstanzer Schriften zur Rechtswissenschaft, Band 21.

⁶³ K. Vandekerckhove, 'Vereenzelviging en het doorbreken van de rechtssubjectiviteit van verbonden vennootschappen' 2000 TRV, 276–277.

⁶⁴ John LAYA and Thelma Laya, His Wife, v. ERIN HOMES, INC., a Corporation, Michael Ferns, Individually, and Mike Ferns, dba Erin Homes, Inc. 352 S.E.2d 93 (1986). Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

«использование компании исключительно как оболочки», «нахождение всех долей компании в собственности одного лица или его семьи», «использование одних и тех же помещений для ведения бизнеса».

Обособленное существование этих подходов подвергалось оспариванию в науке. Некоторые авторы, например, П. Фиас, называют подход *independency* «квази-снятием корпоративной вуали»⁶⁵, другие, в частности, В. Редер, вообще отрицают указанный подход и не относят его к «снятию корпоративной вуали»⁶⁶. О «снятии корпоративной вуали» в классическом понимании можно говорить тогда, когда в законах отсутствует прямое указание на обязанных лиц, однако имеются правила, согласно которым, долг может быть взыскан с третьего лица при наличии определенных обстоятельств, выведенных, в том числе, судебной практикой или доктриной.

Говоря об истории применения доктрины «снятия корпоративной вуали», следует указать, что данная процедура была осуществлена в XIX веке в Англии⁶⁷. С тех пор страны англосаксонской правовой семьи далеко продвинулись в разрешении споров подобного характера, поэтому их опыт представляет большой научный и практический интерес. Ключевым признаком любого юридического лица является самостоятельная правосубъектность, которая невозможна без наличия собственного имущества организации. Установление и соблюдение баланса между ограничением ответственности участников в размере их вклада в уставный капитал и противодействием злоупотреблением конструкцией юридического лица представляется центральным вопросом в контексте проблематики снятия корпоративной вуали.

Главным аспектом взаимоотношений уполномоченного лица и обязанных лиц является стирание границ между разными юридическими личностями. Механизм снятия корпоративной вуали дает возможность преодоления «обособленной юридической личности»⁶⁸ путем обращения взыскания на

⁶⁵ P. Vias, *Rechtspersonen*, (Deventer, Kluwer, 2002), 150.

⁶⁶ W. Reder. Там же.

⁶⁷ *Salomon v. Salomon & Co.* [1897] AC 51–54. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

⁶⁸ Vandekerckhove K. *Piercing the Corporate Veil*. Kluwer Law International (2007). P. 22.

имущество других лиц. Доктрина снятия корпоративной вуали призвана ответить на ряд практических вопросов: каким образом и в пределах каких процедур участники корпорации несут ответственность по долгам корпорации перед третьими лицами⁶⁹. В контексте предпринимательской деятельности (особенно с участием крупных холдингов) делается акцент на распределении ответственности между материнским обществом и дочерним⁷⁰.

Необходимо отметить, что каждый из двух подходов лишь предпосылкой к привлечению к ответственности, для реализации которой имеется ряд специальных условий⁷¹.

Существует также несколько видов «проникающей ответственности», различающихся по методике применения⁷²:

- 1) «прямое проникновение» (direct piercing). Смысл в том, что кредиторы компании вправе обратиться за взысканием на имущество участников независимо от наличия виновных действий с их стороны;
- 2) «ненастоящее проникновение» (indirect piercing). Основывается на виновных действиях контролирующих лиц и причинно-следственной связи между такими действиями и возникшими убытками (например, при банкротстве);
- 3) «поперечное проникновение», «горизонтальное проникновение». Дает возможность привлекать несколько компаний, не находящихся в зависимости друг от друга, не являющихся дочерними/материнскими, но находящихся под контролем одного лица;
- 4) «добровольное снятие» (voluntary piercing). При таком подходе участники юридического лица дают кредиторам гарантию, что, в случае образования непогашенного долга у компании, они отвечают своим имуществом.

⁶⁹ Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов [и др.] ; отв. ред. В.А. Белов. — 2-е изд., стер. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — С. 185 стр.

⁷⁰ Schmitthoff C.M. Banco Ambrosiano and Modern Company Law // Journal of Business Law. L., 1982. P. 363.

⁷¹ Так, например, условием привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по российскому праву является признание должника банкротом вследствие действий или бездействий контролирующих лиц (ст. 10 Федерального закона от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О банкротстве»).

⁷² Суханов Е.А. указ. соч. С. 185.

Данная форма отличается от остальных, поскольку участники юридического лица применяют ее добровольно. Соответственно, необходимой предпосылкой применения добровольного снятия корпоративной вуали является наличие специального соглашения между участниками юридического лица и кредиторами юридического лица⁷³;

5) «обратное проникновение» (reversed piercing). В данном случае у кредитора есть возможность обратиться с взысканиями на имущество компании при возникновении долга у ее участника.

Отмечу, что снятие корпоративного покрыва не всегда направлено против интересов участников корпорации. Известны случаи, когда данная процедура выгодна самому участнику. Такой подход получил название «дружеского проникновения»: участник получает право требования к должнику от имени и в интересах своей компании. Так, например, в деле *DHN Food Distributors v. Tower Hamlets London Borough Council*⁷⁴ материнской компании (истец), владеющей земельным участком на праве бессрочной аренды (собственником-арендодателем формально была дочерняя компания), удалось доказать наличие контроля над дочерней фирмой. Это позволило материнской компании получить компенсацию за выкуп земель для государственных нужд.

Снятие корпоративной вуали де-факто является опровержением данной презумпции при решении конкретного дела⁷⁵ и позволяет кредиторам удовлетворять свой имущественный интерес за счет лиц, связанных с корпорацией-должником. Английская доктрина снятия корпоративной вуали строго придерживается принципа самостоятельности юридического лица и отделения его имущества от имущества учредителей и контролирующих лиц. Данный подход впервые был отражен в 1897 году в основополагающем решении Палаты Лордов по делу *Salomon v. Salomon & Co*⁷⁶. Палата Лордов закрепила правило, согласно

⁷³ Vandekerckhove K. указ.соч. Р. 39.

⁷⁴ *Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council* [1976] 3 All E.R. 462. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

⁷⁵ Белов В.А. указ. соч. С. 185.

⁷⁶ *Salomon v. Salomon & Co.* [1897] AC 51–54. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

которому юридическое лицо является самостоятельным правовым образованием, выступающим от своего имени, имеющим собственное имущество для осуществления деятельности. Изменяя решение нижестоящей инстанции, Палата Лордов постановила, что корпорация не может расцениваться как агент или посредник для своих участников, а также закрепила правило о том, что участники и управляющие корпорацией не могут привлекаться к ответственности по долгам компании в любой форме. На этом решении английское корпоративное право базируется по сей день. Однако с течением времени все же происходят определенные изменения.

На данный момент принято дифференцировать законодательное и прецедентное регулирование данного вопроса.

1) **Законодательное регулирование (legal piercing).** Впервые отход от строгого отделения юридического лица от его участников был закреплён в Акте о компаниях (1985). Данное изменение касалось компаний с одним участником (one man's company). Указанным актом было установлено правило о солидарной ответственности участника и компании в случае, если в течение 6 месяцев компания осуществляет коммерческую деятельность, имея одного участника. Также следует отметить, что специальные правила снятия корпоративной вуали предусмотрены в Акте о банкротстве (1986). В нём закреплено несколько изъятий из принципа самостоятельности юридического лица. Во-первых, корпоративный покров может быть снят в случае наличия умысла в противоправном осуществлении коммерческой деятельности, а также с целью обмана контрагентов и иных лиц. Во-вторых, в рамках Акта о банкротстве существует правило злоупотребления фирменным наименованием. Правило заключается в том, что участники и управляющие компании-банкрота в течение 5 лет не могут создавать компанию с фирменным наименованием, которое создает смешение с компанией-банкротом (phoenix companies). В случае совершения такого действия участники/управляющие солидарно отвечают по долгам компании-банкрота. В-третьих, участники и управляющие привлекаются к ответственности по долгам компании в случае недобросовестных или халатных действий с их стороны при

управлении активами компании. Классическим примером привлечения к такой ответственности можно считать заинтересованность директора в сделке, приведшей к возникновению убытков.

2) **Прецедентное регулирование (judicial piercing).** В странах общего права естественным образом регулирование сконцентрировано в судебных решениях высших инстанций, и Англия в этом смысле не является исключением. Английские суды выработали несколько исключений из правила об ограниченной ответственности компаний. Базовым прецедентом для целей настоящего исследования выступает дело *Adams V. Cape Industries*⁷⁷. В данном деле суд установил три возможных основания снятия корпоративной вуали: использование корпорации в качестве оболочки для достижения противоправных целей (fraud), возложение на компанию исключительно агентских функций (agency), признание компании и акционера единым экономическим субъектом (single economic unit).

Противоправные цели представляют собой такие цели, которые достигаются должником с нарушением правовых норм или принципа good faith, используя при этом дочерние структуры исключительно как прикрытие (shell)⁷⁸. Примером такой цели могут быть транзакции между аффилированными компаниями в целях снижения ответственности одной из них. Однако следует отметить, что не каждое действие таких компаний следует квалифицировать как злоупотребление. Например, в указанном выше деле суд не счел возможным снять корпоративную вуаль в случае, если компания реорганизовалась в целях снижения деликтной ответственности.

Использование дочерней компании в качестве посредника в американской доктрине понимается как «подразумеваемое агентирование», которое является основанием для снятия корпоративной вуали⁷⁹. В рамках agency считается, что дочерняя компания, являясь де-юре самостоятельным юридическим лицом,

⁷⁷ Court of Appeal 27 July 27 (*Adams v. Cape Industries pie*), [1990] 2 WLR 748; Доступ из справ.правовой системы Westlaw.

⁷⁸ P. Davies. *Palmer's Company Law* (London, Sweet & Maxwell, 1992), 2224–2225, no. 2.1521.

⁷⁹ S. Ottolenghi, 'From peeping behind the corporate veil to ignoring it completely' (1990) MLR. 33 8, esp. 345.

утрачивает свою значимость как юридической личности вследствие единственной цели — обслуживания интересов материнской компании ввиду тесного (close) контроля. Отмечается, что агенсу можно распознать в случае, если, во-первых, у компании наблюдается умысел на «прикрытие» (sham) бенефициара, во-вторых, отсутствие самостоятельных долгосрочных стратегических интересов⁸⁰. Вследствие этого головная компания является ответственной по долгам агента ввиду судебного усмотрения зависимости действий дочерней компании от решений головной компании.

В последнее время в Англии становится актуальной проникающая ответственность за нарушение материнской компанией обязанности по контролю за дочерней компанией (breach of duty). Такая обязанность возлагается на материнскую компанию безотносительно нахождения дочерней компании в иной юрисдикции. Суды подчеркивают, что материнская компания привлекается к ответственности в случае эксплуатации дочерней компании для занятия «опасной и вредоносной» деятельностью⁸¹. Однако для того, чтобы возложить долг на материнскую компанию, нужно доказать, что она координировала действия дочерней компании⁸² или усмотреть угрозу общему благу и нарушение прав третьих лиц⁸³. Данная теория является достаточно спорной, английские суды до сих пор не выработали единообразную практику по спорам такого рода. Принципиальным вопросом является наличие или отсутствие обязанности по надлежащему контролю за дочерней организацией. В литературе высказывается компромиссное мнение о том, что снятие корпоративного покрова вследствие неисполнения обязанности по надлежащему контролю может быть осуществлено по ограниченному перечню оснований (например, по обязательствам из причинения вреда, по выплатам компенсаций работникам и проч.). С другой позиции, существует мнение о том, что сама постановка вопроса о привлечении к

⁸⁰ F.G. Rixon, 'Lifting the veil between holding and subsidiary companies' (1986) 1 02 LQR, 4 1 5 et seq., at 423.

⁸¹ K. Vandekerckhove, *Piercing the Corporate Veil*. Kluwer Law International (2007). P. 73.

⁸² Dagi v. Broken Hill Pty Ltd, [1997] 1 VR 428. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

⁸³ Connelly v. RTZ Corp pie, [1999] CLC 5 3 3. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

ответственности в связи с неисполнением обязанности по надлежащему контролю представляется «спекулятивной»⁸⁴.

Еще одним основанием по праву Англии является существование единого экономического субъекта (*single economic unit*). Данная методика находится в процессе становления. Учитывая приверженность английской правовой системы к жесткому соблюдению принципа отделения имущества компании от имущества участников, суды зачастую не применяют проникающую ответственность по этому основанию. Суды указывают, что несмотря на экономическую целесообразность такого подхода, юридический признак самостоятельности юридического лица стоит на первом месте⁸⁵. При этом данная методика набирает популярность ввиду активной разработки теории *law and economics*, одной из идей которой является снижение транзакционных издержек посредством принятия экономически обоснованных судебных решений. Данная теория является интересной также потому, что в современной экономике значительную роль играют холдинги. Профессор И.С. Шиткина определяет холдинг как форму корпоративного объединения, представляющую собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономической зависимости и контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы⁸⁶. Видится, что в условиях масштабного ведения бизнеса в форме холдингов, на доктрину одного экономического субъекта следует обращать внимание, так как критерии экономической зависимости являются более трудными для целей распознавания отношений между аффилированными субъектами.

В отличие от английской правовой системы в США снятие корпоративной вуали применяется часто. Ежегодно количество решений, принимаемых по

⁸⁴ P. Muchlinski, above ('The company law review '), in J. de Lacy (ed.), above (The Reform of United Kingdom Company Law 2002), P. 257.

⁸⁵ Bank of Tokyo Ltd. v. Karoon, [1986] 3 WLR 414–431. Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

⁸⁶ Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — М: КНОРУС, 2015. — С. 122.

вопросам взыскания долгов с участников и иных связанных с корпорацией лиц, достигает 4000⁸⁷. В зарубежной доктрине отмечается, что правовая система США — самая продвинутая в применении традиционной теории отрицания юридического лица, обладающая при этом большим количеством прецедентов⁸⁸. В правовой парадигме США отчетливо прослеживается опровержимость презумпции самостоятельности юридической личности корпорации. Исходя из этого, суды удовлетворяют примерно 40% исков о «прокалывании корпоративной вуали»⁸⁹.

Принципиальным для американской правовой системы является соотношение федерального законодательства и законодательства штатов. В США отсутствует унифицированный акт или прецедент, в полной мере регулирующих снятие корпоративной вуали⁹⁰. Также в случае применения закона штата, необходимо корректно определить применимое с помощью коллизионных норм, что не всегда просто. Данный вопрос является практическим, так как в разных штатах судебная практика идет по разному пути развития. Общее право построено таким образом, что в каждом штате применяются разные критерии для решения схожих дел, соответственно вырабатываются разные подходы к разрешению кейсов с идентичными фактическими обстоятельствами⁹¹.

Несмотря на многообразие таких подходов, в российской и американской доктрине предпринимаются попытки обобщить регулирование «снятия корпоративной вуали» в рамках применения *circumstances test*. Суть теста заключается в том, что «снятие корпоративной вуали» естественно требует ряд дополнительных условий. В рамках *circumstances test* основными считаются

⁸⁷ Суханов Е.А. указ. соч. — С. 191.

⁸⁸ J.E. Antunes, Liability of Corporate Groups. Autonomy and Control in Parent-subsidary Relationships in US, German and EU law. An International and Comparative Perspective (Deventer/Boston, Kluwer Law and Taxation Publishers, 1994), P. 233.

⁸⁹ R.B. Thompson, ' Piercing the veil within corporate groups : corporate shareholders as mere investors ', (1999) 13 Conn. J. Int'l L., 379 et seq. P.H. Easterbrook and D.R. Fischel, above ((1985) U. Chi. l. Rev.), 112; C

⁹⁰ Piercing the corporate law veil: the alter ego doctrine under federal common law (1982) 95 Harv. L. Rev., 853–871

⁹¹ Ph. I. Blumberg, The law of Corporate Groups. Problems of Parent and Subsidiary Corporations under Statutory Law of General Application (Boston/Toronto/London, Little, Brown and Co.), 1989

следующие подходы, позволяющие найти возможность для нивелирования самостоятельности и имущественной обособленности юридического лица:

1) «инструментальная доктрина» (The Instrumentality Doctrine). Суть доктрины заключается в том, что материнская компания привлекается к ответственности в случае, если дочерняя компания использована как средство (инструмент) для достижения незаконных или недобросовестных целей. Данная доктрина получила свое начало после решения суда штата Нью-Йорк по делу *Lowendahl v. Baltimore & Ohio*⁹², в котором суд установил, что для привлечения материнской компании к ответственности по долгам дочерней необходимо наличие следующих условий: 1) необоснованное превышение контроля; 2) факт совершения недобросовестных или противоправных действий; 3) причинно-следственная связь между деянием головной компании и убытками кредитора дочерней компании. При этом для соблюдения первого условия достаточно установить факт последовательного «вторжения» (intrusion) материнской компании в дела дочерней компании⁹³.

2) доктрина «второе я» (alter ego). Базируется на распознавании тесной связи между компанией и ее акционерами. В результате такой связи материнская компания фактически «сливается» с дочерней компанией для достижения противозаконных или недобросовестных целей⁹⁴. С точки зрения «alter ego» отделение компании от ее акционеров признается противоречащей публичному порядку. Доктрина «второе я» также означает, что зависимая корпорация не имеет собственной воли. Будучи разработанной в Калифорнии⁹⁵, она применяется в судах многих штатов западного побережья США. Для целей доктрины alter ego применяется следующий тест: 1) существует единство участия и интереса, которое лишает смысла самостоятельности взаимозависимых компаний, наделяя их статусом alter ego; 2) признание обособленной юридической личности таких

⁹² *Lowendahl v. Baltimore & Ohio RR*, 247 AD 1 44, at 1 54; 287 NYS 62, at 7 3, aff' d 272 NY 360; (1936) 6 NE 2d 56.

⁹³ Vandekerckhove K. указ.соч. Р. 81.

⁹⁴ Суханов Е.А. указ. соч. С. 192.

⁹⁵ *Minifie v. Rowley*, 202. P. 673, 676 (Cal. 1921)

структурных элементов корпорации приведет к мошенничеству (fraud) или достижению недобросовестных целей; 3) (факультативно) наличие контроля материнской компании над дочерней. Что касается третьего условия, некоторые ученые считают, что оно может быть включено в «единство участия и интереса», а значит, дублирует первое условие⁹⁶. Более того, данная доктрина подвергается критике со стороны ученых, так как они считают, что доктрина alter ego дублирует инструментальную доктрину, а также, что игнорирование одной из них не приведет к существенным последствиям⁹⁷.

3) «агентская доктрина» (Agency). Данная теория базируется на том, что дочерняя компания является только в качестве посредника, функционируя лишь для целей своих бенефициаров (материнских компаний или участников). Данная теория тоже не является бесспорной. В деле *International Customs Assocs. v. Ford Motor Co*⁹⁸ суд постановил, что для доказывания наличия агентских отношений между дочерней и материнской компаниями истцу необходимо было доказать alter ego, то есть навязанную волю основной компании, а также отсутствие у дочерней компании сколь-нибудь самостоятельных действий. Вместе с тем отмечается, что данная доктрина вызывает определенные вопросы относительно возможности ее самостоятельного существования, однако она определенно может принести пользу в качестве основы для разработки законодательного сужения понятия «ограниченная ответственность» в корпоративном праве⁹⁹. Данная теория, как известно, применяется и в английском праве.

Помимо указанных теорий в американском и английском корпоративном праве существует ряд общих правил, без которых сложно представить применение любой из доктрин.

⁹⁶ Blumberg, Ph. I., *The Law of Corporate Groups. Tort, Contract, and other Common Law Problems in the Substantive Law of Parent and Subsidiary Corporations* (Gaithersburg/New York, Aspen Law & Business, 1 987 (with 2000 supplement)). P. 119.

⁹⁷ Ph. I. Blumberg *Wm. Passalacqua Bldrs., Inc. v. Resnick Devs. S., Inc.*, 933 F. 2d 1 3 1, at 1 38 (2d Cir. 1991) P. 35.

⁹⁸ *Interntional Customs Assocs. v. Ford Motor Co.*, 893 F. Supp. 1251 (SONY 1995).

⁹⁹ Vandekerckhove K. указ.соч. P 85.

Во-первых, недокапитализация (*inadequate capitalization*) корпорации при ее создании¹⁰⁰. Выражается данный критерий в том, что изначально при учреждении корпорации учредители не имеют реального намерения вести дела с помощью искомой компании. Следствием этого становится внесение несущественного количества имущества в капитал корпорации. Само по себе это не является нарушением норм права, однако суды видят в этом определенный «сигнал», рассматривая дела, связанные со снятием корпоративной вуали. Кроме того, будучи общим условием, недокапитализация не должна быть единственным основанием; для этих целей необходимо доказывание иных обстоятельств, например, единство участия и интереса.

Во-вторых, перемещение и вывод имущества (*asset stripping*). Различается прямое и косвенное перемещение. Суть прямого перемещения заключается в том, что у группы компаний или холдинга имеется единый центр управления финансами, с помощью которого все доходы дочерних компаний изымаются под видом исполнения каких-либо обязательств или иных «сборов» (*charges*). Прямое перемещение активов широко применяется при наличии ликвидных активов, ценных для всей группы компании в целом. Косвенное перемещение характерно для новой деятельности или деятельности с высокой степенью коммерческого риска. В таком случае выбирается одна компания, в собственность которой передается имущество, необходимое для ведения бизнеса такого рода¹⁰¹. Вывод активов характеризуется «опустошением» компании и считается более обоснованной причиной для снятия корпоративного покрова, нежели перемещение активов. Это обусловлено мерами для защиты кредиторов от недобросовестного поведения участников компании.

В-третьих, в англосаксонской правовой семье широко применяется доктрина идентичности. Данная доктрина представляет собой методологический прием, с помощью которого суды заранее выбирают перечень критериев, имеющих значение для снятия корпоративных покровов. Благодаря данной доктрине судам

¹⁰⁰ Суханов Е.А. указ. соч. С. 192.

¹⁰¹ Vandekerckhove К. указ. соч. Р. 179.

удается наиболее тщательно распознавать связи между аффилированными лицами, и, при наличии оснований, привлекать контролирующее лицо к ответственности¹⁰².

Таким образом, можно отметить несколько черт, характеризующих англо-американское регулирование вопроса распознавания контролирующих лиц, которые могут быть привлечены к статутной субсидиарной ответственности:

1) В американской доктрине широко применяется отход от принципа отделения имущества организации от имущества участников в то время, как в английской доктрине наблюдается строгое следование этому принципу, а каждое дело, связанное с удовлетворением требования о привлечении иных лиц к ответственности по долгам компании, считается исключением;

2) В США остро стоит вопрос применимого права по территориальному признаку (федерация/штат, штат/штат), в то время как в Англии данный вопрос в большей степени связан с выбором источника регулирования (статут/прецедент). Отметим, что и в Англии и в США судебный прецедент — основной источник права.

3) Основная правоприменительная методика, представляет собой применение теста — набора критериев, по которым оцениваются позиции сторон. Следует отметить, что существуют как универсальные методики и доктрины (например, *agency*, *inadequate capitalization* и проч.) и специальные, характерные для конкретной юрисдикции.

Анализируя вышеприведенные подходы, следует дать им соответствующую оценку. Ответственность контролирующих и иных лиц, выделяемые из доктрины снятия корпоративной вуали можно именовать статутной субсидиарной в некоторых случаях. Статутная ответственность здесь может носить субсидиарный характер, а может иметь иную правовую природу, которая некоторыми учёными¹⁰³ определяется как двойственная. С одной стороны, ответственность является деликтной ввиду причинения вреда кредиторам, а с другой — имеет место

¹⁰² Суханов Е.А. указ. соч. С. 192.

¹⁰³ Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Денис Дмитриевич Быканов. — М., 2018. — С. 14.

противодействие злоупотреблению правом, в рамках которого должнику отказывают в применении конструкции юридического лица. Данная конструкция укладывается в традиционное понятие субсидиарной ответственности, в рамках которой первоначально требование предъявляется к основному должнику, а затем (в случае неисполнения обязательства основным должником) — к дополнительному.

2.2. Статутная субсидиарная ответственность и смежные институты в континентальном праве

В доктрине, существующей в континентальной правовой семье, традиционно выделяют следующие виды ответственности участников корпорации:

1) Ответственность единственного участника корпорации или лица, фактически полностью контролирующего такую компанию (в англосаксонской правовой семье таким юридическим лицам дан термин «one man`s company» (компания одного лица). В Германии указанный феномен это называется Einmann-Gesellschaft, причем как правило это Einmann-GmbH, то есть, общество с ограниченной ответственностью, состоящее из одного участника.

2) Возложение ответственности на дочернюю компанию по долгам материнской;

3) Субсидиарная (дополнительная) ответственность при банкротстве¹⁰⁴.

Указанные случаи можно также дополнить такими примерами, как ответственность дочерних компаний по долгам материнской, ответственность участника или контролирующего лица вне банкротства и др.

С течением времени подходы к снятию корпоративной вуали в западноевропейских странах также претерпевали эволюционные изменения.

¹⁰⁴ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. — М., 2014. — С. 184.

В XX веке в Германии были выработаны следующие доктрины проникающей ответственности: *Zustandshaftung* и *Verhaltenshaftung*. *Zustandshaftung* зиждется на том, что допускается применять проникающую ответственность в случае, если на коммерческую деятельность дочерней компании осуществляется продолжительное и субстантивное воздействие со стороны материнской компании. Представляется, что здесь идет речь об ответственности в силу положения (статуса) материнской и дочерней компании. *Verhaltenshaftung*, напротив, отказывается от признания формального статуса в качестве главенствующего критерия привлечения к ответственности материнской компании. Принципиальным является именно поведение материнской компании, а не факт участия в уставном капитале дочернего общества¹⁰⁵.

Обе концепции небезупречны, однако имеют свои преимущества. *Zustandshaftung* справедливо базируется на том, что материнская компания ввиду своего положения вправе давать дочерней компании обязательные указания, которые, могут навредить кредиторам дочернего общества. Данное умозаключение встраивается в логику применения проникающей ответственности, которая заключается в недопустимости формально законного, но недобросовестного (*Treu und Glauben*) поведения. Вместе с тем контроль в отрыве от иных факторов не должен рассматриваться единственным основанием для привлечения материнской компании к ответственности. Учитывая это, дочерняя компания может причинить убытки контрагенту и без участия материнской компании. Если излишне строго применять *Zustandshaftung*, то третьи лица получают чрезмерную возможность по взысканию долга с основного общества, притом, что факт причинения ущерба нередко является неочевидным и трудно доказуемым. Также применение проникающей ответственности исключительно на основании статуса имеет

¹⁰⁵ Reich-Graefe R. Changing Paradigms: The Liability of Corporate Groups in Germany // *Connecticut Law Review* (Vol. 37:785, 2005). P. 814–817.; Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. N 12. — С. 40.

признаки объективного вменения, что противоречит принципам не только гражданско-правовой ответственности, но и юридической ответственности как таковой¹⁰⁶.

Говоря о концепции *Verhaltenshaftung*, необходимо отметить, что Верховным судом ФРГ был внедрён критерий поведения головной компании по отношению к дочерней. Также был введён термин «*de facto* группа компаний». В дальнейшем методика применения *Verhaltenshaftung* эволюционировала — для применения *Verhaltenshaftung* суды оценивали не только поведение головной компании, но и поведение отдельно взятых её руководителей¹⁰⁷. Трудностью применения *Verhaltenshaftung* является то, что привлечение к ответственности на основании данной концепции не всегда возможно ввиду отсутствия универсальных законодательных норм¹⁰⁸.

Основания для привлечения к проникающей ответственности традиционно можно условно разделить на 4 группы¹⁰⁹:

- 1) Недостаточная капитализация (*mangelhafte Kapitalisierung, Unterkapitalisierung*);
- 2) Ответственность за подрыв жизнеспособности общества (*Existenzvernichtungshaftung*);
- 3) Отношения зависимости и контроля (*Abhängigkeits- und Konzernverhältnisse*);
- 4) Смешение имущества (*Vermögensmischung*).

Недостаточная капитализация (недокапитализация), в первую очередь, связана с неоплатой (нехваткой средств) уставного капитала участниками

¹⁰⁶ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина "снятия корпоративного покрова" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота «Вестник гражданского права». 2014, № 1. — С.60–61.

¹⁰⁷ Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт, 2009. — С. 186.

¹⁰⁸ Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к правовому регулированию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 12. — С. 40.

¹⁰⁹ Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч. С. 65.

общества. Отсутствие средств у юридического лица лишает его существование смысла как самостоятельного образования. Кроме того, уставный капитал, по смыслу законодательства, призван гарантировать (или хотя бы снизить) риски кредиторов юридического лица в случае неисполнения последним своих обязанностей. В целом такое основание для привлечения лиц к проникающей ответственности предусмотрено и в странах англосаксонской правовой семьи (*inadequate capitalization*), однако между ними существуют отличия. Как было сказано выше, условием для снятия корпоративной вуали по данному основанию в странах общего права является изначальное отсутствие реального интереса ведения хозяйственной деятельности через указанную организацию. Вместе с тем «неадекватная капитализация» не является решающим аргументом в пользу снятия корпоративной вуали, так как кредитору также необходимо доказать иные обстоятельства. Что касается недокапитализации, следует разделять её на номинальную и материальную. Номинальная недокапитализация предполагает, что корпоративные активы представляют собой привлеченные, а не собственные средства организации. В данном случае проникающая ответственность применяется в результате банкротства. Банкротство предполагает особый режим деятельности и имущества должника, и что в условиях процедуры банкротства допустимо оперировать соответствующей терминологией («снятие корпоративной вуали», «проникающая ответственность»). Исходя из этого, автор настоящего исследования считает, что наличие такого положения в германском законодательстве о банкротстве всё же позволяет достичь цели пронизывающей ответственности, а именно стирания границ имущественной обособленности между компаниями с возможностью возложения ответственности по долгам компании на третьих лиц.

Материальная недокапитализация (*materielle Unterkapitalisierung*) представляет собой угрозу банкротства юридического лица в случае неполного обеспечения его денежными средствами со стороны участника. Отмечается, что само по себе это вряд ли можно расценивать как основание для проникающей ответственности, так как обратное не вписывалось бы в существующую систему

ответственности¹¹⁰. Дело в том, что при материальной недокапитализации существенным обстоятельством является не просто недофинансирование, а необеспечение достаточными средствами, которое влечет за собой повышенный риск банкротства, превышающий обычные деловые риски. Проблемой в применении этого основания привлечения к проникающей ответственности является то, что его чрезмерное распространение идёт вразрез с существующими положениями германского корпоративного законодательства о необходимости наличия лишь минимального уставного капитала. Однако стоит отметить, что в единичных случаях привлечение к ответственности по этому основанию возможно. Так, указанное основание может служить дополнительным условием привлечения основного общества/менеджмента организации в случае наличия признаков причинения вреда, предусмотренного пар. 823-826 ГГУ¹¹¹. То есть, такую ответственность следует считать не понижывающей, а деликтной¹¹². Принципиальная разница между этими двумя понятиями очевидна, так как для привлечения лица к деликтной ответственности необходимо доказывать совершенно иные обстоятельства, например, противоправность, наличие вреда, причинно-следственную связь и т.п. Дополнительно отметим, что судебная практика вообще не рассматривает материальную недокапитализацию в качестве самостоятельного основания привлечения к проникающей ответственности, считая исчерпывающим применение норм о деликтах в контексте подрыва жизнеспособности общества.

Говоря об ответственности за подрыв жизнеспособности общества, предлагается обозначить несколько подходов к данному институту. Первый подход базируется на том, что подрыв жизнеспособности общества является самостоятельным видом проникающей ответственности, основанным на

¹¹⁰ Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51h; Beck'scher Online-Kommentar BGB / H.G. Bamberger, H. Roth (Hgs.). 29. Edition. Rn. 21

¹¹¹ German Civil Code // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p3497 (Дата обращения — 1 апреля 2020 г.)

¹¹² Похожей позиции придерживается и российская правоприменительная практика. Подробнее в главе 3 настоящей работы.

нарушении генерального принципа добросовестности¹¹³. Этот подход применялся Верховным Судом ФРГ вплоть до 2006 г. С 2007 г. в Германии господствует точка зрения, согласно которой ответственность за подрыв жизнеспособности считается частным случаем деликтной ответственности в рамках параграфа 826 ГГУ. В этом смысле ответственность за подрыв жизнедеятельности общества имеет сходство с ответственностью за материальную недокапитализацию. В литературе отмечается, что при недостаточной капитализации к ней примыкает ответственность за действия, лишаящие общество основного («твёрдого») капитала (Stammkapital), которая и являет собой ответственность за подрыв жизнеспособности общества¹¹⁴. С тезисом трудно не согласиться, учитывая, что в обоих случаях прослеживается указание германских судов на то, что оба состава применяются в целях привлечения ответственного лица к деликтной ответственности. Однако с точки зрения фактических обстоятельств и предмета доказывания эти подходы имеют различия. Для привлечения к ответственности лица по основанию подрыва жизнеспособности общества необходимо доказать, что участник общества нерационально использует имущество организации и не учитывает её самостоятельные интересы. Вместе с тем для целей привлечения к такой ответственности необходимы именно активные действия участника, направленные, например, на изъятие имущества организации в личных целях, погашение собственных долгов за счёт имущества предприятия, несоразмерное обременение имущества компании в обеспечение личных обязательств и пр. Бездействие же не может лежать в основе ответственности, так как ключевым аспектом этого состава является именно посягательство на имущество юридического лица¹¹⁵. По своему предмету доказывания и фактической составляющей указанный состав может быть сопоставлен с перемещением и

¹¹³ Aukhatov A. Op. cit. S. 48; Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51d; Beck'scher Online-Kommentar GmbHG / H. Ziemons, C. Jaeger (Hgs.). 16. Edition. Rn. P. 155.

¹¹⁴ Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч.

¹¹⁵ Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51e; Beck'scher Online-Kommentar BGB / H.G. Bamberger, H. Roth (Hgs.). 29. Edition. Rn. 24.

переводом активов, известному англо-американскому праву. Формально-юридическая составляющая различается в том смысле, что германский институт представляет собой разновидность деликтной ответственности, в то время как институт, характерный для стран общего права, является одним из классических примеров снятия корпоративной вуали, то есть возложения ответственности на третье лицо за злоупотребление ограниченной ответственностью компании.

Третьим основанием проникающей ответственности является наличие отношения зависимости и контроля (*Abhängigkeits- und Konzernverhältnisse*). Указанное основание укладывается в концепцию *Zustandshaftung*, о которой было сказано выше.

При этом Верховный суд ФРГ постановил, что сам по себе факт контроля над юридическим лицом не делает контролирующее лицо ультимативно по долгам подконтрольной компании, так как контроль не может считаться непосредственной угрозой кредиторам¹¹⁶. О противопоставлении ответственности из поведения и ответственности из статуса/доминирующего положения было сказано выше.

Четвертым основанием проникающей ответственности является смешение имущества. В англо-американской правовой семье соответствующее основание корреспондирует доктрине идентификации и единого экономического субъекта. Уместно напомнить, что ключевым моментом указанного подхода является то, что несколько юридически самостоятельных субъектов права признаются единым целым в случае, если имущество одного из них невозможно отделить от другого. Также одним из критериев применения *identification* является формальное существование нескольких юридических лиц с единым экономическим центром. Специфика германского института проникающей ответственности за смешение имущества выражается в нескольких аспектах. В случае смешения имущества двух компаний игнорируется параграф 13 Закона об обществах с ограниченной ответственностью ФРГ¹¹⁷, которым закреплены основные принципы

¹¹⁶ Beck'scher Online-Kommentar BGB / H.G. Bamberger, H. Roth (Hgs.). 29. Edition. Rn. 23.

¹¹⁷ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbHG // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gmbhg/englisch_gmbhg.html#p0106 (Дата обращения — 30 сентября 2022 г.)

функционирования юридических лиц — ограниченная ответственность и имущественная обособленность. Обстоятельствами, указывающими на смешение имущества, могут выступать, в частности, невозможность отнесения того или иного имущества к определенной организации из-за неправильного ведения бухгалтерской или финансовой отчетности¹¹⁸. Вместе с тем необходимо отметить, что к пронизывающей ответственности может быть привлечен только тот участник оборота, по вине которого была допущена неопределенность относительно имущества. Учитывая значимость принципа добросовестности в германском праве, учёными обсуждается такая концепция как «ответственность за созданную видимость права». Согласно данной концепции, акционеры могут быть привлечены к ответственности, так как ввиду их неразумного и недобросовестного поведения они не отграничили своё имущество от имущества организации, тем самым создав лишь иллюзию имущественной массы, что может повлечь затруднения в случае предъявления требований кредиторами юридического лица¹¹⁹. В целом данное основание привлечения к пронизывающей ответственности имеет большое сходство с доктриной *identification*, так как в обоих случаях ключевое значение придаётся нивелированию самостоятельной роли юридического лица в гражданском обороте, оставляя при этом возможность для злоупотребления сепаратной сущностью конструкции юридического лица, важнейшим признаком которого является ограниченная ответственность и наличие собственного имущества. Смешение имущества организации и третьих лиц является основанием для применения положений о снятии корпоративного покрова как в странах англо-американской правовой семьи, так и в странах континентального права.

Помимо основных случаев применения норм о пронизывающей ответственности в Германии существует такой правовой феномен как "пронизывающее вменение" (*Zurechnungsdurchgriff*). Можно предположить, что

¹¹⁸ Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51b; Beck'scher Online-Kommentar GmbHG / H. Ziemons, C. Jaeger (Hgs.). 16. Edition. Rn. 145; Roth G.H., Altmeyden H. Op. cit. Rn. 133.

¹¹⁹ Beck'scher Online-Kommentar GmbHG / H. Ziemons, C. Jaeger (Hgs.). 16. Edition. Rn. 150.

пронизывающее вменение также можно считать снятием корпоративной вуали, так как указанный институт наряду с остальными позволяет нивелировать юридическую личность организации. Как указывает профессор А.В. Егоров, речь идет о «причислении знаний, качеств и действий юридического лица самостоятельному по отношению к нему (Trennungsprinzip) участнику»¹²⁰. Видится, что институт соответствует модели снятия корпоративной вуали, именуемой обратным проникновением (reversed piercing). Сходство выражается в том, что зачастую пронизывающее вменение применяется в случаях, когда имеет место отношения с единственным участником общества, который приобретая права и принимая обязанности от своего имени, на самом деле преследует цель приобрести выгоду для юридического лица, или наоборот. Здесь же следует отметить, что Zurechnungsdurchgriff имеет место в том числе при оспаривании сделок по основанию заблуждения, согласно параграфу 119 ГГУ. Порок такой сделки выражается в ошибочном представлении единственного участника общества и его фактического руководителя. Также стоит отметить, что в рамках Zurechnungsdurchgriff может применяется концепция Rechtsscheinhaftung (видимости права), как и в рамках привлечения к пронизывающей ответственности по основанию смешения имущества. Например, в случае если участник общества формально приобретает имущество для личного пользования, но фактически использует его для предпринимательских целей от имени ООО (GmbH), можно усмотреть видимость права, которая, в свою очередь, может повлечь в равной степени как смешение имущества, так и пронизывающее вменение, так как «знания, качества и действия» участника могут быть причислены и к его организации. Также неисполнение информационной обязанности хозяйствующего субъекта может привести к применению пронизывающего вменения (например, в случае если сведения о финансовом положении общества являются тождественными с такими же данными его участника¹²¹).

¹²⁰ Егоров А.В., Усачева К.А. Указ. соч.

¹²¹ Beck'scher Online-Kommentar GmbHG / H. Ziemons, C. Jaeger (Hgs.). 16. Edition. Rn. 162.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что даже в развитом германском правопорядке в целом нет однозначной позиции относительно места проникающей ответственности в правовой системе. Не все вышеперечисленные основания признаются доктриной, законодательством и судебной практикой как условия применения проникающей ответственности. При этом полная автономия юридического лица может быть проигнорирована с тем же результатом, что и в странах общего права, однако с применением более привычного для германского права инструментария — деликтов, недобросовестного поведения и т.п. Отсутствие общих законодательных положений затрудняет универсальное применение проникающей ответственности, однако отдельно взятые акты Верховного Суда ФРГ точно помогают восполнить соответствующие пробелы в правовом регулировании. Также стоит отметить, что весомую роль в развитии идеи проникающей ответственности играет доктрина, которая стремится к выработке более чётких и прозрачных условий привлечения недобросовестных участников оборота к проникающей ответственности.

Таким образом, можно подвести следующие промежуточные итоги.

Во-первых, доктрина снятия корпоративной вуали прошла несколько этапов эволюции, как в странах общего права, так и в странах континентальной Европы. Наиболее успешно данная доктрина применяется в странах общего права ввиду соответствующих исторических предпосылок. Суды Англии и США за несколько веков правотворческой деятельности сумели выработать ряд оснований для снятия корпоративной вуали.

Во-вторых, основной целью снятия корпоративной вуали является превенция недобросовестного ведения коммерческой деятельности, которое может выражаться в злоупотреблении использованием конструкции ограниченной ответственности. Под институтом снятия корпоративной вуали предлагается понимать стирание границ имущественной обособленности связанных лиц без наличия относительных (обязательственных) отношений между ними для правовой защиты их кредиторов.

В-третьих, главной проблемой применения доктрины является поиск баланса между имущественной обособленностью и противодействием злоупотребления участникам имущественного оборота. Проще говоря, при решении каждого конкретного дела возникает вопрос: где кончаются границы имущественной обособленности юридического лица?

В-четвертых, в странах англосаксонской правовой семьи применение доктрины весьма различается. В американской доктрине широко применяется отход от принципа отделения имущества организации от имущества участников, в то время как в английской доктрине наблюдается строгое следование этому принципу. В США остро стоит вопрос применимого права по территориальному признаку, в то время как в Англии он в большей степени связан с выбором источника регулирования. Бесспорно, общим признаком для Англии и США является применение судами какого-либо теста — набора критериев, по которым оцениваются фактические обстоятельства дела и позиции сторон.

В-пятых, подходы стран континентальной Европы и стран общего права имеют как сходства, так и различия. Так, например, сходством является то, что при наличии различного обоснования применения как снятие корпоративной вуали, так и пронизывающая ответственность решают единую задачу — возможность взыскания долгов не со стороны обязательства, а с контролирующих должника лиц (третьих лиц). Основания для ответственности также имеют некоторые сходства: смешение имущества корреспондирует идентификации, пронизывающее вменение — методике обратного проникновения, ответственность за подрыв жизнедеятельности общества соответствует перемещению и выводу активов и пр. Также следует отметить, что германские суды не всегда охотно применяют институт пронизывающей ответственности. Исходя из традиционных особенностей права Германии, более активно применяются классические основания для привлечения к ответственности, например, совершение деликта. Кроме того, в Германии на доктринальном уровне существует гораздо больше споров относительно квалификации той или иной ответственности как проникающей, нежели в странах общего права. При этом фундаментально

концепции различаются в том, что для стран общего права важнейшим индикатором является злоупотребление конструкцией ограниченной ответственности (*limited liability*), в то время как, например, в Германии таким индикатором является нарушение принципа *Treu und Glauben*.

Находя самое широкое применение в различных правоотношениях, принцип добросовестности и злоупотребление правом также находит свое отражение и в контексте снятия корпоративной вуали. Анализ института злоупотребления правом в различных правовых порядках позволил выкристаллизовать общее и частное в особенностях нормативного закрепления и отражения в правоприменительной практике, касающейся распознавания контролирующих должника лиц для целей восстановления справедливости и восстановления имущественных прав кредиторов посредством обращения взыскания на имущество таких лиц по обязательствам должника.

Имеет смысл подробнее остановиться на противодействии злоупотребления правом в контексте недопущения использования конструкции юридического лица (в части ограничения ответственности и наличия обособленного имущества) для достижения вредоносных целей. Для этого представляется разумным кратко проследить генезис и причины возникновения проблемы снятия корпоративной вуали в целом.

Современное корпоративное право основано на том, что корпорации и их учредители представляют собой отдельные субъекты права, имеющие собственную имущественную базу и юридическую личность. До широкого использования юридических лиц в коммерческом обороте доминировали индивидуальные предприниматели (коммерсанты), которые не стремились объединяться в разного рода союзы, имеющие юридическую природу, схожую с тем, что ныне именуется юридическим лицом. Лишь в девятнадцатом веке в Америке стала вставать проблема регулирования корпоративных отношений. Именно тогда в сообществе коммерсантов назрела потребность секьюритизации рисков, связанные либо с пассивным участием в уставном капитале организации (инвестированием) либо с активным участием не только в уставном капитале, но и

в управлении организацией. Вследствие объединения капиталов и соответствующего отделения организации от учредителей наблюдался бурный рост крупных холдингов и финансово-промышленных групп, в которых зачастую материнская компания осуществляла непосредственное операционное руководство дочерними обществами, что зачастую и приводило к злоупотреблению конструкцией юридического лица.

Как было проанализировано выше, в зарубежных правопорядках используют различных инструментарий для противодействия недобросовестным практикам, связанных со злоупотреблением конструкции юридического лица. При этом, использование функционального метода позволяет сделать условную группировку применяемых за рубежом подходов.

Схожесть подходов можно проиллюстрировать в рамках сопоставления немецкой модели *Zustandshaftung* с англо-американской моделью *independency*, а немецкий подход *Verhaltenshaftung* с англо-американским — *identification*. Первая группа подходов базируется на том, что контролирующее лицо является таковым в силу наличия у него формально закрепленного статуса руководителя компании, вследствие чего такое лицо подлежит ответственности в силу прямого указания законодателя. Вторая группа подходов более тонко подходит к распознаванию контролирующих лиц. И к ответственности они привлекаются вследствие того, что они злоупотребляют конструкцией юридического лица для достижения противоправных или недобросовестных действий, влекущих убытки у контрагентов контролируемого ими лица. Такое «преодоление» конструкции юридического лица укладывается в узкореалистическое понимание права, в рамках которого правовая реальность (в данном случае концепция юридического лица как таковая) сводится к фактической реальности (например, если ряд компаний управляется из одного экономического центра), в которой нет места и необходимости отграничивать один субъект права от другого.

Продолжая тему поиска баланса интересов кредиторов и контролирующих должника лиц, можно с уверенностью утверждать, что зарубежные правопорядки весьма органично встали на прокредиторский путь, при котором, несмотря на

высокий стандарт доказывания, у кредитора есть возможность преодолеть корпоративный покров в случае злоупотреблений со стороны должника и контролирующих его лиц. Важным обстоятельством является также и то, что ввиду невозможности предугадать все без исключения варианты злоупотребления конструкцией юридического лица, на сегодняшний день задача нормативного (законодательного) урегулирования данных отношений выглядит практически неосуществимой. Для восполнения данного пробела, в зарубежных странах, особенно, в странах англо-американского права, используются судебные прецеденты (case law), которые с годами позволили выработать определенные методики определения субъектного состава контролирующих должника лиц, а также позволили частично очертить круг вредоносных практик, указывающих на злоупотребление должниками конструкцией юридического лица. Определенные опасения при применении снятия корпоративной вуали связаны с тем, что чрезмерное применение данной доктрины может нивелировать саму цель существования юридического лица. Объединяя капиталы для достижения общих целей, субъекты коммерческого оборота явно не рассчитывают на то, что они потеряют средств больше, чем будет ими вложено в компанию. Соответственно, для эффективного и справедливого применения снятия корпоративной вуали необходимо высокое качество правосудия, особенно с учетом того, что дискреционные полномочия суда по данной категории дел представляются весьма широкими.

Глава 3. Статутная субсидиарная ответственность в российском гражданском праве

3.1. Общая характеристика статутной субсидиарной ответственности в гражданском праве Российской Федерации

В условиях рыночной экономики современной Российской Федерации всё большее значение придаётся стабильности гражданского оборота. С момента перехода на рыночные рельсы экономика столкнулась с огромным массивом вызовов, которые не были известны советскому законодательству ввиду отсутствия множества институтов современного частного права, а также правоотношений, неизвестных правопорядку социалистического государства. Появление таких правовых феноменов как предпринимательские отношения, корпоративные права, свобода договора, приватизация и других обусловило принятия соответствующей законодательной базы и правоприменительной практики, которые смогли бы сделать понятными и предсказуемыми условия взаимодействия субъектов в условиях динамично развивающегося капиталистического государства. Естественным, что на первых этапах существования современной Российской Федерации, экономико-правовые устои государства подверглись серьезным вызовам, требующих внедрения определенных мер, в том числе, принятия новых кодифицированных законов, отраслевых законов, опубликования разъяснений высших судебных органов, анализа зарубежных правовых институтов и т.д.

Противодействие вредоносным и недобросовестным практикам является одной из основных задач, которые ставятся перед действующим регулированием. В 2013–2017 годах в законодательство были внесены существенные изменения, saniрующие хозяйственный оборот от таких действий. Некоторые аспекты были скорректированы судебной практикой. Так, например, в статью 166 ГК РФ был включён принцип эстоппеля, заимствованный из французского правопорядка, запрещающий стороне, которая действовала недобросовестно, ссылаться на недействительность сделки. Прообразом эстоппеля называют принцип *venire contra*

factum proprium, под которым понимается утрата существующей правовой позиции¹²². Недобросовестными действиями в данном контексте, в том числе, могут считаться действия стороны, оспаривающей сделку, дающие основания другой (добросовестной) стороне полагать, что сделка не является порочной. До введения принципа эстоппеля на практике нередко встречались случаи, когда сторона, заведомо зная, что исполнение собственного обязательства невозможно, в определенный момент заявляла о недействительности сделки, чем ставило в невыгодное положение сторону, исполнившую своё обязательство в полном объеме. Также отсутствие закрепления принципа эстоппеля давала возможность действовать в обход закона. Другим примером стабилизации гражданского оборота является астрент¹²³. Данный институт был внедрён в законодательство в целях побуждения должника (ответчика) к своевременному исполнению обязательства в натуре. Положения статьи 308.3 недаром называют судебной неустойкой, так как, будучи материально-процессуальным институтом права, он направлен на стимулирование должника как можно скорее исполнить перед кредитором обязательство в натуре (материально-правовой аспект) и, следовательно, исполнить судебное решение (процессуальный аспект).

В сфере вещного права тоже наблюдались изменения, позволяющие субъектам гражданского права рассчитывать на правовую защиту, в случае если недобросовестные лица попытаются извлечь пользу из своего недобросовестного поведения. В отношении недвижимых вещей регулирование предоставляет правовую защиту на основании новых правил о регистрации прав и ограничений (обременений) недвижимости. Согласно пункту 2 статье 8.1 ГК РФ, права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. В науке такую меру принято именовать

¹²² Вилинг Х.Й. *Venire contra factum proprium* и проступок в отношении самого себя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 5. С. 20 –51.

¹²³ Шевченко И.М. О правовой природе судебной неустойки (астрента) // Российский судья. 2021. N 8. С. 3 –8.

«принципом внесения»¹²⁴. То есть, право собственности на недвижимость возникает не вследствие заключения договора или его регистрации, а с момента появления сведений в публичном доступе в реестре недвижимости. Это значит, что «противопоставлять» права на имущество третьим лицам можно только в случае и с момента внесения соответствующей записи в единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.11.2016 № 23-П указал, что государственная регистрация права завершает юридический состав, влекущий возникновение права собственности на недвижимость. Таким образом, именно внесение записи в ЕГРН является основанием возникновения вещного права, а не просто подтверждает принадлежность недвижимости какому-либо субъекту права¹²⁵.

Что касается движимого имущества, нередкими были случаи, в которых при договоре купли-продажи движимого имущества к покупателю обращалось с виндикационным иском третье лицо, находящееся в сговоре с продавцом, у которого данное движимое имущество находилось в залоге. Покупателю нечего было возразить такому залогодержателю, и в итоге он «на законных основаниях» лишался и денежных средств и имущества. Такое недопустимое поведение продавца и третьего лица (залогодержателя) было пресечено законодателем путём введения в ГК РФ статьи 339.1, в которой установлено, что залог движимого имущества может быть учтен нотариусом путем регистрации уведомлений о залоге. Тем самым, договор залога, заключенный между залогодержателем и залогодателем без направления соответствующего уведомления нотариусу, порождает правовые последствия только для них; такой договор не противопоставляется третьим лицам, соответственно, возможность лишить покупателя и движимого имущества и денежных средств отсутствует.

Законодательство о юридических лицах также претерпело существенные изменения. На первых порах развития рыночной экономики российское

¹²⁴ Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 11. С. 127 –169; N 12. С. 68 –115.

¹²⁵ Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019. N 3. С. 137 –153.

предпринимательское сообщество боролось с различными негативными проявлениями, в том числе, криминального характера, связанными с недружественными слияниями и поглощениями, корпоративным шантажом («гринмейл»), взаимодействием с «фирмами-однодневками», фиктивными банкротствами и т.д. В таких условиях необходимо было защитить как обладателей корпоративных прав, так и добросовестных участников оборота, потенциально несущих риск взаимодействия с «компаниями-пустышками». Нередкими были случаи переноса активов на другие аффилированные компании и переноса пассивов на другие, использования услуг «номинальных директоров», а также внесение в уставный капитал «иного имущества», которое чаще всего представляло из себя определенный набор оргтехники, реализация которой в случае банкротства компании вряд ли могла удовлетворить имущественный интерес кредиторов такой компании. Однако даже в отсутствие злонамеренных действий частым случаем была несостоятельность компаний в виду ненадежности иных контрагентов, нестабильного валютного курса, рыночной конъюнктуры и иных причин, не связанных с правонарушениями. Вследствие этого в 1990 – 2000-е годы предпринимались определенные попытки стабилизировать гражданский оборот путём возложения имущественной ответственности на учредителей, участников, собственников имущества юридических лиц. Именно тогда впервые возникла дискуссия относительно субсидиарной ответственности лиц, оказывающих влияние на организацию, по долгам самой организации. Для целей настоящей работы субсидиарных должников по обязательствам юридических лиц предлагается именовать контролирующими лицами. В это понятие входит широкий круг лиц, способных оказывать влияние на деятельность организации.

Исходным положением, регламентирующим ответственность организаций и лиц, его контролирующих является статья 56 ГК РФ. В ней установлено общее правило ответственности юридических лиц, которое гласит, что организация отвечает по своим обязательствам всем имуществом, которое ей принадлежит. Вторым общим правилом, установленным в данной статье, является взаимное освобождение от ответственности организаций и контролирующих их лиц по

долгам друг друга. Однако в пункте втором настоящей статьи сделана важная оговорка о возможной ответственности контролирующих лиц в случаях, предусмотренных законодательством. Так, например, пунктом 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ №6/8 от 1 июля 1996 года (в первой и последующих редакциях) установлено, что контролирующие лица, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности лишь в тех случаях, когда банкротство вызвано их указаниями или иными действиями ¹²⁶. Таким образом, именно высшими судебными инстанциями были сформулированы условия привлечения к ответственности контролирующих лиц. Также примечателен факт, что в положениях постановлений пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) наступление банкротства является обязательным условием привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

В литературе встречаются подходы к определению статутной субсидиарной ответственности. Е.В. Блинкова и А.Н. Сурков предлагали следующую дефиницию: «Статутная субсидиарная ответственность — это ответственность учредителей (участников), собственника имущества юридического лица или других лиц, которые вправе давать обязательные для этого юридического лица указания или имеют возможность иным образом определять его действия» ¹²⁷. Термин «статутная» соответственно обозначает ответственность, основанную не на законе (статуте), а наступающую в силу правового статуса контролирующего должника лица. Данный вариант определения имеет как преимущества, так и недостатки. Достоинством является то, что указанные авторы выделили ключевой элемент статуса дополнительного должника — возможность определять действия основного должника (де-факто — контролировать основного должника). Недостатком является то, что субъектный состав потенциальных дополнительных должников сужен до участников и собственников имущества юридического лица,

¹²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г. "Российская газета", № 152, 13.08.1996.

¹²⁷ Блинкова Е.В., Сурков А.Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. N 4. С. 7–9. // СПС КонсультантПлюс.

что не соответствует современным экономическим и правовым реалиям. Формулировка «и иных лиц» также не способствует уточнению круга таких субъектов.

Как было указано выше, субсидиарная ответственность представляет собой принудительное исполнение субсидиарного обязательства. Основанием возникновения субсидиарного обязательства у дополнительного должника является его статус, который выражается в наличии фактической и юридической связи должников, позволяющей субсидиарному должнику определять юридическую судьбу основного должника, а также определять его действия. Статус и возможность дополнительного должника давать обязательные для исполнения указания основному должнику здесь являются основаниями возникновения субсидиарного обязательства. Субсидиарным обязательством в данном случае является обязательство дополнительного должника, которые в силу своего правового статуса могут давать обязательные указания основному должнику, по погашению долга основного должника, обусловленное неисполнением им основного обязательства.

Для целей настоящей работы под статутной субсидиарной ответственностью понимается принудительное исполнение дополнительным должником, имеющим право определять юридическую судьбу основного должника, неисполненной части основного обязательства, когда такое неисполнение вызвано действиями или бездействием дополнительного должника.

Элементами правового статуса, в общем смысле, являются права и обязанности субъекта. Объем прав и обязанностей непосредственно влияет на содержание правового статуса. В данном случае можно утверждать, что в контексте статутной субсидиарной ответственности ключевым элементом правового статуса является право контролирующего лица давать обязательные указания для должника, тем самым определяя его юридическую судьбу. То есть, между основным должником и субсидиарным должна быть определенная правовая связь, ставящая основного должника в зависимое от дополнительного положение.

Очевидно, что данная черта присуща исключительно статутной субсидиарной ответственности, что отличает её от других видов субсидиарной ответственности и ответственности из обязательств со множественностью лиц в целом. Напомним, что в других видах субсидиарной ответственности (договорной и деликтной) речь не идёт о зависимости одного субъекта от другого, равно как и нельзя утверждать о наличии контроля одного лица за другим. При привлечении к договорной субсидиарной ответственности правовая связь устанавливается между дополнительным должником и кредитором. Тем самым субсидиарный должник на добровольной основе обязывается перед кредитором претерпевать неблагоприятные имущественные последствия в случае неисполнения обязательства основным должником и в размере неисполненного последним обязательства перед кредитором. При этом субсидиарный должник не имеет возможности влиять на основного должника, на исполнение им своих обязательств и не вступает с ним в обязательственные отношения. При привлечении к деликтной субсидиарной ответственности конструкция выглядит несколько иначе. Между основным и субсидиарным должниками имеется правовая связь, в том числе, основанная на положениях Семейного кодекса РФ. Однако, правонарушение совершается самим несовершеннолетним, а родители несут субсидиарную ответственность только в случае нехватки имущества у несовершеннолетнего и только до определенного периода (наступление совершеннолетия). Кроме того, предполагается, что родители так же совершают противоправное деяние, выраженное в неисполнении обязанности по воспитанию ребенка перед кредитором (потерпевшим). Несмотря на несение родителями ответственности за детей, вряд ли можно утверждать, что они осуществляют над детьми такой контроль, который может привести к нарушению прав кредиторов несовершеннолетних лиц.

В законодательстве и правоприменительной практике до сих пор отсутствует правовая определенность относительно возможных субсидиарных должников, ставших таковыми в силу статуса. Расширительное толкование формулировки «иным образом» чрезмерно расширяет круг субъектов, которые могут быть

признаны контролирующими лицами, что естественным образом порождает проблему «распознавания» контролирующего лица. Как было отмечено выше, условием ответственности контролирующего лица является связь с должником. В случае с учредителями, участниками юридического лица и собственниками имущества связь прослеживается явно. На общем собрании участников они могут принимать решения относительно имущества организации, заключаемых сделок, ликвидации организации и др. Однако в ГК РФ ничего не сказано об ответственности других лиц, имеющих влияние на должника.

Стоит отметить, что в ГК РФ была введена статья 53.1, регламентирующая ответственность лиц, определяющих действия юридического лица. Ответственность наступает за убытки, причиненные юридическому лицу вышеупомянутыми лицами в случае неразумных или недобросовестных действий таких лиц. Критерии разумности и добросовестности поведения таких были выработаны правоприменительной практикой¹²⁸. Данный вид ответственности не входит в область исследования настоящей работы по ряду причин. Во-первых, данная ответственность контролирующих лиц не является статутной субсидиарной ответственностью. При привлечении лица к субсидиарной ответственности кредитор сохраняет очередность должников при предъявлении требования кредитором. В случае возмещения убытков такое правило не применимо ввиду субъектного состава правоотношений. Потерпевшим является сама организация, а не её кредиторы, как это бывает в случае с субсидиарной ответственностью. Кроме того, истцами по данному делу являются другие контролирующие лица — участники юридического лица, ситуативно имеющие возможность действовать от имени корпорации, вразрез с общим правилом, то есть подают «косвенные иски»¹²⁹.

¹²⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». "Экономика и жизнь" (Бухгалтерское приложение), N 34, 30.08.2013.

¹²⁹ Ланг П.П., Ширяева А.И. Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. 2021. N 3. С. 32–35. Моисеев С.В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. N 9. С. 58 –71.

Говоря о проблеме распознавания лиц, контролирующих должника и проблеме косвенных исков уместно провести сравнение между публично-правовым и частноправовым взглядом на указанные институты. В последние годы тенденции отечественного публичного права связаны с пресечением чрезмерного оттока капитала (деофшоризация), а также с запретом финансирования терроризма и легализации доходов, полученных преступным путем. В сфере корпоративного права при этом прослеживается тенденция к защите добросовестных участников хозяйственного оборота от недобросовестных контрагентов, которые, в частности, злоупотребляют правилом об ограниченной ответственности. Важнейшим аспектом регулирования данной проблематики является выстраивание сбалансированной законодательной базы о юридических лицах, соблюдающей баланс интересов участников гражданского оборота, при этом сохраняющую конструкцию юридического лица, не лишая его имущественной обособленности полностью. Как в публичном, так и в частном праве центральным вопросом представляется выявление конечного бенефициара¹³⁰. «Тесты» на бенефициара со временем стали предметом рецепции из иностранных юрисдикций. Судебными инстанциями «англосаксонского мира» были сформулированы критерии выявления и незаконных целей коммерческих структур и их контролирующих лиц, что являлось основанием для стирания границ между имуществом участников организации и её собственным имуществом. Инструментарий, применяемый судебными инстанциями, развивает область практического применения доктрины снятия корпоративной вуали. Для целей настоящего исследования под институтом «снятия корпоративной вуали» предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по обращению взыскания на имущество третьих лиц вследствие нивелирования границ имущественной обособленности между компаниями, учредителями, контролирующими лицами и пр.¹³¹.

¹³⁰ Под бенефициаром следует понимать «контролирующее лицо» в смысле статьи 25.13 НК РФ и «контролирующее должника лицо» в смысле статьи 61.10. Закона о банкротстве.

¹³¹ См. подробнее: Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве // Российский судья. 2021. N 7. С. 13–17.

В этой связи уместно проиллюстрировать взаимосвязь российского правового регулирования с зарубежным, освещенным в главе 2 настоящей работы.

В контексте сравнения подходов к стиранию границ между имуществом организации и контролирующих лиц предлагается рассмотреть схожие институты из НК РФ и Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Контролирующим лицом контролируемой иностранной компании (далее — КИК) может быть признано физическое или юридическое лицо, являющееся налоговым резидентом РФ и соответствующее любому из критериев, указанных в статье 25.13 НК РФ¹³²: превышение доли участия порога в 25% единолично или 50% совместно с другими резидентами РФ или оказание определяющего влияния на решения, принимаемые организацией.

Согласно статье 61.10. Закона о банкротстве, контролирующим должника лицом, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Возможность определять действия должника может достигаться ввиду нахождения с должником (его руководителем) в родственных отношениях, в силу наличия формализованного полномочия совершать сделки от имени должника, в силу должностного положения, представляющего возможность определять действия должника.

Анализ вышеуказанных норм позволят сделать вывод о том, что критерии выявления бенефициара/контролирующего лица могут быть как однозначные (например, доля участия), так и весьма размытые, являющиеся определяемыми в отдельно взятом случае в зависимости от обстоятельств дела. Принимая такой каскад норм, законодатель предоставляет суду широкие дискреционные полномочия по определению контролирующих лиц. Например, известны случаи,

¹³² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

когда к субсидиарной ответственности привлекались дети¹³³ контролирующего лица, наследники контролирующего лица¹³⁴, юрисконсульты¹³⁵ организации-банкрота и т.д.

Примечательно, что в контексте конструкции ограниченного ответственности юридических лиц и распознавания контролирующего лица поднимается еще один проблемный правовой вопрос — косвенных исков. Ранее было указано, что распознавание контролирующих лиц может служить не только для целей взыскания долга компании с контролирующих лиц, но также и для других полезных целей¹³⁶. Элементом правового статуса контролирующего лица является право на косвенный иск, то есть, право на предъявление требований в защиту прав и законных интересов контролируемого лица. Отечественное процессуальное законодательство и судебная практика признают право участника компании на обращение в суд с косвенным иском. Вопрос в том, может ли такой иск был предъявлен не непосредственным участником корпорации, а её конечным бенефициаром, осуществляющим контроль над «потерпевшим» юридическим лицом через сложную холдинговую структуру?

Правоприменительная практика не дает однозначного ответа на этот вопрос. В качестве примера можно привести два дела, имевших определенный резонанс и вызвавших дискуссию на предмет того, имеет ли право на косвенный иск конечный бенефициар компании: «Москалёв v ЗАО «Аспект-Финанс» и «Постригайло v ООО «Разрез Аршановский».

¹³³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N A40-131425/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 года N 303-ЭС19-15056 по делу N A04-7886/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁵ Определение Судебной коллегии ВС РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623 (7) по делу № А41-34824/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁶ Страница 58 настоящей работы.

В деле «Москалёв v ЗАО «Аспект-Финанс»¹³⁷ суд встал на сторону истца (бенефициара) и постановил, что такой акционер имел право на иск, а его права могут быть защищены посредством предъявления косвенного иска о признании недействительным решения собрания.

В деле «Постригайло v ООО «Разрез Аршановский»¹³⁸ суд пришёл к обратному выводу — будучи конечным бенефициаром компании и не являясь её непосредственным участником, бенефициар несет риск отказа ему в праве на иск в защиту компании. Суд постановил, что коль скоро истец не мог не знать о сложной корпоративной структуре, свои права он обязан реализовывать исключительно через исполнительные органы «промежуточных» компаний.

Продолжая тему выявления субъектов статутной субсидиарной ответственности, нельзя не упомянуть о правовой связи основного должника и субсидиарного. Допущенные законодателем формулировки о фактической возможности влиять на основного должника и осуществлять контроль «иным образом» свидетельствуют о том, что формальная юридическая связь должника не обязательна для наступления субсидиарной ответственности. Верховный Суд РФ указывал на то, что отсутствие признаков формального контроля, например, доли участия, не влияет на наличие фактической возможности влиять на деятельность компании¹³⁹.

В развитие данной темы примечателен еще один судебный акт¹⁴⁰, в котором суд постановил, что контроль над юридическими лицами, осуществляемый одними и теми же лицами может явиться основанием **солидарной ответственности** контролирующих должников лиц.

¹³⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197 по делу А40-104595/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁸ Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 05.09.2018 по делу А74-3619/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 г. № 305-ЭС18-12143 по делу N А40-113011/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.04.2018 N Ф05-3670/2018 по делу N А40-11237/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Второй пример еще больше расширяет возможности отождествления имущественной массы субъектов при условиях наличия фактической связи между субъектами. В данном случае суды продемонстрировали пример **статутной солидарной ответственности вне рамок банкротства**, что является знаковым случаем в российской правоприменительной практике. Вместе с тем Законом о банкротстве предусмотрены случаи солидарного несения субсидиарной ответственности, что выглядит абсолютно обоснованным.

Статутная субсидиарная ответственность может наступить также у физических лиц. В равной степени для них сохраняется возможность быть привлечённым к ответственности за осуществление фактического контроля за основным должником. Так, например, Арбитражный суд города Москвы указывал, что лицо осуществляло контроль, на основании того, что свидетель дал показания о том, что контролирующее лицо ставило определенный штамп на документах, тем самым подтверждая свое согласие на совершение тех или иных действий¹⁴¹. Извлечение выгоды из недобросовестного поведения также означает наличие контроля над юридическим лицом. Пунктом 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 г.¹⁴² (далее — ПП ВС РФ № 53) дано разъяснение, касающееся указанной нормы. Генеральным условием является извлечение существенной выгоды относительно масштабов деятельности юридического лица.

Отдельно стоит отметить положение пункта 6 указанного постановления Пленума ВС РФ, касающееся ответственности номинальных руководителей должника. Практика привлечения номинального директора в качестве единоличного исполнительного органа не способствует гармонизации гражданского оборота и нуждается в адекватном юридическом противодействии. Однако с теоретической точки зрения, позиция Верховного Суда РФ вызывает определенные вопросы, как минимум, потому что, данный аспект никак не отражён

¹⁴¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 30.04.2015 по делу № А40-119763/10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 г. «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // URL: <https://rg.ru/2017/12/29/post-vs-53-dok.html> (Дата обращения — 05.07.2024).

в законодательстве, при этом он подробно освещен в постановлении пленума. С высокой долей вероятности нижестоящие суды вряд ли использовали бы такой подход при разрешении конкретных дел о привлечении к субсидиарной ответственности номинальных руководителей.

Согласно позиции Верховного Суда РФ номинальный руководитель **не утрачивает** статус контролирующего лица. Аргументировано это тем, что лицо, выдавшее доверенность и не участвующее в хозяйственной деятельности самостоятельно не утрачивает имманентные признаки единоличного исполнительного органа юридического лица, сохраняя при этом все установленные законом полномочия.

Таким образом, Верховным Судом РФ было выработано общее правило о солидарном несении субсидиарной ответственности номинальным и фактическим руководителем должника.

Новеллой для правоприменительной практики также явилось положение о снижении субсидиарной ответственности номинального руководителя в случае его «сотрудничества» при погашении долга перед кредитором должника. Оно может быть выражено в установлении личности фактического руководителя, выявлении неизвестного ранее имущества должника или фактического руководителя.

Таким образом, правоприменительной практикой был выработан подход, при котором дополнительными должниками организации в равной степени могут быть лицо, имеющее формальную юридическую, но не фактическую связь с организацией, и лицо, фактически осуществляющее контроль над организацией, но не являющееся её формальным руководителем.

Таким образом, дополнительный должник может быть привлечён к статутной субсидиарной ответственности вне зависимости от своего юридического отношения к конкретной организации. Для целей законодательства и правоприменительной практики для привлечения к статутной субсидиарной ответственности достаточно любого фактического или юридического отношения контроля, ставящего основного должника в положение, зависимое от дополнительного.

Ключевым вопросом, имеющим значение при привлечении к статутной субсидиарной ответственности, является поиск критериев, согласно которым дополнительный должник наделяется статусом, на основании которого его привлекают к статутной субсидиарной ответственности. В российском законодательстве, в том числе, в законодательстве о несостоятельности выработаны определенные условия, на основании которых происходит распознавание связи дополнительного должника с основным, из чего у дополнительного должника возникает субсидиарное обязательство.

Говоря об условиях наступления статутной субсидиарной ответственности, необходимо упомянуть следующее. В российском законодательстве предусмотрена как ответственность с полным составом правонарушения, так и с усечённым. Примером статутной субсидиарной ответственности, отражающей все элементы гражданского правонарушения, являются положения корпоративного законодательства, касающиеся ответственность общества и его участников. Из положений статьи 3 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁴³ можно сделать вывод о том, что статутная субсидиарная ответственность участников общества с ограниченной ответственностью возлагается при наличии вины, противоправности, вреда, а так же причинно-следственной связи между деяниями дополнительных должников и наступившим банкротством.

Примером усечённого состава правонарушения, приводящему к статутной ответственности является ответственность публично-правовых образований по долгам казенного предприятия. Данная ответственность является безвиновной, а противоправность публично-правового образования так же исключается ввиду его неучастия в управлении казенным предприятием. Однако законодатель включил положение о субсидиарной ответственности публично-правовых образований в статью 7 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных

¹⁴³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения — 23.04.2020).

предприятий» ввиду специфики участия данных юридических лиц в гражданском обороте.

На основании указанного выше можно сделать вывод о том, что для привлечения к статутной субсидиарной ответственности, необходимо установить юридическую или фактическую связь, которая выражается в наличии отношений контроля дополнительного должника над основным. Статутное субсидиарное обязательство дополнительного должника (контролирующего лица) заключается в том, что дополнительный должник несёт обязанности организации на основании контроля над ней, а объем субсидиарной ответственности, ставится в зависимость от неисполнения обязательства основным должником, вызванного определенными действиями дополнительного должника.

3.2. Статутная субсидиарная ответственность в процедуре банкротства

В контексте статутной субсидиарной ответственности в отечественном правопорядке особую значимость приобретают положения Закона о банкротстве, касающиеся привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В 2017 году в Закон о банкротстве была введена глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», которая существенно расширила сферу применения субсидиарной ответственности, одновременно повысив интерес к теме. Одним из самых резонансных случаев привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является дело о банкротстве авиакомпании ОАО «Авиационная компания «Трансаэро». Размер субсидиарной ответственности контролирующих лиц составляет 249 млрд. рублей¹⁴⁴. В 2017 году арбитражные суды Российской Федерации приняли к производству 2251 заявлений о привлечении лиц, контролирующих должника, к субсидиарной ответственности (по существу рассмотрено 2014, удовлетворено

¹⁴⁴ «Юристы оценили перспективу «субсидиарки» для экс-владельцев «Трансаэро» // URL: <https://pravo.ru/news/210240/> (Дата обращения — 25.09.2023).

794)¹⁴⁵. По данным Единого федерального ресурса сведений о банкротствах (ЕФРСБ), число вынесенных судебных актов о банкротстве в первом полугодии 2018 года выросло на 3%, до 6626 по сравнению с аналогичным периодом 2017 года. За первое полугодие 2018 года удовлетворено 661 заявление о привлечении 818 контролирующих должника лица к субсидиарной ответственности из 2461, взыскано 63 млрд рублей¹⁴⁶. Таким образом, после того как утратила силу статья 10 Закона о банкротстве и включения в него главы III.2, количество дел, связанных с привлечением лиц к субсидиарной ответственности возросло. Такая ситуация объясняется тем, что этими положениями закона конкретизируются и раскрываются условия применения субсидиарной ответственности.

Ключевое отличие субсидиарной ответственности от всех иных видов заключается в очередности и обусловленности предъявления требований.

Как было указано выше, ключевым вопросом при привлечении лица к статутной субсидиарной ответственности является распознавание связи основного должника и дополнительного, на основании которой последнего привлекают к субсидиарной ответственности в силу его статуса. Таким образом, критически важным вопросом при привлечении лиц к такому виду субсидиарной ответственности является определенность субъектного состава привлекаемых.

Изменения в законодательство о банкротстве существенно расширило субъектный состав контролирующих лиц, к которым применяется субсидиарная ответственность. Статьей 61.10 Закона о банкротстве установлено, что к субсидиарной ответственности привлекается лицо, которое 1) имело возможность определять действия должника 2) не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства.

¹⁴⁵ Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls (Дата обращения — 22.03.2024).

¹⁴⁶ Статистический бюллетень ЕФРСБ. 30 июня 2018 г. Приложение. // URL: <https://www.fedresurs.ru/news/5bd49902-7344-4f03-a63e-344994816c5d?attempt=1> (Дата обращения — 20.12.2019).

Трёхлетний срок исчисляется с момента возникновения фактических признаков банкротства¹⁴⁷. Вместе с тем встречаются случаи, когда контролирующее лицо привлекается к ответственности за действия за пределами трёхлетнего срока «подозрительности». Так, например, в случаях, когда руководителем должника намеренно создаются условия, при которых у кредитора объективно отсутствует возможность привлечь контролирующее лицо к субсидиарной ответственности, суд вправе привлечь такого руководителя к субсидиарной ответственности и за пределами периода подозрительности¹⁴⁸.

Также в законодательстве и в судебной практике существуют и иные значимые и новаторские положения. Во-первых, законом установлено, что для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо доказать факт возможности привлекаемого лица влиять на действия должника. Говоря о терминологии, следует согласиться с С.С. Покровским, который полагает, что формулировка «возможность определять действия должника» видится более удачной нежели «контроль»¹⁴⁹. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что возможность определения действий должника предполагает более гибкое применение, нежели контроль. При этом необходимо соблюдение баланса между установлением строгих законодательных критериев и расплывчатыми формулировками. Отсутствие такого баланса приведет к неспособности адекватного регулирования соответствующих отношений и к невозможности соблюдения интересов кредиторов.

Законодатель пошел по пути фактического контроля над юридическим лицом, а не формально-юридического контроля. Данный подход имеет схожесть с германской доктриной *Verhaltenshaftung*, принципиальным положением которой

¹⁴⁷ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 г. «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // <https://rg.ru/2017/12/29/post-vs-53-dok.html> (Дата обращения — 20.04.2022).

¹⁴⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.05.2018 № 308-ЭС17-21222 по делу N А32-9992/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴⁹ Покровский С.С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03.. : защищена 11.10.2017 / Покровский Сергей Сергеевич ; СПбГУ. — 2017. — 226 с. — Библиогр.: 212–226 с. — С. 38.

было фактическое отношение основного общества к дочернему, а не его формальный контроль.

В российском правовом порядке положения о наличии зависимости и контроля воспроизведены следующим образом. По новым правилам лицо может признаваться имеющим возможность влиять на экономическую и юридическую судьбу должника на основании презумпций, которые впоследствии могут быть опровергнуты. Перечень оснований, признаваемых весомыми для определения возможности квалифицировать действия должника, является открытым, что позволяет судам устанавливать искомый факт в рамках конкретного дела на основании фактических обстоятельств дела. Кроме того, впервые в актах Верховного Суда РФ появилась формулировка «фирмы-однодневки». Такой предполагается юридическое лицо, заведомо неспособное исполнить свои обязательства. Стоит отметить, что борьба с такого рода явлениями наконец-то вошла в свою завершающую стадию, причем не только для целей налогового регулирования, но и в рамках защиты добросовестных участников гражданского оборота. Что касается руководителей должника, с 2013 года¹⁵⁰ существует практика привлечения лиц, входящих в состав органов юридического лица, к ответственности за причиненные убытки. Данная процедура имеет как сходства, так и различия с процедурой привлечения к субсидиарной ответственности.

В обоих случаях субъектами ответственности являются лица, осуществляющие управление в корпорации, однако регулирование указанных отношений предусматривает различный круг субъектов. Так, например, в силу п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 от 30.07.2013 г., для привлечения лица к ответственности за причинение убытков юридическому лицу необходимо доказать наличие у него формального статуса, а в Законе о банкротстве возможность привлечения лица к субсидиарной ответственности не связывается с наличием у него статуса «руководителя» юридического лица.

¹⁵⁰Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/90841.html (Дата обращения — 02.03.2019).

В судебной практике встречаются нетривиальные случаи признания определенных субъектов контролирующими лицами должника. Более того, субсидиарная ответственность, согласно позиции Верховного Суда РФ, наследуется как долг, не связанный с личностью наследодателя неразрывно.

Согласно статье 1112 ГК РФ в состав наследства входит иной имущественный комплекс наследодателя, в том числе права и обязанности. Наследование обязанностей до сих пор является предметом судебных разбирательств и научно-исследовательских дискуссий. Практическая необходимость наследования обязанностей связана с тем, что оно влияет, во-первых, на возможность реального получения наследниками наследственного имущества, во-вторых, на права третьих лиц, например на кредитора в случае наследования обязанностей поручителя¹⁵¹.

Новеллой в судебной практике, касающейся обозначенной проблематики стало позиция, изложенная в определении Верховного Суда РФ, касающегося наследования субсидиарной ответственности¹⁵². Учитывая, что правопреемство — универсальное, неизбежно возник вопрос касательно наследования субсидиарной ответственности умершего контролирующего лица.

Учитывая неоднозначность правовой природы субсидиарной ответственности, в данном деле Верховный Суд РФ столкнулся с непростой задачей.

Фактически суд отождествил правовую природу субсидиарной ответственности в рамках банкротства и обязательства из причинения вреда имуществу (статья 1054 ГК РФ). Таким образом, вынося Определение, Верховный Суд РФ дал понять, по какому пути должна идти правоприменительная практика.

Такая позиция не является однозначно справедливой.

¹⁵¹ Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2018 № 23-КГ17-8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 года N 303-ЭС19-15056 по делу N A04-7886/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-первых, недостатком является то обстоятельство, что при привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности обнаруживается явное несоответствие терминологического аппарата правовой природе такой ответственности. Верховный Суд РФ, квалифицировал «субсидиарную ответственность» как персональную деликтную ответственность несмотря на то, что в законе прямо это не установлено. Несогласованность терминологии Закона о банкротстве и ГК РФ препятствует правовой определенности при решении данной категории дел.

Во-вторых, следует остановиться на справедливости самой идеи наследования данного долга. Вопрос о неразрывной связи неоднократно поднимался в науке и в правоприменительной практике. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹⁵³ не внесло ясности в понятие «неразрывности» связи обязательства и личности должник¹⁵⁴. Попытка разрешить данную проблему была предпринята Конституционным Судом РФ (далее — КС РФ). КС РФ указал о том, что суд в рамках дискреционных полномочий самостоятельно уполномочен определять степень разрывности связи наследуемой обязанностью и личностью должника¹⁵⁵. Получив такой «карт-бланш» от КС РФ, Верховный Суд РФ выработал ограничительный подход, квалифицировав субсидиарную ответственность как деликтную, соответственно, наследуемую.

Споры такая позиция вызывает вследствие того, что безэквивалентное¹⁵⁶ обязательство, возникшее вследствие ведения предпринимательской деятельности, носящей, как известно, рисковый характер, де-факто перекладывается на физических лиц (наследников), при том, что к регулированию обязательств

¹⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵⁴ Еременко В.И. О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Адвокат. 2012. N 7. С. 44.

¹⁵⁵ Определение КС РФ от 29.09.2016 N 1957-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кочетковой Марии Петровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 418 и частью второй статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵⁶ Советское гражданское право: В 2 т. / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1. С. 505–506.

граждан и субъектом предпринимательской деятельности применяется различное регулирование. Не имея ничего против прокредиторского подхода при разрешении дел о банкротстве, хочется отметить, что такой подход Верховного Суда РФ представляется диспропорциональным ввиду того, что баланс интересов не видится соблюденным ввиду того, что все риски перекладываются на наследников.

Исходя из вышеизложенного, законодатель дает преимущество кредиторам юридического лица в рамках банкротства, расширяя круг субъектов ответственности. Также следует отметить, что законом установлена презумпция ответственности лица (лиц), имеющего право распоряжаться 50 и более процентами акций (долей, паёв и проч.), либо имеющего право назначать руководителя должника. В данном случае законодатель разрешил процессуальный вопрос о переносе бремени доказывания на указанное лицо. В то же время действия руководителя должника напрямую не связаны с лицом, назначившим его. При заключении сделки (в том числе, повлекшей существенное ухудшение экономического состояния должника) роль участника сведена к минимуму, так как в соответствии с законодательством о хозяйственных обществах единоличный исполнительный орган, а не участник имеет полномочия на заключение договоров.

Заслуживающим рассмотрения представляется и подход Верховного Суда РФ в отношении детей контролирующих лиц, которые в силу извлечения выгоды от недобросовестных действий родителей сами признаются контролирующими должника лицами. Такой подход естественным образом порождает различные споры и дискуссии относительно правомерности и справедливости таких судебных актов.

Одним из примеров таких решений является судебный акт, в котором поднимался вопрос относительно возможности наделения статусом контролирующим лиц выгодоприобретателей недобросовестных действий «настоящих» контролирующих лиц¹⁵⁷. Главной проблемой данного дела является

¹⁵⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N А40-131425/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможность привлечения к субсидиарной ответственности детей¹⁵⁸ контролирующих должника лиц. Суд первой инстанции не признал такую возможность, возложив субсидиарную ответственность лишь на генерального директора, являющегося отцом детей-соответчиков. Суд апелляционной инстанции изменил данное решение и привлёк участника должника к ответственности солидарно с генеральным директором. Суд кассационной инстанции поддержал суд первой инстанции.

ФНС России, будучи заявителем, требовала привлечь к ответственности супругов и их детей на основании того, что в силу закона они являются контролируемыми должника лицами. В обоснование своих требований в части привлечения к ответственности детей, заявитель указал, что в период возникновения неплатежеспособности должника его контролируемыми лицами были сделаны дорогие подарки детям, что привлекло к уменьшению их имущественной базы, следовательно, к невозможности удовлетворения требований кредиторов.

Судебная коллегия отметила, что к детям (в силу родства с контролирующим лицом самого по себе) неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя, однако указала на то, что нижестоящие суды не проверили договоры дарения на предмет мнимости сделки, в связи с чем дело было отправлено на новое рассмотрение для исследования вопроса о возможности привлечения детей к ответственности за действия, направленные на создание невозможности получения кредиторами общества исполнения за счет имущества родителей.

Внимания заслуживает также тот факт, что данным судебным актом фактически расширены возможности кредитора по восстановлению нарушенных прав. Лицо может быть привлечено к ответственности в случае выбытия имущества из сферы контролирующих лиц, так как невозможность получения кредиторами исполнения наносит им вред. Исключением такого «выбытия» имущества не стали

¹⁵⁸ В том числе несовершеннолетних.

и безвозмездные сделки между родственниками, даже если приобретатель имущества не знал о вредоносной цели сделки. Вместе с тем, вопрос о соотношении способов защиты прав кредиторов на данный момент остаётся открытым. Данный тезис находит своё подтверждение и в пункте 7 ПП ВС № 53, который устанавливает презумпцию наличия статуса контролирующего лица в случае извлечения таким лицом выгоды из вредоносного поведения руководителя должника. В этом же пункте отмечается, что перечень примеров извлечения выгоды не является исчерпывающим. Данные меры видятся чрезмерными, позволяя кредиторам предъявлять требования к практически любому лицу, имеющему какое-либо отношение к организации-банкроту или её менеджменту, что видится несоразмерным ограничением прав контролирующих должника лиц, круг которых необоснованно широк.

На основании вышеописанных судебных дел, можно сделать предварительные выводы относительно проблематики признания субъектов контролируемыми должника лиц. Ответственность контролирующих должника лиц представляет собой объемную конструкцию, которая на данный момент основана на 1) деликтном характере; 2) обилием трудно опровержимых презумпций; 3) отсутствии единообразия в квалификации ответственности, особенно в части терминологии; 4) необоснованно размытых критериях «выгодоприобретения» для целей признания лица контролирующим; 5) позиции о связи субсидиарной ответственности и личности наследодателя.

В условиях нынешнего регулирования появилась возможность привлекать лицо к субсидиарной ответственности за совершение конкретной сделки, в случае изменения экономической или юридической или экономической судьбы должника. То есть, можно утверждать, что лицо, оказавшее влияние на конкретную сделку, существенным образом ухудшившую финансовое положение должника, признается контролирующим, а значит, может быть привлечено к ответственности в полном объеме, что видится не вполне отвечающим принципу ответственности — ответственность соразмерна причиненному вреду. Данные положения особенно эффективно применимы в совокупности с главой III.1 Закона о банкротстве.

Наличие специальных составов оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства открывает широкие перспективы для противодействия вредоносному перемещению имущества.

Интересным представляется и положения о «номинальных» руководителях. Верховный суд РФ в п. 6 ПП ВС РФ № 53 устанавливает возможность избежания ответственности номинального руководителя посредством его указания на реального руководителя или на имущество, предназначенного для удовлетворения требования кредиторов. В случае невозможности полного погашения требований за счет реального руководителя, он и номинальный руководитель солидарно несут субсидиарную ответственность по правилам, установленным главой 59 ГК РФ. Указывая на статьи 1064 и 1080, Верховный Суд РФ подчеркивает ее деликтный характер. Такой подход выглядит спорным ввиду того, что субсидиарная ответственность представляет собой обращение взыскания на имущество третьих лиц (руководителей) не только за совершение деликтов, но и за неисполнение юридическим лицом (банкротом) всех иных обязательств (договорных, кондикционных, корпоративных). Данный подход схож с германским подходом, который имеет тенденцию к восприятию снятия корпоративной вуали.

Исходя из этого, разнородные обязательства банкрота трансформируются в деликтное обязательство для его руководителей. Как известно, одним из главных элементов деликта, как правило, является вина¹⁵⁹. В случае привлечения к субсидиарной ответственности вина руководителей презюмируется.

Законодатель квалифицирует ответственность как субсидиарную, прямо указывая, что контролирующие должника лица несут ответственность по правилам главы 59 ГК РФ, регулирующей деликтные обязательства. При этом ряд исследователей не соглашается с такой трактовкой, мотивируя это тем, что деликтная ответственность и субсидиарная — понятия разных порядков, а условия привлечения к ней также зависят от ряда специальных обстоятельств¹⁶⁰. Так,

¹⁵⁹ Иоффе О.С. Обязательственное право. — М.: «Юрид. лит.», 1975. — С. 821.

¹⁶⁰ Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2017. № 15. — С. 1.

например, в науке присутствует мнение о том, что лицо, привлечённое к субсидиарной ответственности, не совершает правонарушения, в отличие от деликтного обязательства¹⁶¹. Также профессор М.И. Брагинский указывал на отсутствие критерия противоправности в случае привлечения к субсидиарной ответственности¹⁶². С указанной точкой зрения сложно не согласиться, учитывая специфику субсидиарной ответственности, однако отечественный законодатель пошел по несколько иному пути — назвав такой вид ответственности «субсидиарной», он предусмотрел все условия для того, чтобы ответственность была максимально похожа на деликтную. Вероятно, разумное объяснение указанного правового феномена кроется в том, что в стадии банкротства юридическое лицо функционирует в особом режиме, а также, что лица, контролирующие должника, привлекаются к ответственности в особом порядке. При этом нельзя не отметить, что вопрос момента возникновения обязательства у контролирующего лица остаётся открытым.

С одной стороны, пока юридическое лицо не находится в процедуре банкротства, но при этом контролирующее лицо совершает недобросовестное действие (например, вывод активов), надеясь защититься положениями об ограниченной ответственности организации, предполагается, что контролирующим лицом не совершен деликт. В случае нарушения какого-либо обязательства организацией предполагается, что юридическое лицо должно нести обязательственно-правовую договорную ответственность. Когда же в отношении организации инициирована процедура банкротства, она находится в особом правовом режиме. В этом режиме контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности на основании деликта, в основе которого всегда лежит признак противоправности. Исходя из этого, не всегда можно уверенно утверждать, какой момент следует считать правонарушением: вывод активов, нарушение обязательства юридическим лицом или же какой-либо иной.

¹⁶¹ Иванова Г.Н., Шевченко А.С. Субсидиарная ответственность // Правоведение. 1998. № 2. — С. 150.

¹⁶² Комментарий части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. В.Д. Карповича. Автор главы — М.И. Брагинский. — М., 1995. — С. 111.

Здесь же стоит отметить сложность выделения причинно-следственной связи между деликтом (и моментом его совершения) и ущербом кредитору. То есть, ответственность контролирующего лица наступает не в силу совершения деликта как такового, а в силу перекладывания размера ответственности организации на контролирующее лицо. Привлечение же такого лица по правилам главы 59 ГК РФ гораздо более практично и эффективно, однако в отсутствие надлежащего определения правовой природы и размера ответственности контролирующего лица, такое лицо с высокой долей вероятности будет привлечено к субсидиарной ответственности, исходя из непропорционального количества презумпций и бремени доказывания, что видится не вполне справедливым. Кроме того, проблема трансформации договорного обязательства организации в деликтное обязательство контролирующего лица, состоит также в отсутствие должного обоснования характера правонарушения, совершаемого контролирующим лицом.

Во-первых, уместным представляется рассуждение насчёт сторон, связанных определенными отношениями. В случае доведения юридического лица до банкротства, кредиторы фактически приобретают право требования к контролирующим лицам. При этом вне процедуры банкротства данное действие невозможно. Учитывая особый имущественный режим и порядок управления организацией-банкротом, российский законодатель позволяет возложение обязательств организации на контролирующих её лиц. При этом банкротство предполагает удовлетворение имущественных требований кредиторов из конкурсной массы, а не удовлетворение требования отдельно взятого кредитора путем процедур, отличных от реализации имущества в рамках конкурсного производства¹⁶³. Исходя из этого, перед законодателем стоял выбор между моделью «кредитор — контролирующее лицо» и «банкрот — контролирующее лицо». В предыдущей редакции Закона о банкротстве в статье 10¹⁶⁴ законодатель пошел по второму пути: виновное лицо отвечало не перед кредиторами, а перед

¹⁶³ За исключением правил о залоговых кредиторах.

¹⁶⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 18.06.2017 и ранее) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

банкротом, то есть, взыскание на имущество обращалось в конкурсную массу. Такое регулирование подвергалось справедливой критике в науке¹⁶⁵. С введением главы III.2 ситуация несколько исправилась из-за того, что лица, которые уполномочены выступать от имени организации привлекаются к ответственности за причинение убытков. Законодатель тем самым дифференцировал основания ответственности: субсидиарную ответственность контролирующее лицо за причинение вреда кредиторам, а перед самим должником, а также он несёт ответственность перед самим должником за причинение убытков вследствие неразумных и недобросовестных действий. Дифференцированное регулирование ответственности контролирующих лиц видится обоснованным ввиду того, что нарушенные имущественные интересы кредиторов могут быть защищены с использованием различных правовых средств, будь то привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности или возврат имущества в конкурсную массу путем иска о взыскании убытков с контролирующих лиц. Стоит согласиться с мнением С.С. Покровского, который указывал, что субъективной стороной ответственности является не доведение организации до несостоятельности само по себе, а причинение вреда кредиторам ввиду невозможности банкрота рассчитаться по своим долгам¹⁶⁶. Вред имущественным правам кредиторов должника имеет место в случае, если правовое действие увеличивает размер долгов должника, либо уменьшает объем активов и соответственно затрудняет или задерживает доступ кредиторов к имуществу должника или делает его невозможным¹⁶⁷. С этим выводом следует согласиться, так как любое противоправное или недобросовестное действие лиц, контролирующих должника, вредит кредиторам организации.

¹⁶⁵ Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова. — С. 58.

¹⁶⁶ Покровский С.С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03.. : защищена 11.10.2017 / Покровский Сергей Сергеевич ; СПбГУ. — 2017. — 226 с. — Библиогр.: С. 144.

¹⁶⁷ Хартунг-Афифи О. Правовой институт оспаривания правовых действий в праве Германии о несостоятельности // Сборник статей о праве Германии. Вып. 1. 2015. Август. С. 202 [Электронный ресурс]. URL: www.drjv.org (Дата обращения — 20.04.2020).

Согласно позиции Верховного Суда РФ субсидиарная ответственность представляет собой институт, основанный на положениях о деликтной ответственности, предполагающий наличие определенного юридического и фактического состава. То есть, ответственность лиц, контролирующих должника, наступает за совершение недобросовестных действий, направленных на уход от исполнения обязательств либо на намеренное причинение вреда кредиторам. При этом уместно отметить, что специальным условием возникновения деликта является, в том числе, нарушение фидуциарных обязанностей менеджмента по контролю за юридическим лицом, что имеет функциональное сходство с *indirect piercing*, известному англо-американскому праву.

В случае с взысканием убытков, причиненных юридическому лицу, Высший Арбитражный Суд РФ постановил, что в случае нарушения директором обязанности действовать разумно и добросовестно, он обязан возместить причиненные убытки¹⁶⁸. Здесь можно усмотреть, что в материальном смысле истцом будет являться само юридическое лицо, однако в процессуальном смысле есть немаловажный аспект, на котором следует заострить внимание. В случае подачи иска участником юридического лица можно утверждать, что российская правовая действительность на данном этапе своего развития восприняла концепцию косвенных исков, согласно которой участник (учредитель) юридического лица вправе в исключительных случаях обращаться в суд с иском к менеджменту, в случае причинения юридическому лицу убытков недобросовестными и/или неразумными действиями. Статья 65.2 ГК РФ, которая, в частности, устанавливает право участников на обращение в суд с иском о возмещении причиненных корпорации убытков либо признания сделки корпорации недействительной или применения последствий недействительности сделки, является отражением такого подхода. Что касается привлечения лиц, контролирующих должника, к ответственности за причинение убытков, стоит

¹⁶⁸ Пункт 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» URL: // http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/90841.html (Дата обращения — 21.04.2024).

отметить, что существующее в настоящий момент регулирование в своей взаимосвязи представляет некий синтез косвенного требования и снятия корпоративного покрова, где косвенность требования выражается в субъектном составе, имеющим право на такое требование.

Право на подачу иска о привлечении к ответственности лиц, осуществляющих управление в корпорациях, в рамках банкротства имеют арбитражный управляющий и широкий круг кредиторов, участвующих в деле о банкротстве. То есть, круг заявителей по этому основанию в случае нахождения лица в процедуре банкротства расширен по сравнению со случаем взыскания убытков вне данной процедуры. «Косвенность» иска в процедуре банкротства заключается в том, что правом на подачу иска о возмещении убытков обладают также кредиторы, заинтересованные не только в удовлетворении своего имущественного интереса за счёт привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, но и за счёт возврата имущества в конкурсную массу. Особо стоит отметить положение п. 6 ст. 61.20 Закона о банкротстве, которое позволяет предъявлять к одному и тому же лицу требование о взыскании убытков, а также привлечь его к субсидиарной ответственности по иным основаниям.

Анализируя нормы о субсидиарной ответственности в рамках банкротства в отечественном правопорядке, следует отметить несколько ключевых положений.

Во-первых, термин «субсидиарная ответственность» является некорректным относительно такого вида ответственности. Признавая ответственность контролирующего лица в качестве самостоятельной деликтной ответственностью, законодатель и судебные органы не учли, что деликт — самостоятельное правовое основание для привлечения контролирующего лица к ответственности, при этом третье лицо привлекается к субсидиарной ответственности по тому же основанию, что и должник. Исходя из этого, действием, причиняющим вред, является совершение недобросовестных действий контролирующими должника лицами, направленных на причинение вреда кредиторам, сокрытие имущества и неисполнение обязанности по контролю должника (в широком смысле), при том,

что субсидиарная ответственность в классическом её понимании возникает не из-за нарушения контролирующим должника лицом какой-либо обязанности, а на том же основании, что и у первоначального должника. Например, родители несовершеннолетнего от 14 до 18 лет несут деликтную субсидиарную ответственность за совершением ребёнком именно деликта. При этом нести субсидиарную ответственность за нарушение таким ребёнком договора они не будут. Действующее же регулирование процедуры банкротства более напоминает трансформацию различных обязательств должника в деликтное обязательство контролирующего должника лица перед кредиторами, что не может являться субсидиарной ответственностью в классическом понимании. Деликтный характер субсидиарной ответственности в рамках банкротства не является бесспорным. Правовая природа деликтной субсидиарной ответственности, как было указано выше, кроется в совершении деликта в отношении кредитора как основным должником, так в совершении правонарушения дополнительным должником. Нельзя утверждать, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц органично встраивается в модель деликтной ответственности ввиду того, что ответственность основного должника и ответственность контролирующего лица проистекает из различных оснований, что противоречит природе субсидиарной ответственности.

Действующее регулирование «субсидиарной» ответственности контролирующего лица имеет схожесть с классической субсидиарной ответственностью в части очередности предъявления требований к должникам и только. Статутная субсидиарная ответственность представляет собой принудительное исполнение обязательства, возникшего у первоначального должника, контролирующим лицом. В действующем регулировании ответственность контролирующего лица построена по типу самостоятельной деликтной (прямой, а не субсидиарной) ответственности контролирующего лица за действия, причиняющие кредиторами вред, а также за неподачу заявления о банкротстве. Будучи обязательством с пассивной множественностью лиц, субсидиарное обязательство контролирующего лица никак не встраивается в

модель, предложенную законодателем или сформулированную судебными инстанциями.

Во-вторых, законодателем расширен круг субъектов, привлекаемых к рассматриваемому виду ответственности. По действующим правилам такими лицам считаются лица, имеющие не только формальные основания и полномочия по контролю должника, но также лица, имевшие возможность определять юридическую и экономическую судьбу должника. Данные положения соотносятся со схожими институтами англо-американской и германской правовой семьи, хотя некоторые отличия тоже присутствуют. Отдельно стоит отметить возможность привлечения к ответственности лица, контролирующего должника, за совершение отдельно взятой невыгодной сделки, а также за совершение нескольких сделок, имеющих противоправный конечный результат. Кроме того, широкие дискреционные полномочия суда по определению наличия отношения контроля, позволяют избежать использования разного рода обхода закона и недобросовестно уклоняться от привлечения к субсидиарной ответственности.

В-третьих, стоит отметить положения Закона о банкротстве и ПП ВС РФ № 53, касающиеся «фирм-однодневок» и номинальных директоров. Указанные разъяснения позволят существенно снизить количество злоупотреблений, связанных с недобросовестным ведением бизнеса.

В-четвертых, законодатель объединил подходы «кредитор — контролирующее лицо» и «должник — контролирующее лицо». Учитывая громоздкость процедуры банкротства, кредитору не всегда удаётся удовлетворить свой имущественный интерес в полном объеме. Возможность же предъявления требования напрямую к контролирующему лицу и предъявления требования к нему же, привело к повышению эффективности процедуры несостоятельности. В целом введение главы III.2 в Закон о банкротстве положительно сказывается на состоянии хозяйственного оборота, так как даёт дополнительную возможность защитить имущественные интересы кредиторов, тем самым укрепляя стабильность гражданского оборота. Сама по себе конструкция субсидиарной/деликтной ответственности вызывает определенные вопросы, однако факт остаётся фактом,

первые шаги в направлении развития доктрины снятия корпоративной вуали сделаны в отечественном правопорядке, что оставляет повод для оптимизма.

Новые положения банкротного законодательства изменили представления об ответственности контролирующих должника лиц, так как их привлечение к субсидиарной ответственности имеет расхождения с классическим подходом к субсидиарной ответственности. Пребывание должника в процедуре банкротства означает применение специального правового режима. Логика законодательства выстроена таким образом, что в правовом режиме в рамках банкротства у кредитора есть особые средства защиты, недоступными вне режима банкротства. Одним из таких способов явилось привлечения контролирующего лица к ответственности по особым основаниям, неприменимым в регулярных гражданско-правовых отношениях.

Согласно позиции ¹⁶⁹ Верховного Суда РФ при привлечении контролирующих должника лиц ответственности в части, не противоречащей законодательству о банкротстве, субсидиарно применяются положения ответственности за причинение вреда. Таким образом, Верховный Суд РФ квалифицировал ответственность как личную деликтную, а не как субсидиарную. То есть, субъектом ответственности по заявлению о привлечении контролирующего должника лица является само контролирующее лицо, хотя при привлечении лица к классической субсидиарной ответственности требование кредитора первоначально предъявляется к основному должнику.

Такая позиция не является бесспорной. Видится, что привлечение к субсидиарной ответственности в рамках банкротства имеет ряд отличий от классического деликтного обязательства¹⁷⁰.

Во-первых, в обязательстве вследствие причинения вреда всегда можно достоверно установить момент причинения вреда. В случае привлечения лица к

¹⁶⁹ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №53 от 21.12.2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷⁰ См. подробнее: Пархоменко А.Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица // Российский судья. 2022. N 5. С. 21–24.

субсидиарной ответственности в правовом режиме банкротства должника, момент причинения вреда приобретает «двойственный» характер. С одной стороны, он ассоциируется с действием контролирующего лица, повлекшим банкротство должника, а с другой — неразрывно связан с возбуждением процедуры банкротства, так как вне банкротства у кредитора отсутствует возможность защитить свои интересы, обратившись к положениям о субсидиарной ответственности.

Во-вторых, деликтная ответственность, по общему правилу, наступает при одновременном соблюдении следующих условий: противоправности деяния, вины нарушителя и причинно-следственной связи между деянием и причиненным вредом¹⁷¹. В литературе существует позиция, согласно которой причинно-следственная связь представляет собой конкретную взаимосвязь двух явлений, одно из которых является причиной второго, а второе — является результатом первого¹⁷². В контексте субсидиарной ответственности весьма неочевидно прослеживается причинно-следственная связь между вредом, причиненным кредиторам юридического лица-банкрота и действием контролирующего лица (например, когда контролирующими лицами признаются несовершеннолетние дети¹⁷³ руководителя должника).

Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод о том, что, положения законодательства о банкротстве, регулирующие отношения в сфере субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, не в полной мере отражают ни сущность классической субсидиарной ответственности, ни сущность самостоятельной деликтной ответственности.

Для решения проблемы квалификации ответственности контролирующих лиц допустимо обращение к зарубежному опыту, описанному в главе 2 настоящей работы. Для этого предлагается обратиться к разделению оснований

¹⁷¹ Иоффе О.С. Обязательственное право. — М.: «Юрид. лит.», 1975. — С. 821.

¹⁷² Шевченко А.С. Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие. — М.: Статут, 2013. — С. 75.

¹⁷³ См. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N А40-131425/2016.

ответственности контролирующих лиц в англо-американской системе (independency и identification) и континентальной (целое (направленное) применение норм и злоупотребление правом, выраженное в нарушении принципа добросовестности Treu und glauben).

Как было указано выше, наиболее релевантным представляется группировка independency с направленным применением норм, а identification — с Treu und glauben. Смысл именно такой группировки подходов выражается в том, что ответственность контролирующих должника лиц на самостоятельных основаниях не может быть отнесена к случаям статутной субсидиарной ответственности. Вышеприведенный анализ показывает, что контролирующие лица привлекаются к ответственности, а корпоративная вуаль «снимается» ввиду наличия самостоятельного законного основания, как правило, правонарушения, за которое национальными законодательствами указанных государств предусмотрена самостоятельная прямая ответственность контролирующих лиц.

Иным образом обстоит дело с подходами identification и Treu und glauben. Обобщив данные подходы, можно утверждать, что в их основе лежит злоупотребление правом, а также отказ в использовании обособленности имущества юридического лица. На основании данных подходов доктриной и судебной практикой выработаны различные основания снятия корпоративных покровов, количество которых расширялось в течение времени¹⁷⁴. Также злоупотребление правом не является правонарушением в традиционном понимании ввиду того, что формально субъект не совершает правонарушения, соответственно в его действиях отсутствует элемент противоправности¹⁷⁵. В литературе отмечается, что ключевым отличием злоупотребления правом от правонарушения (например, деликта) является то, что первое возможно на основе формально дозволенного законом поведения¹⁷⁶, что совершенно неприменимо к

¹⁷⁴ Подробнее в главе 2 настоящей работы.

¹⁷⁵ Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). — М., 2007. — С. 63, 259.

¹⁷⁶ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. — С. 55.

правонарушению. То есть, в контексте злоупотребления правом речь идёт о превышении допустимых пределах права¹⁷⁷, а не о его нарушении.

В современной отечественной науке высказывалось мнение¹⁷⁸ о том, что положения о субсидиарной ответственности является ничем иным как последствие отказа в признании самостоятельной юридической личности в связи со злоупотреблением правом.

Самые распространённые в обороте организационно-правовые формы действуют на принципе ограниченной ответственности. Ограничение ответственности заключается в том, что участники (акционеры) юридического лица несут ответственности в размере, не превышающем размер вклада. То есть, освещенная выше позиция подтверждает тезис о том, что привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности представляет собой отказ участникам юридического лица в защите права использования принципа ограниченной ответственности. Данный отказ мотивирован использованием конструкции юридического лица в неправовых целях, а также тем, что «защитный механизм» для контролирующего лица (механизм ограниченной ответственности) является привилегией, которая не применяется при действиях, имеющие признаки злоупотребления правом¹⁷⁹.

Имеет смысл проанализировать эту позицию. Институт гражданско-правовой ответственности предназначен для упорядочивания и повышения предсказуемости хозяйственного оборота. В самом широком смысле главная его цель – компенсация убытков и потерь, понесенных кредитором ввиду вредоносных действий и практик нарушителя обязательств. Основополагающее значение в современном гражданском законодательстве в части корпоративного устройства является отделение имущества учредителей корпорации в пользу корпорации. С

¹⁷⁷ Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. — С. 77–78.

¹⁷⁸ Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 7. — С. 42 – 49.

¹⁷⁹ Егоров А.В., Усачева К.А. Применение доктрины снятия корпоративных покровов. Москва 2014 С. 11.

момента обретения корпоративным юридическим лицом правоспособности, его имущественная масса является автономно существующей от имущественной массы других лиц, в том числе, его учредивших. То же самое и с действиями при вступлении в правоотношения с третьими лицами. По общему правилу, нормы законодательства об ограниченной ответственности позволяют отграничивать действия и имущества юридического лица от действий и имущества контролирующих его лиц.

С появлением проблемы злоупотребления правом в целом и с проблемой злоупотребления принципом ограниченной ответственности в частности в российском юридическом и предпринимательском сообществе возник справедливый запрос на противодействие недобросовестному использованию формально правомерного, но несправедливого поведения участников хозяйственного оборота. В результате этого в ГК РФ появились положения статьи 10, не допускающие шикану. Правовым последствием несоблюдения соответствующих положений статьи 10 ГК РФ является отказ в защите права, принадлежащего лицу, допустившего вышеперечисленное.

В контексте субсидиарной ответственности особенно ярко проиллюстрировано противоречие положений об обособлении имущества корпорации и недопустимости злоупотребления правом. Поиск баланса между защитой добросовестного кредитора и бережным отношением к конструкции юридического лица является наиболее тонким моментом в проблематике снятия корпоративных покровов и игнорирования имущественной обособленности юридического лица. Избыточное использование снятия корпоративных покровов и отождествления имущества корпорации и контролирующих лиц приведет к обесцениванию конструкции юридического лица как такового, а чрезмерно скрупулезное следование принципу ограниченной ответственности — к злоупотреблениям, с которыми в последние годы ведется борьба, со стороны должника.

Следует отметить, что на сегодняшний день снятие корпоративной вуали в штатном режиме существования корпорации, то есть, когда она не находится в

процедуре несостоятельности, трудноосуществимо. Особый правовой режим юридического лица, находящегося в банкротстве, позволяет принимать меры, установленные специальным законодательством. Верховный Суд РФ подчеркивал экстраординарный, исключительный характер субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках банкротства как способа защиты прав кредиторов¹⁸⁰.

Возвращаясь к детерминации правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих лиц, представляется затруднительным отнесение её к классической деликтной ответственности. Тождественность с классической субсидиарной ответственностью в категории ГК РФ также не прослеживается. В нынешнем виде она представляет собой некий *sui generis* гибрид деликтной и субсидиарной ответственностью, являясь при этом успешно применимым исключительным механизмом защиты прав кредиторов в рамках банкротства. В дополнение уместно утверждение о том, что обязательным условием деликтной ответственности является противоправность, которую не всегда можно усмотреть в «деяниях» контролирующих должника лиц в рассматриваемых разбирательствах. Особо хочется отметить точку зрения Е.Д. Суворова, который обоснованно отмечает, что в коммерческой деятельности часто к конечному результату приводят не только действия руководителей должника, но и набор случайных факторов. Признак противоправности действий контролирующих лиц, характерный для деликтной ответственности, при этом присутствует не всегда¹⁸¹.

Что касается исключительности субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках банкротства как способа защиты прав кредиторов, исключительным его делает то обстоятельство, что вне банкротства его применение исключается, так как ни один из представленных механизмов защиты

¹⁸⁰ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №53 от 21.12.2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸¹ Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 7. С. 42–49.

гражданских прав не имеет аналогичного набора признаков и условий. При этом обращение к субсидиарной ответственности не исключает применение и других способов защиты, как например, оспаривание сделок по таким же не менее «исключительным» основаниям, релевантным только для процедуры банкротства. То есть, сначала кредитор может обратиться с заявлением о признании сделки, совершенной в период «подозрительности», а затем обратиться с заявлением о привлечении лица к субсидиарной ответственности за совершение невыгодной сделки.

Включая в законодательный массив положений о субсидиарной ответственности в рамках банкротства, законодатель принципиально изменил подход к «неприкосновенности» имущественной обособленности субъектов гражданского права. Привлечение руководителя должника к субсидиарной ответственности фактически отождествляет самого руководителя и подконтрольного ему должника, принимая имущественную массу каждого из них за единое целое.

Учитывая вышесказанное, с механизм субсидиарной ответственности является средством противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица в той части, в которой ограниченная ответственность является исключительно способом причинения вреда кредиторам и способом ухода от ответственности недобросовестных лиц, контролирующих должника¹⁸².

Под злоупотреблением правом понимается осуществление соответствующего права в противоречии с его назначением на современном этапе развития права конструкция юридического лица зачастую использовалась в противоправных целях и являлась подспорьем для недобросовестных практик. В результате этого внедрение института субсидиарной ответственности преследовало несколько целей — защита прав кредиторов, санация хозяйственного оборота от вредоносных его участников, противодействие злоупотреблению

¹⁸² См. Пархоменко А.Д. Субсидиарная ответственность как механизм противодействия злоупотреблению конструкцией юридического лица / А.Д. Пархоменко // Российский судья. — 2022. — № 5. — С. 21–24.

правом в части использования принципов функционирования юридических лиц во вред кредиторам. Представляется, что недобросовестные субъекты, преследующие противоправные цели не должны ссылаться на наличия у юридического лица самостоятельности¹⁸³ и обособленного (от их собственного) имущества.

Средством достижения указанных выше целей явилась субсидиарная ответственность контролирующего должника лиц. Представляется, что фактически законодатель имел направленность использовать не механизм классической субсидиарной ответственности с традиционным набором присущих ей элементов (очередностью предъявления требований, определения размера ответственности дополнительного должника как размера ответственности за вычетом исполненного основным должником, единством оснований ответственности основного и дополнительного должника), а функциональное отождествления имущественной массы должника и его руководителей, игнорируя традиционные принципы функционирования юридического лица, для целей компенсации убытков кредитора. В этой связи можно утверждать, что законодательство о банкротстве в части привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц нуждается в определенной доработке.

Комбинация различных факторов, а также нюансы правоприменительной практики не позволяют дать однозначную характеристику соответствующему правовому институту. Используя, в том числе, и зарубежный опыт, законодатель представил громоздкий механизм, имеющий отдельно взятые черты деликтной ответственности и противодействия злоупотреблению правом. Квалифицировать ответственность контролирующих лиц в качестве субсидиарной некорректно. Преследуя те же цели, что и пронизывающая ответственность, характерная континентальному праву, и доктрина снятия корпоративной вуали, находящая свое отражение в англо-американской правовой реальности, представляется, что законодатель уделил недостаточно внимания категориальному аппарату.

¹⁸³ Суворов Е.Д. Указ. соч. С. 47.

Однако, видится, что согласно правовому результату, достигаемого посредством использования такого института, ответственность контролирующих лиц есть следствие отказа в соблюдении принципа ограниченной ответственности контролирующих лиц по долгам организации ввиду злоупотребления им.

Для исправления ситуации, предлагается реформировать положения Закона о банкротстве. Говоря о зарубежном опыте, стоит привести в пример австрийский подход о недопустимости использования конструкции юридического для обхода закона, а также о размежевании ответственности руководителя по долгам компании и случаев злоупотребления правом¹⁸⁴.

Таким образом, оптимальной представляется комбинация нескольких условий: 1) наличие контроля дополнительного должника над основным; 2) наличие факта злоупотребления конструкцией юридического лица;

Злоупотребление правом в отрыве от других обстоятельств не может считаться правонарушением ввиду того, что такие действия формально осуществляются в правовом поле, а их осуществление не нарушает нормы позитивного права, что само по себе даёт основание считать обоснованным отсутствие правонарушения как такового¹⁸⁵. Соответственно наиболее логичным вариантом при условии игнорировании обособленности имущества компании от имущества контролирующих лиц является возложение на контролирующее лицо **классической субсидиарной ответственности, основанной не на причинении вреда кредиторам, а на наличии у контролирующего должника лиц субсидиарного обязательства по несению бремени неблагоприятных имущественных последствий.** Данная конструкция встраивается в предложенную в главе 1 настоящей диссертации двухэлементную характеристику субсидиарной ответственности (обусловленного обязательства со множественностью лиц),

¹⁸⁴ Суханов Е.А. Указ соч. С. 156.

¹⁸⁵ Сазанова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом. автореф. дисс. ... канд. юрид. наук дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010. С. 7.

особенностью которой является наличие злоупотребления правом со стороны дополнительного должника.

Таким образом, ответственность контролирующих лиц в рамках банкротства будет являться по настоящему статутной субсидиарной ответственностью со следующими характеристиками:

- 1) Она представляет собой ответственность из обязательства с пассивной множественностью, где кредитору противостоит основной должник (банкрот) и дополнительный (контролирующее лицо);
- 2) Основанием возникновения субсидиарного обязательства является статус, который определяется наличием фактической или юридической связи (контроля) между должниками, при которой функционирование одного из них ставится в зависимость от действий второго;
- 3) Неисполнение обязательства основным должником выражено в его неплатежеспособности и инициировании в отношении него процедуры банкротства.
- 4) Условием привлечения к статутной субсидиарной ответственности в рамках банкротства является отказ в соблюдении принципа ограниченной ответственности, вызванный злоупотреблением правом со стороны должника.

3.3. Взаимосвязь статутной субсидиарной ответственности и иных схожих правовых институтов

Вне процедуры банкротства также используется институт статутной ответственности. На практике и в законодательстве встречаются случаи как привлечения к статутной солидарной ответственности, так и к статутной субсидиарной ответственности. Оба института можно сравнить с англо-американской доктриной снятия корпоративной вуали, определение которой дано выше. «Статус» лица, стоящего за основным субъектом, важен не только для привлечения к ответственности, но и для других целей, в том числе, не влекущих негативных последствий для участников оборота. В данном параграфе речь пойдёт

не только об анализе законодательства о хозяйственных обществах, но также будут проведены параллели с зарубежным регулированием, а также примеры использования такого статуса для целей, не связанных с привлечением к ответственности.

Российскими судами предпринимались отдельные попытки использования аналогов проникающей ответственности и доктрины снятия корпоративной вуали, однако универсальные правила и оснований так и не были выработаны. Так, например, Высший Арбитражный Суд РФ указывал, что регистрация права собственности на недвижимость (принадлежность которых явилась предметом спора) за юридическими лицами, инкорпорированными в иностранной юрисдикции, являют собой использование юридического лица для целей злоупотребления правом, то есть находится **в противоречии с действительным назначением конструкции юридического лица**¹⁸⁶.

В другом деле Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ буквально использовал **«доктрина «срывания корпоративной вуали»**¹⁸⁷.

То есть, высшая судебная инстанция в Российской Федерации применяла инструментарий снятия корпоративной вуали, при этом нормы законодательства, позволяющие сделать это, отсутствовали, а внедряя термин «срывание корпоративной вуали», Высший Арбитражный Суд РФ не привёл никакого его толкования.

Судебной коллегией Верховного Суда РФ по гражданским делам также предпринимались попытки по снятию корпоративной вуали. Например, Определением Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. N 5-КГ15-34 было признано право супруги на 50% акций обществ¹⁸⁸, (выгодоприобретателем) бенефициаром

¹⁸⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 14828/12 по делу N А40-82045/11-64-444 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40-21127/11-98-184 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸⁸ Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. N 5-КГ15-34 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которых являлся супруг. Этот вывод имеет сходство с конструкцией «обратного проникновения», известному англо-американскому праву.

В последнее время в науке обсуждается вопрос относительно соотношения снятия корпоративной вуали и концепции бенефициарной ответственности¹⁸⁹. Под бенефициарной ответственностью понимается привлечение лица, связанного юридическим обязательством или ответственностью, и намеренно уклоняющегося от его исполнения вследствие использования подконтрольной компании¹⁹⁰. В английском суде применение положения вызвано тем, что в указанном правовом порядке, в отличие от американского, судьи более строго соблюдают принцип ограниченной ответственности юридического лица, тем самым признавая снятие корпоративной вуали как меру исключительного применения. В деле *Prest v. Petrodel Resources Ltd*¹⁹¹ судьей Лордом Нойбергером была высказана принципиальная точка зрения о том, что снятие корпоративной вуали применяется только при отсутствии других, более традиционных форм судебной защиты. Важность данного подхода для английского правового порядка выражается в том, что в указанной юрисдикции трастовые фонды имеют широкое распространение. Следовательно, вопрос о разграничении ответственности бенефициарного собственника и снятии корпоративной вуали там стоит очень остро.

В Российской Федерации концепция ответственности бенефициарного собственника имеет более широкое применение в публичном праве, нежели в праве частном¹⁹². Однако в последние годы судебными инстанциями Российской Федерации так же был вынесен ряд неординарных решений, связанных с затрагиваемой проблематикой именно в рамках частноправовых споров. Так, например, Конституционный Суд РФ указывал, что законодательные положения о

¹⁸⁹ Артемова А.Н. Доктрина "снятия корпоративной вуали" и концепция бенефициарной собственности: перспективы применения в России // Гражданское право. 2018. № 1. С. 43–46.

¹⁹⁰ Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120–144.

¹⁹¹ *Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors* [2013] UKSC 34 (12 June 2013), para 44.

¹⁹² Например, для целей избежания двойного налогообложения и выполнения требований законодательства о легализации средств, полученных преступным путем. (см: ст. 312 НК РФ, ст. 6.1. Федерального закона "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 № 115-ФЗ).

недействительности решений собраний призваны обеспечивать защиту интересов как самих участников гражданско-правового сообщества, так и иных лиц, для которых принятие указанных решений также может порождать последствия, на которые эти решения направлены¹⁹³. Стоит отметить, что профессор Е.А. Суханов считает, что такого рода механизм следует именовать «обратным» или «перевернутым» проникновением под корпоративную вуаль¹⁹⁴, что имеет определенную схожесть с методикой *reversed piercing*, широко известную в странах общего права, а также с концепцией "пронизывающего вменения", применяемой в Германии.

Между концепцией ответственности бенефициарного собственника и снятием корпоративной вуали имеются как сходства, так и различия. Сходство этих правовых феноменов в том, что конечной целью как ответственности бенефициарного собственника, так и снятия корпоративной вуали является привлечение к ответственности контролирующего лица, скрытого под корпоративными покровами, либо же недоступного для обращения взыскания вследствие злоупотребления конструкцией ограниченной ответственности и имущественной обособленности юридического лица. Различие же проявляется в том, что концепция бенефициарной собственности позволяет напрямую взыскивать долг с бенефициара, не нарушая целостность «корпоративной вуали». Во внимание принимается то, что компания является лишь номинальным владельцем имущества, действительным собственником которого является бенефициар. С практической точки зрения это различие выражается в том, что при снятии корпоративной вуали контролирующее лицо привлекается либо к субсидиарной, либо к солидарной ответственности (в зависимости от применения соответствующей методики/доктрины), в то время как при привлечении лица к ответственности как бенефициарного собственника всё бремя ответственности ложится на такого собственника. То есть, при снятии корпоративной вуали

¹⁹³ Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 404-О// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹⁴ Суханов Е.А. Указ. соч. С. 197–198.

юридическое лицо лишается привилегии ограниченной ответственности, а при привлечении к ответственности бенефициарного собственника конструкция юридического лица не нарушается. Еще одним аргументом в пользу разграничения указанных конструкций в рамках отечественной правовой системы, как полагают некоторые ученые, является то, что снятие корпоративных покровов с компаний, к которым бенефициарный владелец формально не причастен, означает нарушение базовых принципов корпоративного права¹⁹⁵. С такой точкой зрения сложно согласиться. Во-первых, сама по себе формальная непричастность (участие в уставном капитале, присутствие в органах управления и проч.) лица к организации не может расцениваться как основание для применения или неприменения снятия корпоративной вуали либо ответственности бенефициарного собственника. Обратное лишало бы смысла саму идею преодоления ограниченной ответственности корпорации и нивелировало бы возможность взыскания долгов с третьих лиц. Во-вторых, непричастность бенефициара к юридическому лицу не препятствует взысканию с него как публично-правовых платежей, так и частноправовых, например, в рамках процедуры несостоятельности¹⁹⁶. В-третьих, правильным представляется подход, высказанный профессором А.В. Асосковым: «Концепция снятия корпоративных покровов — это не более чем условное собирательное обозначение для разрозненной массы самых различных правовых категорий и институтов, которые объединяет один функциональный признак — возможность вовлечения участников юридического лица в правоотношения, сложившиеся между компанией и третьими лицами»¹⁹⁷. Этот подход видится более верным, так как, не вдаваясь в терминологические споры, для целей практической значимости концепции снятия корпоративной вуали принципиальное значение имеет не название концепции, а её применимость, которая выражается в

¹⁹⁵ Канашевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. N 9. С. 27–38. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹⁶ Подробнее в п. 2.2. настоящей работы.

¹⁹⁷ Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. N 5. С. 120–144. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преодолении имущественной обособленности разных субъектов при нарушении ими своих обязательств, а также при недобросовестном поведении для целей стабильности гражданского оборота и защитой законного имущественного интереса кредиторов.

В Российской Федерации можно встретить лишь две группы применимых на практике¹⁹⁸ случаев, относящихся к снятию корпоративной вуали:

- 1) солидарная ответственность основного общества по обязательствам дочернего;
- 2) ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве.

Что касается случая привлечения к ответственности руководителя юридического лица на основании положения статьи 53.3 ГК РФ за убытки, причиненные юридическому лицу, такую ответственность ошибочно считать разновидностью применения снятия корпоративной вуали. В данном случае кредитором является само юридическое лицо, чьи действия определяет лицо, уполномоченное выступать от имени организации, член коллегиальных органов юридического лица и/или лицо, определяющее действия юридического лица — субъект ответственности. Право на подачу такого иска имеют, в первую очередь, участники корпорации (посредством предъявления косвенных исков), которые обладают опосредованным, но всё же самостоятельным имущественным интересом в сохранении имущества соответствующего юридического лица. Видится, что споры, процедура разрешения которых регламентирована статьей 225.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹⁹⁹, следует относить к корпоративным, при том что целью снятия корпоративной вуали является защита имущественного интереса сторонних кредиторов, несвязанных с должником корпоративными обязательствами и несущих экономические потери от

¹⁹⁸ Есть и другие редко встречающиеся случаи, например, в сфере сельскохозяйственного страхования, однако данные основания не вошли в предмет исследования ввиду чрезмерно узкой сферы применения.

¹⁹⁹ Статья 225.8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

согласованных недобросовестных действий юридического лица, менеджмента, бенефициарных собственников и проч. При взыскании убытков по правилам статьи 53.3 ГК РФ имущество возвращается кредитором является само юридическое лицо, а не третьи лица (кредиторы), соответственно, относить этот вид ответственности к снятию корпоративной вуали не следует, хотя отдельные элементы соответствующего феномена можно проследить и в этом случае. Например, схожесть имеет тот факт, что за действиями юридического лица скрываются недобросовестные и/или неразумные действия его руководителя.

Что касается солидарной ответственности основного общества по долгам дочернего, здесь присутствует ряд небезынтересных аспектов. В российском корпоративном законодательстве из коммерческих организаций наибольший теоретический и практический интерес представляют акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью. Основания ответственности основного общества по долгам дочернего предусмотрены в ст. 67.3 ГК РФ, в п. 3 ст. 6 Закона об АО; п. 3 ст. 6 Закона об ООО. Согласно указанному положению ГК РФ, общество признаётся дочерним, если:

- 1) основное хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале;
- 2) в соответствии с заключенным между ними договором;
- 3) иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом.

Соответственно для привлечения обществ к солидарной ответственности необходим ряд условий: наличие одного из критериев зависимости дочернего общества и основного, а также заключение дочерним обществом сделок с согласия или во исполнение указаний основного общества.

Конструкция привлечения к солидарной ответственности выглядит довольно громоздкой, учитывая, что заключение договора, указанного в ст. 67.3 ГК РФ крайне нецелесообразно, особенно если целью зависимости обществ является уклонение от погашения дочерним обществом дебиторской задолженности. Что касается третьего критерия, законодательство, как и в других случаях снятия

корпоративного покрова фактически оставляет этот вопрос на усмотрение суда при разрешении конкретного дела. Вместе с тем, в пользу указанного положения говорит то, что законодатель предусмотрительно установил открытый перечень таких критериев, что может позволить судам применять отдельно взятый пункт в конкретном деле с учётом его фактических обстоятельств. Кроме того, Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ указывали, что взаимозависимость обществ может быть установлена и по отношению к отдельно взятой сделке²⁰⁰. В правоприменительной практике есть примеры, когда суды устанавливали наличие зависимости и контроля исходя из обстоятельств дела.

В Законе об АО критерий определения лица, уполномоченного давать обязательные указания, еще более сужен. Согласно абз. 2 п. 3. ст. 6 Закона об АО, основное общество считается имеющим право давать обязательные указания **только в случае**, когда это право предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества. Закон об ООО, для сравнения, иным образом подходит к регулированию отношений между основным и дочерним обществом – в случае, если основное общество имеет право давать дочерней компании обязательные указания, оно отвечает солидарно с дочерней компанией по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний²⁰¹. Путем сопоставления этих норм можно заметить, что для привлечения к солидарной ответственности основного акционерного общества по долгам дочернего необходимо не просто доказать возможность основного общества оказывать влияние на дочернее, но и доказать, что между основным и дочерним обществом был соответствующий договор либо положение устава одного из обществ. В правоприменительной практике встречаются решения, когда суд отказывал в привлечении основного и дочернего общества к солидарной ответственности именно ввиду отсутствия доказательств, которые предполагает положение статьи 6 Закона об АО. Так, например, Шестой арбитражный апелляционный суд постановил, что учредитель с

²⁰⁰ Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰¹ Абз. 2 п. 3 ст. 6 Закона об ООО // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

долей в компании 99,9%, а также являющийся стопроцентным участником второго участника (с долей 0,1% в компании соответственно) не может быть привлечен к солидарной с компаний ответственности ввиду того, что нет оснований полагать, что он имел право давать обязательные для компании указания. Суд мотивировал такой вывод тем, что соответствующие положения отсутствуют в уставе компании, а договор, регулирующий данный вопрос отсутствует²⁰².

То есть, суд не признал доказанными ни одного из искомых условий для привлечения обществ к солидарной ответственности. Во-первых, суд прямо указал на то, что в уставе обществ такое полномочие отсутствует, а договор не представлен в материалы дела. Во-вторых, суд указал, что наличие одного и того же участника с долями 99 и 100 процентов недостаточно для того, чтобы считать общества дочерними и признавать, что одно из них может давать обязательные указания другому. Даже в российском правопорядке такое положение вещей на сегодняшний день является неприемлемым, так как очевидно, что два юридических лица с одним и тем же мажоритарным акционером являются одним экономическим субъектом, а значит у них остаётся возможность злоупотреблять конструкцией ограничения ответственности юридического лица. Здесь же стоит отметить еще один важный аспект. Если представить ситуацию, при которой одно и то же общество является единственным участником двух других дочерних обществ, при этом само общество не вступает ни в какие отношения с контрагентами, привлечь такое общество к ответственности будет невозможно, так как между ними не будет заключено договора или установлено положение устава. Попытка привлечь к солидарной ответственности два дочерних общества тоже не увенчается успехом, так как формально они не участвуют в уставном капитале друг друга, а значит ни одна из них не может быть признана дочерней по отношению к другой. Решить эту проблему можно было бы, внедрив методику «поперечного проникновения», которая позволяет привлекать к ответственности компании, не находящиеся в

²⁰² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2016 N 06АП-72/2016 по делу № А37-1586/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зависимости друг от друга, не являющиеся дочерними/материнскими, но находящиеся под контролем одного лица. Интересным также представляется то, что законодатель намеренно предусмотрел солидарную ответственность только в случае подчинения «компания-компания», при этом вопрос о возможности привлечения к солидарной ответственности компании и её учредителя — **физического лица** остаётся без ответа, что, скорее всего, свидетельствует о недопустимости привлечения его к солидарной ответственности. Это положение выглядит небесспорным. Для целей защиты кредиторов юридического лица от недобросовестного поведения нет никакой разницы между субъектами, которые являются участниками юридического лица — будь то физическое лицо, юридическое лицо или публично-правовое образование — правила о солидарной ответственности должны быть единообразными, так как для кредиторов нет разницы, кто даёт обществу обязательные указания — физическое или же юридическое лицо.

Стоит отметить, что регулирование подобных отношений в налоговом законодательстве и в гражданском сильно отличается. К сожалению, вопросы публично-правового снятия корпоративной вуали не входят в предмет настоящего исследования, однако статьёй 105.1 НК РФ²⁰³ установлены правила признания лиц взаимозависимыми, что позволяет налоговому органу более эффективно взыскивать штрафы, пени и недоимки с налогоплательщика. Помимо общего правила о том, что взаимозависимым лицом признаётся то, которое может оказываться в силу участия одного лица в капитале других лиц, в соответствии с заключенным между ними соглашением либо при наличии иной возможности одного лица определять решения, принимаемые другими лицами, Налоговый кодекс содержит примерный перечень из 11 критериев с учётом того, что перечень оснований для признания лиц взаимозависимыми открыт. То есть, законодатель предусмотрел совершенно разные подходы для снятия корпоративной вуали для

²⁰³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

публичного права и для частного, оставляя более широкие возможности для привлечения организаций к ответственности органами государственной власти. Такое положение вещей не может быть признано соответствующим условиям стабильного гражданского оборота и рыночной экономики.

Таким образом, вне процедур банкротства и ликвидации хозяйственные общества можно привлечь к солидарной ответственности только по одному основанию, конструкция которого затрудняет привлечение к ответственности. Законодательство об акционерных обществах еще сильнее усложняет эту процедуру, делая невозможным привлечение к солидарной ответственности материнскую и дочернюю компанию в отсутствие соответствующего договора и положений устава обществ. С практической точки зрения, даже при наличии должных оснований истцу будет затруднительно доказать необходимые обстоятельства ввиду того, что документы имеются только у ответчиков и не находятся в общем доступе, что также лишает норму статьи 6 Закона об АО своего изначального потенциала. Немаловажно, что в Российской Федерации отсутствуют положения о солидарной ответственности корпорации и связанных с ней лиц вне рамок банкротства.

На необходимость «снятия корпоративных покровов» учёными было обращено внимание в Концепции развития гражданского законодательства²⁰⁴. Было установлено, противодействовать проявлениям форм злоупотребления правом предлагается, в частности, посредством введения мер солидарной ответственности лиц, осуществляющих управление организацией независимо от проведения процедуры банкротства.

Положения об ответственности контролирующих лиц содержались и в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 53.4 ГК РФ в редакции Концепции, контролирующее лицо

²⁰⁴ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

несет солидарную с подконтрольным лицом ответственность по обязательствам подконтрольного лица, возникшим из совершенных им действий, в том числе сделок, или бездействия, в следующих случаях:

1) такие действия совершены или бездействие допущено во исполнение указаний контролирующего лица;

2) совершение действий направлено на ограничение ответственности контролирующего лица, которую оно понесло бы, если бы действия были совершены самим контролирующим лицом, и при этом такими действиями причинен вред другому лицу;

3) контролирующее лицо было обязано предотвратить причинение вреда другому лицу при совершении действий подконтрольным лицом, однако не сделало этого²⁰⁵.

В проекте есть несколько представляющих особых интерес положений.

Во-первых, согласно абз.1 п.1 указанной статьи основанием ответственности является действие или бездействие юридического лица во исполнение указаний контролирующего лица. Упомянутая норма более основательно решает вопрос относительно положений корпоративного законодательства об ответственности дочерних корпораций. Следует отметить, что понятие контролирующих лиц по замыслу авторов законопроекта раскрывалось в ныне несуществующей статье 53.3 ГК РФ. Согласно статье контролирующим лицом признаётся субъект, имеющий возможность прямо или косвенно, самостоятельно или совместно со своими связанными лицами имеет возможность определять действия (решения) такого юридического лица²⁰⁶. Указанные положения расширяют возможности кредитора по доказыванию отношения подконтрольности, позволяют доказать отношения контроля не только через участие в уставном капитале, наличие договора или иным абстрактным способом. Также в законопроекте нет указаний на то, что к

²⁰⁵ Проект Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰⁶ Там же.

ответственности по статье можно привлечь только юридические лица – напротив, смысл этой нормы видится в том, чтобы распространить солидарную ответственность и на физических лиц (бенефициаров).

Отдельного внимания заслуживает абз. 2 п. 1 указанной статьи. Можно заметить, что законодатель хотел намеренно исключить возможность злоупотребления конструкцией ограниченной ответственности юридического лица. Указанный вид противодействия злоупотреблению напоминает доктрину *agency* в странах общего права. Идея законодателя состояла в недопущении использования дочерней организации в качестве посредника между кредитором и контролирующим лицом, который в отличие от дочерней компании получает реальный экономический эффект от сделки.

Положения абзаца 3 пункта 1 данной статьи также следует расценивать как обоснованные. На сегодняшний момент в законодательстве в принципе не предусмотрено оснований ответственности за надлежащий корпоративный контроль. В отличие от стран англо-американской правовой семьи, в законопроекте не были отражены случаи, при которых это основание может быть применимым (например, нарушение прав третьих лиц), однако сам факт включения такой нормы необходимо оценивать позитивно, так как при рассмотрении конкретного дела у кредитора остаётся возможность доказать причинение вреда вследствие отсутствия надлежащего контроля.

Пункт четвертый статьи также мог стать надлежащим условием противодействия злоупотреблению принципом ограниченной ответственности юридического лица. Это положение позволяет не ограничивать количество ответственных лиц путем солидаритета на стороне контролирующих лиц. Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что можно усмотреть подлинное снятие корпоративных покровов в самом классическом смысле — к солидарной ответственности привлекается и организация, якобы выступающая от своего имени в обороте, и контролирующее лицо, которое реально получает выгоду от совершения сделок или допущения недобросовестных действий. Внедрение вышеупомянутой нормы позволило бы избежать той юридической

несправедливости, которая была допущена в деле № А37-1586/2015 (стр. 131 настоящей работы), так как исключается избежание ответственности лица, которое является единственным участником двух организаций, злоупотребивших принципом ограниченной ответственности и формально не являющимися дочерними.

Пункты 3 и 5 статьи позволяют привлекать к ответственности контролирующих лиц, в случае если они своими действиями наносят вред юридическому лицу. Указанные законоположения относятся больше к внутрикорпоративным конфликтам, однако нельзя не отметить, что здесь законодатель учёл интересы не только сторонних кредиторов, но и интересы участников юридического лица, права которых также могут нарушаться недобросовестными действиями контролирующих лиц, в том числе, путём вывода активов юридического лица. Кроме того, законодатель прямо предусмотрел, что соответствующий вид ответственности относится к деликтам.

В целом главным достижением этого законопроекта является то, что предложенный инструментарий позволяет достигать целей снятия корпоративной вуали без инициирования процедуры банкротства. В качестве положительного момента можно отметить и то, что законодатель учёл разработки и достижения права зарубежных стран и разработал общее правило привлечения к ответственности контролирующего лица. Конкретные же основания привлечения к ответственности отдаются на откуп судам, что также является достойным вариантом решения данной проблемы, при том, что все случаи привлечения ответственности заранее предусмотреть невозможно.

Однако статьи 53.3 и 54.4, в которых была предпринята попытка внедрить доктрину «снятия корпоративной вуали», были исключены из законопроекта при его подготовке ко второму чтению. Причины такого решения, по мнению некоторых учёных ²⁰⁷, кроются как в давлении бизнеса, так и в угрозе

²⁰⁷ Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины "снятия корпоративной вуали" // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 101—107.

нивелирования ценности конструкции юридического лица. Опасение, касающееся «отмирания» юридического лица, представляется преждевременным, так как снятие корпоративной вуали, являясь средством противодействия злоупотреблению правом, должно применяться точно, в случаях, когда действительно имеются вредоносные или недобросовестные действия со стороны контролирующих лиц, но ни в коем случае не как регулярный инструмент для разрешения обыкновенных частноправовых споров о взыскании долгов с юридического лица.

Делая вывод об общем состоянии статутной ответственности, можно утверждать, что за последние 10 лет судебная практика, законодательство, а также отечественная доктрина далеко продвинулись в осмыслении данного интереснейшего правового феномена. Можно сделать предположение, что эволюция коммерческих отношений обусловила назревшую и без того актуальность трансформации правового инструментария в пользу эффективности его применения. Исключением не стали и положения об ответственности, которые призваны компенсировать ущерб кредиторов, распределять риски. Примечательно, что зачатки применения доктрины снятия корпоративной вуали в современной России обнаружены не в законодательстве, а в правоприменительной практике Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. При разрешении таких дел судам ничего не оставалось, кроме как привлекать лиц к статутной ответственности на основании общих принципов гражданского права, зачастую даже не употребляя выражения «снятие корпоративной вуали» или «статутная ответственность» либо употребляя, но не давая дефиниции правовому феномену. При этом следует отметить тот положительный факт, что суды применяли доктрину снятия корпоративной вуали не только для привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего, но и в рамках других категорий споров — о разделе совместно нажитого имущества, о злоупотреблении конструкцией ограниченной ответственности и пр. Таким образом, распознавание лиц, имеющих «статус», актуально не только в контексте привлечения должника к ответственности, но и в контексте других правовых институтов.

В доктрине же наметилась тенденция к проявлению интереса к статутной ответственности и снятию корпоративной вуали. Многие авторы (Е.А. Суханов, А.В. Егоров, А.В. Асосков и др.²⁰⁸) дают свою характеристику рассматриваемого правоотношения, предлагая свои варианты по совершенствованию законодательства. Отдельного внимания заслуживает дискуссия о соотношении снятия корпоративной вуали и ответственности бенефициарного собственника. Безотносительно терминологических различий эти институты позволяют более эффективно выявлять субъекта ответственности, а также позволяют обратить взыскание на имущество субъекта, находящегося в офшорных зонах, что также немаловажно. Кроме того, в отечественной науке однозначно укоренилось мнение о том, что снятие корпоративной вуали позволит бороться с «фирмами-однодневками», создающимися с заведомой целью неисполнения своих обязательств и иными проявлениями злоупотребления правом. Не стоит также недооценивать обоснованность настороженности, касающейся отмирания конструкции юридического лица, однако грамотное точечное применение концепции снятия корпоративной вуали не только не разрушит конструкцию юридического лица, но позволит санировать гражданский оборот от проявлений недобросовестного поведения.

В законодательстве же до сих пор отсутствуют релевантные нормы, позволяющие использовать институт снятия корпоративной вуали для полноценной защиты кредиторов от недобросовестных действий. Если не брать в расчёт редко применимые нормы о субсидиарной ответственности участников различных юридических лиц (например, некоммерческие организации), то в действующем законодательстве фактически наличествует единственное основание снятия корпоративной вуали — привлечение основного общества к

²⁰⁸Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестн. граждан. права. 2013. N 5; Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестн. ВАС РФ. 2013. N 7; Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд. М., 2015; Шиткина И.С. "Снятие корпоративной вуали" в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2.

ответственности по долгам дочернего в случае совершения последним действий во исполнение указаний или с согласия основного общества. Как было сказано выше, к применению норм о такого рода ответственности есть ряд претензий, учитывая условия применения данной нормы (особенно ст. 6 Закона об АО), а также возможность доказывания искомых обстоятельств в арбитражном процессе. Также вызывает недоумение различие в подходах к снятию корпоративного покрова в публичном праве и в частном праве. Для целей взыскания обязательных платежей отчетливо прослеживается направленность воли законодателя на «снятие корпоративного покрова и выявление всех интересантов, аффилированных лиц, недействующих компаний и пр., чем не может на сегодняшний день «похвастаться» частноправовое регулирование.

Что касается совершенствования гражданского законодательства, предлагается вернуться к варианту дополнения Гражданского кодекса РФ статьями 53.3 и 53.4, устанавливающими понятия контроля и условия привлечения контролирующего лица без инициирования процедуры банкротства. Положения данных статей законопроекта имеют некоторые сходства и с правилами законодательства зарубежных стран, что в будущем позволило бы сопоставить практическую реализацию указанных норм в отечественном и зарубежных правовых порядках. К тому же, внедрение этих статей в ГК РФ возымело бы эффект и для корпоративного законодательства, которое надлежало бы привести в соответствие с ГК РФ в целях гармонизации.

Определенное разочарование вызывает тот факт, что, сравнивая подходы к проблеме снятия корпоративной вуали в отечественном правовом порядке и в зарубежных, можно с сожалением констатировать факт существенного отставания РФ от ФРГ, США или Великобритании. Естественно, в рассматриваемых государствах подходы вырабатывались не одно десятилетие, однако с учётом форсированных темпов перехода от плановой к рыночной экономике в нашем правовом порядке давно назрела необходимость внедрения прогрессивных (по крайней мере, для нашего государства) мер по стабилизации гражданского оборота и гарантий защиты имущественного интереса кредиторов.

Не может не радовать тот факт, что в последнее десятилетие судами всё же предпринимались отдельно взятые попытки применения доктрины снятия корпоративной вуали, что было весьма непросто в отсутствие какого-либо регулирования рассматриваемых отношений.

Также следует отметить, что наибольшее применение институт снятия корпоративной вуали получил в рамках процедуры банкротства с введением в Закон о банкротстве новых положений о субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Соответствующие нормы позволяют по-новому взглянуть на проблематику и на эффективность процедуры банкротства.

Заключение

Подводя итоги настоящему исследованию сущности статутной субсидиарной ответственности в российском гражданском праве и смежных с ней институтов, известным праву иностранных государств, можно прийти к нескольким выводам.

Субсидиарная ответственность и статутная субсидиарная ответственность до сих пор являются темами, недостаточно исследованными несмотря на то, что отдельные её проявления были известны еще римскому праву. Субсидиарная ответственность отграничивается от других видов субсидиарной ответственности из пассивных обязательств со множественностью лиц по объему и по порядку привлечения лиц к такой ответственности. Через строгую очередность привлечения лиц к субсидиарной ответственности реализуется дистрибутивная функция ответственности, то есть функция распределения рисков кредитора при столкновении с не исполняющим своё обязательство должником. Статья 399 ГК РФ, посвященная субсидиарной ответственности, не регулирует указанные правоотношения в полной мере и нуждается в корректировке. Корректировке, в частности, необходимо подвергнуть положения, касающиеся неисполнения (отказом от исполнения) должником обязательства, а также порядок действий кредитора основного и субсидиарного должника.

При привлечении к субсидиарной ответственности обращает на себя внимание тот факт, что субсидиарный должник, в отличие от должников в иных обязательствах со множественностью лиц, не является стороной первоначального обязательства. Участие субсидиарного должника может и не потребоваться вовсе, в случае если основным должником обязательство будет исполнено в полном объеме, однако в обратном случае он может нести ответственность в отсутствии традиционных элементов состава правонарушения. Таким образом, при привлечении к субсидиарной ответственности используется конструкция усечённого состава правонарушения.

Содержанием субсидиарного обязательства является обязанность по несению дополнительным должником бремени неблагоприятных имущественных последствий в случае неисполнения обязательства основным должником. Статутная субсидиарная ответственность возникает на основании субсидиарного обязательства дополнительного должника. Субсидиарная ответственность дополнительного должника (контролирующего лица) заключается в том, что дополнительный должник принудительно несёт обязанность основного должника на основании контроля над ним, а размер субсидиарной ответственности, ставится в зависимость от неисполнения обязательства основным должником, вызванного определенными действиями дополнительного должника. Основанием возникновения субсидиарного обязательства дополнительного должника в данном случае можно считать фактическое или юридическое отношение дополнительного должника к основному должнику (организации), которое в терминологии законодательства именуется как «контроль» и как «возможность иными действиями определять действия должника».

Распознавание контролирующего лица является краеугольным камнем при привлечении лица к статутной ответственности, не только субсидиарной, но и солидарной. В российской правоприменительной практике встречаются случаи привлечения лиц как к статутной солидарной, так и к статутной субсидиарной ответственности. Между российским регулированием и зарубежным можно провести определенные параллели в части использования инструментария (критериев) по отнесению лиц к числу контролирующих. Наиболее близким к рассматриваемой проблематике является феномен «снятия корпоративной вуали», существующий в англо-американском праве. Под институтом «снятия корпоративной вуали» предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по обращению взыскания на имущество третьих лиц вследствие нивелирования границ имущественной обособленности между компаниями, учредителями, контролирующими лицами. При этом стоит отметить, что поиск контролирующих лиц, а также стирание границ между основным и дополнительным должником можно использовать не только для возложения

имущественного бремени, но и для получения позитивного эффекта. Англо-американскому праву такой подход известен как добровольное снятие корпоративной вуали («voluntary piercing of corporate veil»).

Законодательство о банкротстве открыло широкие возможности для осмысления аналога снятия корпоративной вуали в российском праве. В настоящем диссертационном исследовании сделан вывод о том, что субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц на основании положений главы III.2 Закона о банкротстве не является ни субсидиарной, ни деликтной в чистом виде. При привлечении лица к классическим видам субсидиарной ответственности, субсидиарный должник не участвует в обязательстве, а ответственность возникает из неисполнения обязательства основным должником. В рамках банкротства наблюдается иная ситуация. Любое обязательство основного должника (публично-правовое, договорное, деликтное) трансформируется в обязательство контролирующего должника из причинения вреда, то есть, согласно позиции Верховного Суда РФ, должник совершает самостоятельное правонарушение, влекущее ответственность на основании положений главы 59 ГК РФ. Терминологический дефект Закона о банкротстве в части именовании ответственности контролирующих должника лиц субсидиарной необходимо устранить.

Ответственность контролирующего должника лица при банкротстве так же не может пониматься как деликтная в чистом виде ввиду неясности из Закона о банкротстве обязанности должника, за неисполнение которой он привлекается к ответственности. Конструкция норм главы III.2 Закона о банкротстве существенно отличается от положений главы 59 ГК РФ, а также теоретических положений о деликтной ответственности. С натяжкой можно провести параллель с неисполнением обязанности по контролю над юридическим лицом (breach of duty), известной зарубежным правовым порядкам, однако в законодательстве остаётся неурегулированным вопрос о сущности такой ответственности, о квалификации вреда, о пределах субсидиарной ответственности, а также о действиях, за которые лицо может быть привлечено к ответственности.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в рамках банкротства должна встраиваться в классическую модель субсидиарной ответственности и представлять собой обязательство со множественностью лиц на стороне должника, обусловленное наступлением банкротства. Отказ в принципе ограниченной ответственности позволит персонифицировать имущество банкрота и возложить субсидиарную ответственность на контролирующее лицо в силу его статуса.

Отсутствие гармонии в распознавании контролирующих должника лиц в частном и публичном праве Российской Федерации так же не способствует укреплению гражданского оборота, не давая полного и всестороннего понимая участников оборота чётких правил, по которым им необходимо исполнять как публично-правовые, так и гражданско-правовые обязанности.

Одной из существенных черт наделения контролирующего лица характеристиками лица, имеющего определенную связь с организацией, является право на подачу таким лицом косвенного иска в защиту интересов организации. В судебной практике, затрагивающей данный вопрос, до сих пор отсутствует правовая определенность относительно возможности косвенного бенефициара подавать двойной косвенный иск в защиту интересов основной организации. При этом в налоговом праве такое лицо в любом случае признаётся контролирующим и несёт ответственность за неисполнение обязанностей в этой части, например, за неисполнение обязанности по подаче уведомления о контролируемых иностранных компаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты на русском языке

- 1) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
- 2) Федеральный закон 26 декабря 1995 года "Об акционерных обществах" № 208-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3) Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 23.04.2018).
- 4) Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>).
- 5) Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 6) Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>).
- 7) Федеральный закон от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ (ред. от 18.06.2017) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 8) Федеральный закон от 29.07.2017 N 266-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" Российская газета, № 172, 04.08.2017.

9) Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 2.

Нормативные правовые акты на иностранном языке

10) Акт о компаниях 1985 (Companies Act 1985) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6/contents> (Дата обращения – 25.02.2021).

11) Акт о банкротстве (Insolvency Act 1986) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents> (Дата обращения – 25.02.2021).

12) Германское гражданское уложение (German Civil Code) // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p3497 (Дата обращения – 01.04.2020 г.).

Иные правовые акты, используемые в работе

1) Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.07.2014 № 1385-р // СЗ. 2014. № 31. Ст. 4440.

Судебная практика на русском языке

1) Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 404-О// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г. "Российская газета", № 152, 13.08.1996.

3) Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 г. «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // URL: <https://rg.ru/2017/12/29/post-vs-53-dok.html> (Дата обращения — 22.02.2024).

4) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» // "Российская газета", № 131, 14.07.1994.

5) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения

по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», «Российская Газета», №24, 05.02.2010.

6) Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». "Экономика и жизнь" (Бухгалтерское приложение), N 34, 30.08.2013.

7) Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 14828/12 по делу N А40-82045/11-64-444 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8) Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40-21127/11-98-184 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9) Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. N 5-КГ15-34 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197 по делу А40-104595/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.05.2018 № 308-ЭС17-21222 по делу N А32-9992/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12) Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2018 № 23-КГ17-8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 г. № 305-ЭС18-12143 по делу N А40-113011/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14) Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2020 N 2-КГ20-3-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

15) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 N 305-ЭС19-13326 по делу N А40-131425/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 года N 303-ЭС19-15056 по делу N А04-7886/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17) Определение Судебной коллегии ВС РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623 (7) по делу № А41-34824/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18) Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.04.2018 N Ф05-3670/2018 по делу N А40-11237/2017// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19) Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2016 N 06АП-72/2016 по делу N А37-1586/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20) Определение Арбитражного суда города Москвы от 30.04.2015 по делу № А40-119763/10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21) Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 05.09.2018 по делу А74-3619/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Судебная практика на иностранном языке

22) Bank of Tokyo Ltd. v. Karoon, [1986] 3 WLR 414-431; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

23) Bremer Vulkan (от 17.09.2001 г. — II ZR 178 / 99); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

24) Bremer Vulkan II (от 25.02.2002 г. — II ZR 196 / 00); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

25) Connelly v. RTZ Corp pie, [1999] CLC 533; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

26) Court of Appeal 27 July 27 (Adams v. Cape Industries pie), [1990] 2 WLR 748; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.

- 27) Dagi v. Broken Hill Pty Ltd, [1997] 1 VR 428; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 28) Interntional Customs Assocs. v. Ford Motor Co., 893 F.Supp. 1251 (SONY 1995); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 29) KBV (от 24.06.2002 г. — II ZR 300/00); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 30) Lowendahl v. Baltimore & Ohio RR, 247 AD 1 44, at 1 54; 287 NYS 62, at 73, aff' d 272 NY 360; (1936) 6 NE 2d 56; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 31) Minifie v. Rowley, 202 P. 673, 676 (Cal. 1921); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 32) Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors [2013] UKSC 34 (12 June 2013), para 44.; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 33) Salomon v. Salomon & Co. [1897] AC 51-54; Доступ из справ.-правовой системы Westlaw.
- 34) Trihotel (от 16.07.2007 г. — II ZR 3/04); Доступ из справ.-правовой системы Westlaw;

Научная литература

- 35) Артемова А.Н. Доктрина "снятия корпоративной вуали" и концепция бенефициарной собственности: перспективы применения в России // Гражданское право. 2018. № 1. С. 43–46.
- 36) Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины "снятия корпоративной вуали" // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 101–107.
- 37) Артемова А.Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Артемова Анастасия Николаевна. — Томск : [б. и.], 2022—206 с.

38) Аскназий С.И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями. — Учен. зап. Ленингр. юрид. ин-та. Вып. IV. Л., 1947, С. 5–47.

39) Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120–144.

40) Батыршина К.А. Законодательное регулирование и применение доктрины ”снятия корпоративной вуали” в российском праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ксения Анатольевна Батыршина. — М., 2020. — 215 с.

41) Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N 11. С. 127–169; N 12. С. 68–115.

42) Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019. N 3. С. 137–153.

43) Белов В.А. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт, 2009. — 678 с.

44) Блинкова Е.В., Сурков А.Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. N 4. С. 7–9.

45) Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. N 6. С. 32–35.

46) Богданов Д.Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. N 4. С. 678–704.

47) Богданова Е.Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности. Автореферат на соискание ученой степени к. ю. н. Саратов, 2001.

48) Богданова Е. Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. — 180 с.

- 49) Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 7. С. 56–61.
- 50) Брагинский М.И. Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1998.
- 51) Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. — М., 1950. — 368 с.
- 52) Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С.Н. Братусь. — М.: Городец-издат, 2001. — 208 с.
- 53) Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. N 8. С. 131 - 140. // СПС КонсультантПлюс
- 54) Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Денис Дмитриевич Быканов. — М., 2018. — 269 с.
- 55) Васькин В.В., Овчинников Н.И., Рогович Л.И. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 1988.
- 56) Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. М., 1928.
- 57) Венедиктов А.В. Государственные юридические лица в СССР. — Советское государство и право, 1940, № 10, с. 62–87
- 58) Венедиктов. А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948
- 59) Вилинг Х.Й. *Venire contra factum proprium* и проступок в отношении самого себя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 5. С. 20–51.
- 60) Витрянский В.В. Договорное право. М.: Статут, 2001. 476 с.
- 61) Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права: учебник / Д. Д. Гримм; под ред. В. А. Томсинова. - Москва: Издательство "Зерцало", 2015. — 496 с.
- 62) Гражданское право. Ч.1 Учебник. // Под ред. Ю.К.Толстого, А.П.Сергеева. М., изд. ТЕИС. 1996. 600 с.
- 63) Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав /

В.П. Грибанов // Осуществление и защита гражданских прав. — М.:Статут, 2001. — 411 с.

64) Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.

65) Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. — М. 1996. — 238 с.

66) Дождев Д.В. Римское частное право : практический курс / Д.В. Дождев ; Институт государства и права РАН. - Москва : Норма, 2018. – 576 с.

67) Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 7. С. 9–15.

68) Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина "снятия корпоративного покрова" как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота «Вестник гражданского права», 2014, № 1. С. 31–73.;

69) Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

70) Звекова И.А. Развитие института поручительства в Российском праве. Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 2 / Под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. 2000.

71) Иванова Г.Н., Шевченко А.С. Субсидиарная ответственность // Правоведение. 1998. № 2. С. 150–153;

72) Идрисов Х.В. Вина как условие ответственности в гражданском праве. автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2010.

73) Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву. // Советское государство и право. 1972. №9. С. 34

74) Иоффе О.С. Обязательственное право. М., «Юрид. лит.». 1975.

75) Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч.2 — Л. 1978. 173 с.

76) Иоффе, О.С. Пределы осуществления субъективных гражданских прав / О.С. Иоффе, В.П. Грибанов // Советское государство и право. — 1967. — № 7. — С. 76–85.

77) Канашевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. N 9. С. 27–38.

78) Карпович В.Д. Комментарий части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. В.Д. Карповича. Автор главы — М.И. Брагинский. — М., 1995. — 527 с.

79) Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореф. дис. ... доктор юрид. наук. Екатеринбург, 2010. — 47 с.

80) Кузнецова Л.Г. Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. — М. 1968.

81) Кротова Е.В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук / Е. В. Кротова. — Красноярск: СФУ, 2020. — 231 с.

82) Крюкова Ю.Я. Субсидиарные обязательства в гражданском праве России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Крюкова Юлия Ярославовна; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]- Екатеринбург, 2013. —170 с.

83) Ланг П.П., Ширяева А.И. Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. 2021. N 3. С. 32–35.

84) Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». 2017. № 15.

85) Мойсеев С.В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. N 9. С. 58–71.

86) Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М.: Юрид. Лит, 1985. — 192 с.

- 87) Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А. Малиновский. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 352 с.
- 88) Нам К., Ответственность за нарушение обязательств: теория и законодательство // Хозяйство и право. 1997. № 4. С. 127–135.
- 89) Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. — М.: Юрид. Лит, 1972. — 400 с.
- 90) Павлов А.А. Пассивные солидарные обязательства в разъяснениях Верховного Суда РФ // Закон. 2017. N 1. С. 58–67. СПС КонсультантПлюс
- 91) Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 461 с.
- 92) Покровский С.С. Критика «режима субсидиарной ответственности» / С.С. Покровский // Гражданское право. — 2015. — № 6. — С. 43–46.
- 93) Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. N 7. С. 98–129.
- 94) Покровский С.С. Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: дис...канд. юрид. наук: 12.00.03...: защищена 11.10.2017/ Покровский Сергей Сергеевич ; СПбГУ. — 2017. — 226 с.
- 95) Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 216 с.
- 96) Рабинович Ф.Л. Вина как основание договорной ответственности предприятия / Ф.Л. Рабинович. — М.: Юрид. лит., 1975. — 168 с.
- 97) Римское частное право: Учебник / В.А. Краснухутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. — М.: Юрист, 2004. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
- 98) Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011.

Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 958 с.

99) Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав / В.А. Рясенцев // Советская юстиция. — 1962. — № 9. — С. 7—10.

100) Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. — М.: Статут, 2009. — 221 с.

101) Сарбаш С.В. Обязательства со множественностью лиц и особенности их исполнения / С.В. Сарбаш. — М.: Статут, 2004. — 112 с.

102) Смирнов В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. — Л.: Из-во Ленингр. ун-та, 1983. — 152 с.

103) Степанов, Д.И. Феномен корпоративного контроля / Д.И. Степанов // Вестник гражданского права. — 2009. — № 3. — С. 142–206.

104) Степанов. С.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. — М: Проспект, 2015. — С. 381.

105) Суворов, Е.Д. Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Суворов Евгений Дмитриевич. — М., 2009. — 233 с.

106) Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 7. С. 42–49.

107) Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд. — М., 2015. — 456 с.

108) Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. 456 с.

109) Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях / И.Т. Тарасов. — М.: Статут, 2000. — 666 с.

110) Храпунова Е.А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Ростов-на-Дону, 2001. — 185 с.

111) Шевченко И.М. О правовой природе судебной неустойки (астрента) // Российский судья. 2021. N 8. С. 3–8.

112) Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — М., изд. Спарк, 1995. — 556 с.

113) Шиткина И.С. "Снятие корпоративной вуали" в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 3–36.

114) Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2015. — 1080 с.

115) Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. — М. Госюриздат., 1951.

Интернет-ресурсы.

116) Сведения портала «Федресурс» // URL: <https://fedresurs.ru/news/49c41551-a149-431a-8fb4-6e584b28f9b7?attempt=2> (Дата обращения — 20.05.2022).

117) Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

118) Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

119) Статья «Юристы оценили перспективу «субсидиарки» для экс-владельцев «Трансаэро» // URL: <https://pravo.ru/news/210240/> (Дата обращения — 10.10.2023).

120) Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве // URL:

http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls (Дата обращения 15.12.2020).

121) Статистический бюллетень ЕФРСБ. 30 июня 2018 г. Приложение. //URL: <https://www.fedresurs.ru/news/5bd49902-7344-4f03-a63e-344994816c5d?attempt=1> (Дата обращения — 17.11.2019).

122) Хартунг-Афифи О. Правовой институт оспаривания правовых действий в праве Германии о несостоятельности // Сборник статей о праве Германии. Вып. 1. 2015. Август. С. 202 [Электронный ресурс]. URL: www.drjv.org.

Иностранная литература.

123) Antunes J.E, liability of Corporate Groups. Autonomy and Control in Parent-subsidiary Relationships in US, German and EU law. An International and Comparative Perspective, (Deventer/ Boston, MA Kluwer Law and Taxation Publishers, 1994).

124) Antunes J.E. The Liability of Polycorporate Enterprises // Connecticut Journal of International Law (Vol. 13: 197, 1999).

125) Aukhatov A. Op. cit. S. 48; Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51d.

126) Baumbach A., Hopt K.J. Op. cit. Rn. 51h.

127) Beck'scher Online-Kommentar BGB / H.G. Bamberger, H. Roth (Hgs.). 29. Edition. Rn. 21.

128) Blumberg Ph. I., 'Accountability of multinational corporations: the barriers presented by concepts of the corporate juridical entity' (2001) 24 Hastings Int'l & Comp. L. Rev. 3015.

129) Blumberg Ph. I., The law of Corporate Groups. Problems of Parent and Subsidiary Corporations under Statutory Law of General Application (Boston/Toronto/London, Little, Brown and Co.), 1989.

130) Blumberg Ph. I., Wm. Passalacqua Bldrs., Inc. v. Resnick Devs. S., Inc., 933 F. 2d 131, at 138 (2d Cir. 1991).

131) Blumberg, Ph. I., The Law of Corporate Groups. Tort, Contract, and other Common Law Problems in the Substantive Law of Parent and Subsidiary Corporations (Gaithersburg/New York, Aspen Law & Business, 1987 (with 2000 supplement)).

- 132) Davies P. Palmer 's Company Law (London, Sweet &Maxwell, 1992), 2224–2225, no. 2.1521.
- 133) Dignam A. and Lowry J., Company Law, (Oxford, Oxford University Press, 2006).
- 134) Kempin E. Die amerikanischen Trusts // Archiv fur burgerliches Recht. Bd. 7, 1893.
- 135) Kuckertz W., Der Haftungsdurchgriff auf auslandische Unternehmen und Geschafitsleiter nach franzosischem Recht (Heidelberg, Verlag Recht und Wirtschaft, 2002).
- 136) Merkt H., Spindler G. Fallgruppen der Durchgriffshaftung und verwandte Rechtsfiguren // Das Kapital der Aktiengesellschaft in Europa. Berlin, 2006. S. 212, Fn. 18. (Zeitschrift Unternehmens- und Gesellschaftsrecht / ZGR-Sonderheft 17).
- 137) Muchlinski P., ('The company law review '), in J. de Lacy (ed.), above (The Reform of United Kingdom Company Law 2002).
- 138) Ottolenghi S., 'From peeping behind the corporate veil to ignoring it completely ' (1990) MLR.338, esp. 345.
- 139) Piercing the corporate law veil: the alter ego doctrine under federal common law ' (1982) 95 Harv. L. Rev.
- 140) Reder W., Die Eigenhaftung vertragsfremder Drifter im internationalen Privatrecht, Konstanzer Schriften zur Rechtswissenschaft, Band 21.
- 141) Reich-Graefe R. Changing Paradigms: The Liability of Corporate Groups in Germany // Connecticut Law Review (Vol. 37:785, 2005).
- 142) Rixon F.G, 'Lifting the veil between holding and subsidiary companies ' (1986) 102 LQR, 415 et seq.
- 143) Roth G.H., Altmeppen H. Op. cit. Rn. 133.
- 144) Thompson R. B., Piercing the veil within corporate groups: corporate shareholders as mere investors, (1999) 13 Conn. J. Int 'l L., 379 et seq. P.H. Easterbrook and D.R. Fischel, ((1985) U. Chi. l. Rev.), 112.
- 145) Vandekerckhove K., 'Vereenzelviging en het doorbreken van de rechtssubjectiviteit van verbonden vennootschappen' 2000 TRV.

146) Vandekerckhove K. Piercing the Corporate Veil. Kluwer Law International (2007).

147) Vias P., Rechtspersonen, (Deventer, Kluwer, 2002).
